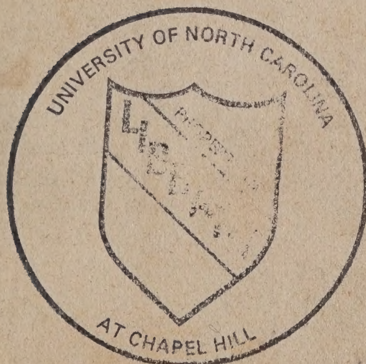

Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ

КЪ СЧАСТЬЮ

РОМАНЪ

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
EDITION «SPES», SECTION RUSSE
17, Rue Soufflot — Paris (V)

...«видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ — все суета и томленіе духа»...

(*Библія*).

I

Андрей де Верно опустился на стулъ подлѣ письменнаго стола жены и тяжело задумался.

Случайно взглядъ его скользнулъ по строкамъ недописаннаго ею письма:

«.....Я завидую каждой матери: безъ ребенка, безъ колыбели милаго дитяти, полнаго счастія быть не можетъ».

Передъ нимъ внезапно раскрылась, невѣдомая ему до тѣхъ поръ, сторона душевныхъ переживаній его жены. Никогда онъ не предполагалъ, что въ сердцѣ ея жило такое острое желаніе материнства, что у нея нѣтъ того полного счастія, которымъ онъ хотѣлъ окутать ея молодую жизнь.

Напряженно сдвинувъ брови и опустивъ голову, Вернэ долго сидѣлъ, устремивъ взглядъ въ одну точку и машинально перебирая между пальцевъ только что полученную телеграмму, извѣщавшую его о пріѣздѣ друга далекой мимолетно-бурной молодости.

Усиліемъ воли онъ отогналъ нахлынувшія мысли, поднялся съ кресла, надавилъ пуговку звонка и далъ распоряженіе вошедшему лакею, чтобы черезъ два часа была подана коляска. Вмѣсто того, чтобы продолжать свои занятія, Вернэ прошелъ черезъ террасу въ паркъ, и, закуривъ сигару, напряженно думая, сталъ ходить вдоль широкой главной аллеи, засаженной могучими платанами.

Въ широкомъ сѣромъ плащѣ, въ сопровожденіи громаднаго, неотступно всюду за нимъ слѣдовавшаго, умнаго сенъ-бернара, Андрей де Вернэ легко, несмотря на тяжесть громаднаго роста, ступилъ на подножку и также легко опустился на сидѣніе щегольского экипажа.

Пенсіеро, сѣвъ на заднія лапы у ногъ своего хозяина, поднялъ на него большіе, добрые и умные глаза.

— Къ поѣзду, — отдалъ приказъ Вернэ.

Пенсьеро что-то понялъ, сощурилъ глаза, потомъ закрылъ ихъ и положилъ морду на колѣни Вернэ. Боль-

шая рука, обтянутая въ перчатку, ласково опустилась на голову молчаливаго друга.

Вернэ рѣдко пользовался автомобилемъ: онъ любилъ лошадей, любилъ не слишкомъ быструю ѣзду по шоссѣ, вьющемуся извилистой линіей по живописной, спускавшейся подъ гору мѣстности далеко раскинувшихся луговъ, рощъ и густого смѣшаннаго лѣса. Онъ былъ громадный, сильный человѣкъ свыше сорока лѣтъ, съ красивой головой и сѣро стальными, полными ума и воли, глазами. Эстетъ, мыслитель и психологъ, онъ какъ бы химически разлагалъ каждое явленіе жизни, находя глубокую логику въ ея сложныхъ, перепутанныхъ узорахъ.

Онъ писалъ книгу, указывая на необходимость духовнаго совершенствованія человѣка для облегченія достиженій путей къ счастію.

Его жена — Сандра — была молодая полная жизни и темперамента русская женщина, принадлежавшая къ петербургскому обществу до-революціоннаго періода. Они жили въ его родномъ старинномъ замкѣ, расположенномъ на возвышенности, господствующей надъ окрестными лугами и лѣсами, въ ста километрахъ отъ Парижа. « Château d'aiglon » былъ окруженъ великолѣпнымъ паркомъ на берегу большого озера, съ густыми тѣнистыми аллеями, съ лужайками, засѣянными розами, съ таинственными рощами и бесѣдками, со статуями и фонтанами.

Въ нижнемъ этажѣ замка были парадные аппартаменты, половина Сандры и рядъ комнатъ для пріѣзжихъ гостей. Въ верхнемъ этажѣ жилъ хозяинъ **Château d'aiglon** проводившій всѣ дни напролетъ или въ своемъ кабинетѣ за рукописями, или въ докторскомъ, гдѣ онъ принималъ больныхъ изъ окрестныхъ деревень, или въ студіи живописи, гдѣ писалъ удачныя жанровыя картины. Рядомъ съ громадной библіотекой, съ восточными диванами, пестрыми подушками и персидскими коврами, былъ бѣлый съ позолотой залъ, посреди котораго стоялъ любимый другъ Вернэ — его рояль.

Сандра любила своего мужа сложной любовью. Она видѣла въ немъ всѣ тѣ качества, которыя ставили его неизмѣримо выше толпы. Для нея было тайной, какими мыслями была полна его голова въ часы сосредоточеннаго молчанія, когда его взглядъ устремлялся куда то да-

леко; въ немъ она но могла прочесть ничего, кромѣ упорной мысли. Ей казалось, что онъ уходилъ отъ земли, отъ всего, что его окружало, когда, погруженный въ науку, онъ по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ своего кабинета.

Онъ рѣдко покидалъ замокъ и ѣздилъ въ Парижъ только по крайней необходимости. Для жены онъ устроилъ близъ Елесейскихъ полей квартиру, гдѣ она проводила нѣкоторую часть зимняго сезона.

Предоставляя Сандру вихрю парижскихъ блестящихъ увеселенiй, самъ онъ оставался въ тишинѣ своего замка. Онъ видѣлъ, какъ широко расправлялись ея крылья, какъ стремительно отзывалась она на всѣ призывы жизни. Въ ореолѣ красоты, молодости и богатства, она вдыхала прянно-пьяный ароматъ парижскихъ салоновъ, баловъ, vernissage'ей, фанфарнаго, ослѣпительно-пестраго, бьющаго по нервамъ Вавилона. Жена извѣстнаго богача и ученаго, она притягивала восхищенные взгляды парижской толпы своей славянской красотой, когда, съ извѣстной всему Парижу, пiанисткой Мари де Вернэ, она входила въ ложи театровъ или въ концертныя залы.

Мари, двоюродная сестра Андрея де Вернэ, была ея единственнымъ большимъ другомъ, хотя и была на десять лѣтъ старше ея. Насколько въ Сандрѣ рвались къ жизни силы активной энергiи, настолько все существо Мари было полно созерцательности. У нея было блѣдное, съ задумчивыми карими глазами, всегда слегка приподнятое лицо, какъ будто она прислушивалась къ мелодiямъ, непрестанно звучащимъ въ ней и вокругъ нея. Гладко зачесанные, густые, схваченные узломъ волосы, болѣе чѣмъ на половину тронутые сѣдиной, обрамляли чистый гладкiй лобъ. Лицо ея было прелестно не тонкостью линiй, а той одухотворенной неувядающей красотой, которая дается богатствомъ внутреннихъ качествъ и для которой старость не страшна. Все въ ней было благородно, скромно и спокойно. Ея голосъ и ея рѣдкiй смѣхъ были тихи. Созерцая жизнь, она шла среди людей, чуждая ихъ страстей, чуждая желанiй и стремленiй. Звуки съ дѣтства окутали ея существо непроницаемымъ для жизни облакомъ, унесшимъ ее отъ мiра страстей. Вся она была созерцательная, далекая пассивность.

Какимъ то сложнымъ душевнымъ аппаратомъ она до тонкости понимала активную жизненную энергiю Сандры, хоть и оставалась сама чуждой бурямъ жизненнаго

потока. Ея внутренняя обитель всегда была одинока. Робкой тихой дѣвушкой, она высказала рѣшеніе остаться до конца жизни вѣрной міру звуковъ. Рѣшеніе это было подсознательное провидѣніе своей послѣдующей жизни, въ которой само собой выходило такъ, что ея существо допускало притяженіе къ себѣ лишь до извѣстной границы, до черты земныхъ страстей. Дальше никто не рѣшался подходить къ ней, а сама она не знала и не искала этихъ путей.

Мари жила всегда въ Пирижѣ, гдѣ выступала въ концертахъ и ѣздила заграницу въ артистическія поѣздки. Весной и лѣтомъ она пріѣзжала отдыхать въ замокъ Вернэ, гдѣ окончательно отходила отъ ненужнаго ей міра суетной парижской жизни.

Въ то время какъ изъ комнаты Мари или изъ бѣлаго зала верхняго этажа лились потоки звуковъ, — фантазія Сандры плела прихотливые узоры, и листки бумаги заполнялись длинными столбцами рифмованныхъ строкъ.

Налетавшій вѣтеръ перебиралъ ихъ, лаская попутно пряди разметавшихся на лбу волосъ. Угасали за озеромъ послѣдніе лучи солнца, изъ-за рощъ медленно скользили сѣро-сиреневыя тѣни, окутывая паркъ и замокъ. Изъ раскрытыхъ оконъ лились то нѣжныя, то бурныя мелодіи. Сандра продолжала писать, наклоняясь все ниже и ниже надъ листками, пока сгустившіяся во мракъ тѣни не забирались на террасу. Тогда она зажигала электрическую лампу, и ночныя бабочки, трепыхая бѣлыми и темными крылышками, кружились вокругъ голубого колпака, мимолетной пугливой лаской дотрагивались до ея руки, тыкались къ чернильницѣ и улетали прочь, исчезая во мракѣ, чтобы снова, притягиваемыя свѣтомъ, вернуться въ его рѣзко очерченный кругъ.

Сандра не замѣчала спустившейся на землю ночи, пока не тяжелѣли усталыя вѣки. Тогда она бросала перо и, опоенная фантазіей какъ крѣпкимъ виномъ, со взбудораженными, подобно ночнымъ бабочкамъ, мыслями, бросалась на кровать и сразу засыпала. Ей снились странные, пестрые сны.

Въ то время какъ щегольская коляска, покачиваясь на эластичныхъ рессорахъ, катилась по извилистой линіи шоссе, Вернэ, выбитый изъ обычнаго равновѣсія

мыслей, всегда погруженныхъ въ область науки, думалъ о своей женѣ, находившейся въ данный моментъ въ Парижѣ. Передъ нимъ, страница за страницей, перелистывалась его жизнь, прошлая и настоящая:

Онъ родился и выросъ въ этихъ богатыхъ угодьяхъ. Потерявъ рано мать, онъ росъ одиноко, безъ товарищей въ своихъ дѣтскихъ играхъ, сосредоточеннымъ пытливымъ ребенкомъ, подъ наблюденіемъ англичанина гувернера — умнаго, сухого раціоналиста и любящаго отца, умѣвшаго скрывать въ глубинѣ сердца нѣжную любовь къ сыну, строгаго въ обращеніи, требовательнаго въ исполненіи малѣйшаго долга — ученаго атеиста. Послѣ полученія сыномъ аттестата зрѣлости, старикъ отправилъ Андрея въ кругосвѣтное путешествіе. Вернувшись, Андрей потерялъ отца, сдѣлался единственнымъ обладателемъ громаднаго состоянія и, неожиданно для всѣхъ, знавшихъ серьезное направленіе его мыслей, бросился въ водоворотъ бурной жизни. Черезъ три года, такъ же неожиданно, онъ вырвался изъ захватившаго его потока и принялся съ жадностью систематически изучать одну науку за другой. Его мозгъ оказался бездоннымъ колодцемъ, ненасытно поглощавшимъ и быстро усваивавшимъ. Одновременно крѣпла и росла желѣзная воля, расширялись горизонты постиженія мiровыхъ абстрактныхъ законовъ, духъ поглощалъ матерію. Вернэ переселился окончательно изъ Парижа въ свой замокъ и здѣсь, въ полномъ одиночествѣ, развилъ въ себѣ, многосторонне-дарованные ему природой, таланты.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, случайная встрѣча съ Сандрой заставила его на короткое время оторваться отъ полнаго поглощенія науками.

Передъ глазами его предсталъ образъ его жены, то сосредоточенно-тихой, съ горящими отъ внутренняго возбужденія глазами, съ небольшой, своеобразной красоты, головкой, склоненной надъ исписанными листками, то шумно блестящей, нарядной, съ чистой линіей покатыхъ плечъ, нѣжно выступающихъ изъ-за вырѣза бальнаго платья, въ блестящей толпѣ — парижскихъ вечеровъ, окруженную, рождающую тайныя желанія всякаго сорта мужчинъ, низменные инстинкты которыхъ прячутся подъ наружной выдержкой, подъ маской свѣтскаго лоска.

Теперь онъ понялъ сколько опасности скрывалось въ

неограниченной свободѣ женщины, не имѣющей полнаго семейнаго счастья.

Вернэ тяжело вздохнулъ. Пенсьеро умными пытливыми глазами посмотрѣлъ въупоръ на своего хозяина.

— Да, мой вѣрный другъ, каждому изъ насъ и мнѣ, и тебѣ, и ей надлежитъ совершить судьбой предопредѣленный кругъ, — проговорилъ Вернэ, проводя рукой по головѣ собаки. — Очевидно, счастіе создаемъ не мы.

II

— Въ тебѣ появилось нѣчто новое, какое то обояніе силы и власти; ты начинаешь меня подавлять, — полушутя, полусерьезно говорилъ Жоржъ Шазаль, слегка отодвигая отъ стола стулъ, закуривая поданную ему сигару и глядя на своего пріятеля всегда смѣющимися, добродушно-насмѣшливыми глазами. Передъ нимъ стоялъ бокалъ съ недопитымъ виномъ. Свѣтъ громадной хрустальной люстры бросалъ острый, какъ бы праздничный свѣтъ на столъ съ севрскими вазами, въ которыхъ благоуханно раскрывали желтые, упругіе лепестки громадныя чайныя розы и бѣлыя пьяно пахнувшія туберозы; въ хрустальныхъ графинахъ, среди безчисленныхъ переломовъ лучей въ острыхъ граняхъ, играло алыми и топазовыми искрами вино.

— Помнишь наши безумія въ Парижѣ? Какъ это кажется давно. Женщины тебя называли le beau patricien. Онѣ были правы: tu es superbe! Что ты дѣлаешь чтобы не старѣть? У тебя нѣтъ ни одного сѣдого волоса. Я моложе тебя, а посмотри: — Шазаль повернулъ въ сторону Вернэ слегка сѣдѣющіе виски.

— Я отошелъ отъ жизни въ область мысли, отъ матеріи въ область духа.

— Однако, ты женатъ, и, какъ я слышалъ, на прелестной женщинѣ?

— Я женился не столько для личнаго счастья, сколько для того, чтобы дать радость жизни существу, имѣющему на то всѣ права.

— Да, все это очень альтруистично, однако жена — это не духъ, а матерія, и ты всетаки спускаешься иногда на нашу землю, эту прекрасную, полную соблазновъ,

грѣшную землю. — Глаза Шазаля, еще горѣвшіе огнемъ, сощурились въ насмѣшливую улыбку.

Онъ взялъ бокалъ съ недопитымъ виномъ и дотронулся имъ до края бокала Вернэ:

— За то, что, отойдя отъ жизни, ты всетаки умѣешь такъ красиво ее использовать.

Послѣ обѣда, Вернэ взялъ подъ руку пріятеля, чтобы показать ему весь замокъ. Когда они вошли въ кабинетъ, Шазаль съ неопредѣленнымъ вздохомъ опустился въ кресло подлѣ распахнутаго окна, изъ котораго была видна живописнѣйшая часть парка. Удобно расположивъ свое худощавое тѣло въ мягкихъ подушкахъ кресла, опустивъ подбородокъ на скрещенные пальцы, Шазаль задумался, глядя передъ собой на подернутый вечернимъ сумракомъ паркъ.

— Ты усталъ съ дороги? — прервалъ молчаніе Вернэ.

— Не особенно. Я сейчасъ думалъ о томъ, что, женившись, ты поступилъ правильнѣе меня. Жизнь холостяка лишена аромата женственной поэзіи, безъ которой нашъ «home» угрюмъ и сѣроватъ.

Шазаль увидѣлъ въ глубинѣ задрапированной ниши большой, во весь ростъ, портретъ красивой женщины въ легкомъ нарядѣ, писанный масляными красками.

— Это твоя жена? Что за очаровательное существо! Я увѣренъ, что она, какъ и всѣ приближавшіяся къ тебѣ женщины, счастлива быть въ плѣну у тебя.

— Ея свобода неограниченна, могу тебя увѣрить.

— Вѣроятно, ибо не опасна свобода тому, кто подчиненъ внутренней силѣ.

— Мой милый Шазаль, ты преувеличиваешь мою власть надъ женщиной.

На слѣдующій день Шазаль, въ ожиданіи пріѣзда хозяйки замка, съ книгой въ рукахъ, бродилъ по парку, заглядывалъ въ спрятанныя въ тѣневыхъ уголкахъ бесѣдки, по ступенямъ которыхъ стремительно проскальзывали гибкія, проворныя изумрудно-зеленыя ящерицы, и медленно и задумчиво ползли громадные темные жуки. Бабочки вились надъ лѣниво-перелистываемой страницей; смѣшанный запахъ цвѣтовъ, душистыхъ травъ и разогрѣтой сосны бодрилъ и опьянялъ.

Шазаль не слышалъ, какъ вдоль, огибающей паркъ, аллеи мягко промчался автомобиль и нырнулъ подъ сводъ мощныхъ буковъ, сплетающихся наверху раски-

дистыми вѣтвями и образующими тѣнистый сводъ, отъ котораго въ солнечные дни падалъ на землю колеблющійся узоръ кружевной свѣто-тѣни.

Автомобиль остановился между колоннами параднаго подъѣзда. Быстро мелькнули силуэты Сандры и Мари, и автомобиль, обогнувъ уголъ замка, направился въ гаражъ.

Ровно въ семь съ половиной удары гонга оповѣстили обитателей замка, что обѣдъ поданъ. Вернэ, Шазаль и Мари въ ожиданіи хозяйки стояли въ гостинной у открытой стеклянной двери, ведущей на террасу, откуда мягко скользили въ залитую яркимъ свѣтомъ комнату спускавшіеся на землю сумерки.

Я такъ хотѣла бы забыть о Парижѣ и надолго не покидать эти благодатные луга и лѣса, — говорила Мари, глядя всегда задумчивыми глазами вглубь темнѣвшаго парка. — Но, кажется, я должна буду принять участіе въ рядѣ благотворительныхъ концертовъ, въ которыхъ участвуетъ пріѣхавшій изъ Италіи блестящій баритонъ, — восходящая звѣзда этого сезона.

— Итальянецъ?

— Нѣтъ, русскій. Говорятъ, богатый помѣщикъ. Не могу припомнить его фамилію.

— Вы не можете отказаться отъ участія?

— Не удобно, — вздохнула Мари и сдѣлала нѣсколько шаговъ на террасу, гдѣ тѣни сразу окутали ея хрупкую фигуру.

Мари, пріѣзжая въ замокъ, погружалась съ головой въ ту атмосферу одиночества, тишины и звуковъ, которая была ей необходима. Здѣсь она стряхивала всю наносную, ненужную ей пыль Парижской сутолоки, полной искусственнаго подъема. Въ одиночествѣ она старалась забыть пеструю толпу ненужныхъ поклонниковъ ея таланта, похвалы которыхъ она пропускала мимо ушей какъ диссонирующій аккордъ, нарушающій строгую и стройную мелодію, звучащую только для нея одной, только ей одной понятную. Она вставала рано и уходила на далекія прогулки; къ завтраку она не выходила и все дообѣденное время проводила въ своей комнатѣ за роялемъ. Ея руки, ложась на клавиши, пріобрѣтали необычайную силу и увѣренность. Нѣжные пальцы четко сыпали каскады, какъ перлы, чистыхъ звуковъ; мощно ударяя, рождали настойчивыя бурныя

мелодіи. Голова была слегка откинута назадъ, по лицу струились незамѣчаемыя ею слезы, надъ полуопущенными вѣками сдвигалась тонкая дуга черныхъ бровей, лицо блѣднѣло... Никто, лишь одинъ Вернэ зналъ опредѣленно, что подъ этимъ выраженіемъ поблѣднѣвшаго лица, съ линіей плотно сдвинутыхъ бровей, таился бездонный мистицизмъ, скрытая сила, способная на духовные подвиги.

О себѣ Мари никогда не говорила. Разсказывать людямъ о томъ, что знала ея душа она не только не хотѣла, но никогда не смогла бы, такъ какъ для глубочайшихъ переживаній души человѣка утеряна способность передачи.

Мари, невѣдомой ей самой силой души, притягивала къ себѣ людей и ей, не знавшей жизненныхъ страстей и бурь сердца, эти люди, въ минуты горя и страданій, раскрывали свои сердца и искали у нея поддержки и совѣта, которые она безъ всякихъ исканій находила такъ же просто и вѣрно, какъ находили ея пальцы созвучія, соотвѣтствующія настроеніямъ ея души.

— У васъ удивительный мужъ, — говорилъ Шазаль, спускаясь послѣ обѣда вмѣстѣ съ Сандрой по ступенямъ террасы въ потемнѣвшій паркъ.

— Да, Андрей удивительный человѣкъ. Вы его давнишній другъ, — скажите, онъ такимъ былъ и въ молодости?

— Въ основѣ онъ измѣнился мало. Конечно, духовно онъ выросъ до громадныхъ размѣровъ. Если бы я былъ женщиной, онъ подавлялъ бы меня своей духовной силой.

Сандра разсмѣялась:

— О нѣтъ! Онъ такъ уменъ, что не подавляетъ, а только восхищаетъ.

Въ это время Мари, сидя на террасѣ и устало опустивъ на колѣни руки, говорила Вернэ, докуривавшему за чашкой кофе сигару.

— Въ вашу жену, Андрэ, влюбился одинъ милліардеръ-американецъ; стоитъ ей только пріѣхать въ Парижъ, какъ онъ анонимно заваливаетъ ея квартиру цвѣтами. Кончится тѣмъ, что онъ ее у васъ похититъ и увезетъ въ Америку.

— Чтожъ, это недурное путешествіе.

Вернэ улыбнулся, потянулъ изъ сигары, и его стро-

гіе глаза блеснули при вспыхнувшемъ на секунду аломъ свѣтѣ.

— Вы не ревнивы, Андрэ, и вы правы.

— Я никогда не зналъ этого чувства, а еслибъ узналъ, то, конечно, сумѣлъ бы его подавить.

— Я мало понимаю въ этихъ вещахъ, я даже совсѣмъ ничего не понимаю, но мнѣ кажется, что ревность доказываетъ несовершенство высокаго чувства любви.

— Ревность доказываетъ эгоизмъ.

— Любовь не можетъ быть не эгоистична, — отозвался Шазаль, подымавшійся съ Сандрой обратно на террасу.

Тогда она и есть та несовершенная любовь, о которой только что говорила Мари.

— Нѣтъ, нѣтъ, я протестую, — горячо заговорилъ Шазаль. — Если мы будемъ говорить о любви безъ наличія страсти, то ты правъ; но страстная любовь безъ ревности существовать не можетъ. Геній Шекспира сказалъ намъ объ этомъ въ лицѣ «Отелло». Любовь безъ страсти не есть настоящая любовь, значитъ и любовь безъ ревности не есть настоящая любовь. Развѣ я не правъ? — обратился онъ къ Сандрѣ, слегка прижимая къ себѣ локтемъ ея лежавшіе на его рукѣ пальцы.

— Я... я, право не знаю. Я никогда не задумывалась объ этомъ, — съ запинкой выговорила Сандра.

— Я никуда не годный оппонентъ, я не могу доказать того, чего не знаю, но всетаки я остаюсь одного мнѣнія съ Андрэ, и если бы мнѣ нужна была любовь, то только совершенная, то есть лишенная ревности, — мягко отозвалась Мари.

— Ergo — страсти, — подхватилъ Шазаль. — Повѣрьте моему жизненному опыту: тотъ кто любитъ безъ страсти, тотъ стоитъ въ сторонѣ. Кто любитъ и ревнуетъ, тотъ стоитъ не только рядомъ, но даже впереди, чтобы оттолкнуть могущаго заградить его путь. Настоящая страстная любовь толкала и будетъ толкать людей на героическіе подвиги и на величайшіе преступленія. Это рычагъ, которымъ можно сдвинуть горы.

Сандра молчала. Убѣжденный тонъ Шазаля заставлялъ ее о чемъ то задумываться.

Когда всѣ разошлись, она передъ тѣмъ какъ удалиться въ свою комнату, положивъ на плечи мужа обѣ руки и глубоко глядя ему въ глаза, спросила:

— Ты любишь меня?

Вернэ, какъ въ открытой книгѣ, прочелъ ея мысли, увидѣлъ ея сердце, взволнованное новыми вопросами.

— Да, я люблю тебя, но безъ ревности.

Онъ привлекъ ее къ себѣ, положивъ ея голову на свою сильную, большую грудь.

Сандрѣ показалось, что онъ отгородилъ отъ нея весь міръ, что ничего нѣтъ, кромѣ его огромной силы, въ которой она утопаетъ, маленькая, слабая и любящая.

— Я знаю, что душа твоя принадлежитъ мнѣ, а жизнь твоя можетъ принадлежать только тебѣ одной,— проговорилъ онъ, цѣлуя ея лобъ.

III

Сандра, подъруку съ Шазалемъ, вошла въ огромный концертный залъ, когда онъ уже былъ полонъ публикой, той нарядной толпой, которую до войны зналъ только Парижъ. Моднаго, свѣтло рыжеватаго цвѣта прически дамъ были совершенно необычайно украшены бѣлыми и цвѣтными развивающимися «эспри» и «панашъ», прикрѣпленными къ охватившимъ лобъ блестящимъ обручамъ. Шелковыя пестрыя ткани смѣло и легко драпировали сильно декольтированныя фигуры, худощавыя и гибкія, съ умѣло подведенными, принимавшими оттѣнокъ загадочности, глазами и влажно коралловыми губами. Мужчины, въ безукоризненнаго покроя смокингахъ, съ нервными подвижными лицами, съ сухощавыми чертами лица, съ блестящими глазами, съ тщательными проборами, сдержанно разглядывали дамъ, стоя въ проходахъ и занимая свои мѣста.

Сандра, съ большимъ букетомъ алыхъ розъ, присланныхъ ей Шазалемъ для концерта, съ діадемой на волосахъ, къ которой былъ прикрѣпленъ цѣлый каскадъ легко свѣшивавшихся до самой шеи бѣлыхъ райскихъ перьевъ, прошла въ первый рядъ креселъ, провожаемая одобрительными взглядами мужчинъ.

Послѣ нѣсколькихъ музыкальныхъ номеровъ артистовъ, уже знакомыхъ Парижу, на эстраду увѣренно вышелъ средняго роста, крѣпко сложенный человѣкъ, съ загорѣлой, здороваго цвѣта, кожей, сильный брюнетъ

съ продолговатыми, полными огня и жизни глазами, выразительнымъ яркимъ ртомъ, мускулистый, сильный, съ элластичными и увѣренными движеніями. Онъ безъ улыбки поклонился публикѣ, развернулъ и снова свернулъ тетрадку нотъ, бросилъ на аккомпаньятора быстрый взглядъ, сдѣлалъ шагъ ближе къ рампѣ и запѣлъ. Съ первыхъ же звуковъ публика насторожилась и замерла какъ подъ гипнозомъ. Голосъ пѣвца былъ совершенно необычайный. Яркія звуки легко и просто переходя отъ піаниссимо до громаднаго, металломъ звучащаго, форто, переполняли огромный залъ, казалось безъ конца все наростая и наростая. Пѣвецъ управлялъ дыханіемъ, какъ будто въ груди его были мощные мѣха. Музыкальность, выразительность и школа были доведены до совершенства. Громъ нескончаемыхъ рукоплесканій наполнилъ залъ, едва онъ окончилъ. Послѣ второго номера, вызвавшаго несмолкаемые бурные апплодисменты и безконечные вызовы пѣвца, былъ антрактъ.

— Какой необычайный голосъ! — съ блестящими отъ восторга глазами обратилась Сандра къ Шазалю. — Проведите меня къ Мари въ артистическую. Я хочу его поближе разсмотрѣть.

Мари сидѣла въ креслѣ и перелистывала толстую тетрадь нотъ. Она должна была выступить первая во второмъ отдѣленіи и, по обыкновенію, сильно волновалась.

Какой у него голосъ! Несомнѣнно, это будущая міровая знаменитость, я въ этомъ увѣрена.

— Да, голосъ необычайный. Онъ только что окончилъ учиться въ Италіи и уже приглашенъ въ Америку. Я сейчасъ его вамъ представлю.

Арчевскій, со стаканомъ краснаго вина въ одной рукѣ, въ другой — со свиткомъ нотъ, подходилъ къ нимъ. Лицо его было взволнованно, глаза горѣли.

— Что вы поете въ этомъ отдѣленіи? — обратилась къ нему Мари.

— Арію Тореадора.

Онъ сдѣлалъ въ сторону Сандры почтительный поклонъ и поставилъ на столъ стаканъ съ недопитымъ виномъ.

— Какой у васъ необъятный, чудный голосъ! Я горжусь, что онъ принадлежитъ моему соотечественнику.

Сандра протянула ему руку.

— Если бы я не знала, что вы русскій, то приняла бы васъ за итальянца.

— Нѣтъ, я русскій, и душа у меня русская.

Арчевскій почувствовалъ какъ бы электрическій сильный токъ, передавшійся отъ него къ ней. Ею овладѣло странное волненіе. Она опустила глаза, но и сквозь опущенныя вѣки чувствовала непреодолимую, притягательную силу его взгляда.

— Если не ошибаюсь, мы сосѣди по имѣнію, — заговорила она, чувствуя неловкость страннаго, полнаго значенія, молчанія. — Вѣдь вы Тульскій помѣщикъ?

— Какъ же. Я имѣлъ удовольствіе бывать въ домѣ вашихъ родителей послѣ вашего замужества и неоднократно встрѣчался съ вашимъ братомъ Кирилломъ на выборахъ въ Тулѣ, а также и въ Петербургскихъ салонахъ. Блестящій дипломатъ! Гдѣ онъ сейчасъ?

— Братъ въ Афинахъ. Мы съ нимъ большіе друзья, и я очень горжусь имъ.

— Въ васъ есть много напоминающаго его. Какъ жаль, что я не встрѣтился съ вами въ Россіи до вашего замужества, — слегка понизивъ голосъ, значительно произнесъ онъ.

Опять наступило минутное молчаніе. Сандра не поднимала глазъ, боясь встрѣтить волнующій ее горячій взглядъ.

— Какіе чудесные цвѣты, — проговорилъ Арчевскій, слегка наклоняя лицо, чтобы уловить ароматъ розъ.

Сандра вытянула изъ букета большую, упругую розу и протянула ее пѣвцу:

— Это моя благодарность за громадное наслажденіе, доставленное вашимъ пѣніемъ.

Арчевскій поклонился, и Сандрѣ показалось, что, склоняя голову, онъ приникъ на секунду губами къ лепесткамъ цвѣтка.

Затрещалъ электрическій звонокъ, сигналъ къ концу антракта. Мари, съ двумя алыми пятнами на щекахъ, признакомъ сильнаго волненія, быстро поднялась съ кресла и стала нервно оправлять волосы и петли лентъ у кушака. Сандра, наскоро простясь съ ней, пошла къ выходу. Арчевскій, забывъ все кромѣ того, что она уходитъ, что онъ не успѣлъ сказать ей того самаго большого и важнаго, чѣмъ, словно откуда то вырвавшейся волной, онъ сразу былъ весь заполненъ съ той минуты,

какъ она впервые подняла на него свои свѣтлые глаза, какъ сказала ему первое слово, — шелъ рядомъ съ ней и тяжело дыша, кусалъ губы. Когда она, прощаясь, протянула ему руку, онъ, почтительно склонясь и цѣлуя ея пальцы, на секунду задержалъ ихъ въ своемъ горячемъ пожатіи.

— Черезъ четыре дня, въ пятницу, я опять тутъ пою. Вы будете здѣсь?... Я прошу васъ, я васъ умоляю! — горячимъ шопотомъ добавилъ онъ.

Сандра вспыхнула.

— Да, я буду, — безсознательно понижая голосъ, отвѣтила она, какъ будто давая ему тайное обѣщаніе.

— Если васъ не будетъ, я не смогу пѣть, я уйду съ эстрады...

— Я пріѣду. — Она кивнула ему головой и, подхвативъ трэнъ, легко и радостно сбѣжала съ трехъ ступеней, ведшихъ за колоннаду зала.

Во второмъ отдѣленіи публика встрѣтила пѣвца долгими апплодисментами. Онъ кланялся, благодарилъ, но видѣлъ только одну Сандру. Послѣдній номеръ программы, арію «Тореадора», онъ исполнилъ съ такимъ подъемомъ, съ такимъ горячимъ темпераментомъ, что публика сорвалась съ мѣста и ринулась къ эстрадѣ. Онъ кланялся съ улыбкой благодарности, подбиралъ цвѣты, но взглядъ его то и дѣло отанавливался на Сандрѣ.

Четыре дня, отдѣлявшіе слѣдующій концертъ, Сандра ловила себя на безпрестанной мысли объ Арчевскомъ.

Несмотря на общіе восторженные отзывы о новой знаменитости, Вернэ отказался отрываться отъ своихъ занятій, чтобы ѣхать въ Парижъ. Сандра предложила пригласить Арчевскаго въ замокъ и была рада, что мужъ одобрилъ этотъ проэктъ.

IV

Черезъ нѣсколько дней Сандра, Мари и Шазаль опять уѣхали въ Парижъ.

Одѣваясь къ концерту, Сандра испытывала непривычное волненіе, въ причинахъ котораго не хотѣла отдать себѣ отчета.

Шазаль во время антракта передалъ Арчевскому ея

приглашеніе пріѣхать къ ней ужинать по окончаніи концерта.

Глаза пѣвца вспыхнули радостнымъ огнемъ.

Арчевскій въ этотъ вечеръ пѣлъ какъ никогда.

Въ каждой нотѣ его чудеснаго голоса звучала могучая, потокомъ выливавшаяся, страсть. Его душевная напряженность заражала толпу, взвинчивала ея нервы, и она, съ возбужденными, блестящими, какъ у пѣвца, глазами, бурно, безконечное количество разъ, вызывала его. Требуя новыхъ нумеровъ, публика толпилась у эстрады, женщины бросали ему цвѣты. Арчевскій благодарилъ и пѣлъ съ наростающимъ подъемомъ. Сердце его напряженно билось отъ сознанія, что «она» здѣсь, что она поняла бурю его сердца, внезапно налетѣвшую и уже поработившую его. Среди тысячи улыбавшихся ему женскихъ губъ и глазъ, онъ видѣлъ только ея изогнутую алую линію губъ и большіе глубокіе глаза. Онъ испытывалъ громадное счастіе выливать въ яркихъ, какъ сама страсть, звукахъ то, что бурлило и сжигало пожаромъ желаній его сердце. Арчевскій понялъ съ первыхъ же, обращенныхъ къ нему, словъ Сандры, простыхъ и мало значительныхъ для другого, полныхъ таинственнаго, сложнаго глубокаго значенія для него, что передъ нимъ стояла женщина его жизни, несшая ему, до краевъ наполненную, чашу рока, чашу, къ которой онъ жадно потянулся и которую жаждалъ выпить до дна, хотя бы и зная, что она наполнена отравой. Такія встрѣчи неминуемы въ жизни людей, безстрашныхъ къ ея вызовамъ. Арчевскій понималъ, что съ момента встрѣчи съ Сандрой, онъ приближается къ чему то громадно безповоротному, къ чему то, что должно поглотить его и ее. И онъ шелъ, онъ мчался навстрѣчу своему року, онъ сгоралъ отъ желанія скорѣй броситься въ жуткую, раскрывающуюся подъ его ногами пропасть, въ которую неминуемо должна броситься и она. Онъ зналъ навѣрное, что края этой пропасти сомкнутся надъ ихъ головами, что ихъ будетъ ждать нѣчто жуткое, какъ буря, какъ все ломающій на своемъ пути, вихрь. Отъ этого сознанія сердце его не робѣло, оно билось безумными ударами страстнаго ожиданія. Онъ, знавшій свою кипучую натуру, все же чувствовалъ себя какъ бы ошеломленнымъ передъ тѣмъ, что налетѣло на него такъ внезапно, такъ стремительно и такъ стихійно.

Когда онъ, ни на секунду не переставая съ эстрады слѣдовать взглядомъ за Сандрой, замѣтилъ что она, въ сопровожденіи Шазаля, стала направляться къ выходу, онъ поклонился въ послѣдній разъ восторженно-аплодировавшей ему публикѣ и рѣшительно ушелъ съ эстрады. Въ артистической гостинной его ожидала кучка веселыхъ поклонниковъ, съ которыми онъ предполагалъ провести нѣсколько часовъ въ ресторанѣ. Его неожиданный отказъ разстраивалъ ихъ планы. Они пробовали уговорить его, но онъ остановилъ ихъ движеніемъ руки.

— Господа, сегодняшній вечеръ у меня занятъ, и никакія силы не могутъ меня заставить отъ него отказаться.

Онъ собралъ ноты, переждалъ пока залъ опустѣлъ, и прошелъ черезъ боковой ходъ на улицу. Вмѣсто того, чтобы сразу сѣсть въ автомобиль, онъ рѣшилъ пройти нѣсколько шаговъ пѣшкомъ, чтобы успокоить волненіе, слишкомъ сильно охватившее его.

Парижъ грѣлъ огнями. Мчались автомобили, уносившіе публику изъ концертовъ и театровъ въ ночные рестораны. Притушенная и прикрытая закипала ночная нервная, какъ алкоголь пьяная, жизнь блестящаго Вавилона, отравленная пресыщенными, утонченными желаніями и вождѣленіями. Арчевскій ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ. Онъ забылъ всю свою жизнь, пеструю и богатую, онъ забылъ всѣхъ и все: существовало лишь то, что ждало его черезъ десять-пятнадцать минутъ; существовала лишь его новая, большая безудержно-разбушевавшаяся страсть, а можетъ быть и страсть и любовь къ женщинѣ съ золотыми волосами и голубыми, какъ звѣзды яркими, глазами, зовущими его, сулящими ему..... Что? Счастіе или муки? Что бы это ни было, онъ готовъ былъ заранѣе подписать свой смертный приговоръ, готовъ былъ присудить себя на какія угодно муки, лишь бы вырвать ее у жизни.

Арчевскій чувствовалъ, какъ пылали его глаза, какъ пылало и рвалось въ учащенныхъ ударахъ его сердце. Онъ чувствовалъ себя въ эти минуты сильнымъ и непобѣдимымъ. Онъ зналъ, что она пойметъ это, лишь только взглянетъ въ его лицо. Скорѣе, скорѣе увидѣть эти глаза, эти губы... услышать ея голосъ! Она должна сказать ему то, чего требуетъ все его существо... если она не скажетъ, онъ будетъ на глазахъ ея рыдать какъ ре-

бенокъ. Но нѣтъ, она скажетъ, она не можетъ не сказать!

Онъ сѣлъ въ стоящій на углу «такси». Въ спутанномъ клубкѣ мыслей, желаній и чувствъ надвигавшагося счастія, онъ не помнилъ, какъ доѣхалъ, какъ взбѣжалъ на лѣстницу, какъ позвонилъ у немедленно открывшейся двери.

На порогѣ гостинной его встрѣтилъ Шазаль. Онъ протянулъ ему обѣ руки:

— Bravo! Vous avez eu un succès bœuf! — привѣтствовалъ онъ его.

Изъ боковой арки, отдѣлявшей гостинную отъ залы, онъ увидѣлъ Сандру. Она оставалась въ томъ же туалетѣ изъ блестящаго шелка тѣльнаго цвѣта, обтягивавшаго ея тонкую фигуру. Нѣжная кожа обнаженныхъ рукъ и плечъ сливалась съ цвѣтомъ шелка. Арчевскій стремительно пошелъ къ ней навстрѣчу. Онъ приникъ къ ея рукѣ губами и, не выпуская ее, поднялъ на нее горячій взглядъ. Она опустила глаза. Яркая краска выступила на щекахъ, залила лобъ и шею.

— Благодарю васъ, что позвали. Какое счастіе!... Опять я вижу васъ... Я схожу съ ума! — прошепталъ онъ. — Вы вѣрите мнѣ?

— Я вѣрю вамъ... — У Сандры дрожалъ голосъ. Она чувствовала, что ее начинало заволакивать новое, невѣдомое ей до тѣхъ поръ, остро-жгучее и сладостное чувство.

Избалованная поклоненіемъ, привыкшая чувствовать на себѣ восторженные взгляды мужчинъ, она, всегда умѣвшая однимъ движеніемъ, однимъ словомъ создать пропасть между собой и желавшими ее мужчинами, на этотъ разъ не находила такихъ словъ, потому что, вмѣсто протеста, въ ней зажглось, еще не осознанное ей самой, отвѣтное желаніе, уже поработившее ея волю.

Онъ прочелъ это въ смущенномъ, какъ бы испуганномъ взглядѣ.

— Какое счастіе!... — повторилъ онъ и на секунду закрылъ глаза.

— Ради Бога... — Сандра не договорила. Она хотѣла сказать: ради Бога, не надо, но послѣднее слово сорвалось; она поняла, что уже что то рѣшилось, что это слово уже не нужно, какъ запоздалое и ничего не значущее.

Въ дверяхъ показалась Мари.

— Мои пріятели, только что узнавшіе отъ меня, что я увижу васъ, просили передать ихъ восторженное поклоненіе вашему таланту, — обратился Арчевскій къ Мари.

— Благодарю васъ. Я очень цѣню ихъ вниманіе.

Мари, утомленная, уже потухшая, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, вяло опустилась на диванъ.

— Я очень устала, и боюсь, буду фальшивой нотой для вашего веселаго ужина.

— Бокалъ шампанскаго сразу ободритъ васъ. Это не болѣе какъ реакція послѣ нервнаго возбужденія. Вы слишкомъ впечатлительны и нервны.

Мари устало вздохнула и положила руку на предложенную ей руку Шазаля.

У Арчевскаго и Сандры пьянѣли сердца и мысли. Съ каждой минутой все напряженнѣе и острѣе отъ одного къ другому протягивались тонкія электрическія нити, обволакивающія ихъ, туманившія ихъ разсудокъ. Сандра отчетливо сознавала, что за каждой его незначительной фразой, обращенной къ ней, значились иныя значительныя, пугавшія и притягивавшія слова. Въ этотъ вечеръ ею, какъ и имъ, было забыто все, кромѣ настоящихъ часовъ, опускавшихся тяжелыми гирями на вѣсы ихъ жизни. Были ли то гири грядущаго счастія или испытаній — они не задумывались, такъ какъ то, что происходило въ нихъ, что переливалось горячими волнами отъ одного къ другому, было сильнѣе ихъ самихъ.

Послѣ ужина Мари прошла въ залъ и откинула крышку рояля.

Сандра, вмѣстѣ съ Арчевскимъ, прошла въ гостиную и опустилась на низкій, обитый блѣднымъ штофомъ диванъ. Шазаль остался въ столовой докуривать сигару.

Мари опустила на колѣни руки и на нѣсколько минутъ закрыла глаза. Тихія, мягкія крылья приподнялись, подхватили ее и стали медленно уносить отъ окружавшей ее жизни. Въ груди ея прозвучали первые аккорды. Мари открыла глаза, устремивъ взглядъ туда, куда безшумно несли ее мягкія крылья. Лицо поблѣднѣло, линія черныхъ бровей сдвинулась. Она опустила пальцы на клавиши: раздался, какъ загадка жизни, строгій, глубокій аккордъ...

Сандра вздрогнула и, сплетя пальцы, прижала ихъ къ груди. Сердце стремительно забилось. Въ любимыхъ,

что то таинственное для нея заключающихъ звукахъ рапсодіи Листа, она услышала неуловимыя, но несомнѣнныя предначертанія грядущаго, чего то большого неотвратимаго, уже стоявшаго за ея спиной. Она подняла глаза на Арчевскаго. Взгляды ихъ встрѣтились.

— Оно идетъ!... идетъ оно!... — какъ бабочки замѣтались ея мысли.

— Я люблю васъ... я весь въ вашей власти, — услышала она прерывистый, страстный шопотъ.

Онъ взялъ ея руку и осторожно и бережно прижалъ къ своему сердцу. Изъ зала неслись нѣжные и трагичные, полные призыва, звуки рапсодіи.

— Все, что есть во мнѣ свѣтлаго и святого, я кладу къ ногамъ вашимъ. Дорогая, не оттолкните меня... я не вынесу... Скажите одно лишь слово: нужна ли вамъ моя безпредѣльная любовь?

У ногъ ея раскрылась пропасть, и она стремительно покатилась внизъ.

— Вы слышите меня?... Слово, одно слово, умоляю васъ... — Сердце ея рванулось... все исчезло...

— Да... — едва разслышалъ онъ.

Блѣдный, съ дрожащими пересохшими губами, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру, силясь справиться съ громаднымъ, какъ пожаръ, охватившимъ все его существо, волненіемъ. Онъ стремительно вернулся къ дивану, опустился на колѣни и прижалъ къ губамъ край ея блѣдно розоваго платья.

Изъ залы неслись бурные, рокочущіе, торжествующіе звуки рапсодіи.

V

Букетъ изъ гвоздикъ, принесенный садовникомъ въ комнату, приготовленную для Арчевскаго, Сандра велѣла убрать. Она отправилась въ оранжерею и срѣзала тамъ благоухающія алыя розы, такія же точно какъ тѣ, что были въ ея рукахъ въ вечеръ ихъ первой встрѣчи. Одну темную, ало-упругую, влажнымъ ароматомъ пахнувшую розу на длинномъ стеблѣ, она положила на его ночной столъ, какъ залогъ неувяданія того чувства, которое пробудилось въ ней въ моментъ ихъ первой встрѣчи, когда она протянула ему такой же цвѣтокъ.

Пять дней, прошедшихъ послѣ ужина въ ея квартирѣ

были для нея днями мучительнаго метанія души и мыслей. Мозгъ ея силился понять, какимъ образомъ могло расколоться ея сердце въ чувствѣ къ мужу. Она провѣряла себя, нѣтъ ли обмана, не остыла ли ея любовь къ человѣку, который былъ для нея олицетвореніемъ всего того сильнаго и святого, что было для нея связано съ понятіемъ о любви. Но нѣтъ, она опредѣленно чувствовала, что къ мужу ея чувства не измѣнились: такъ же прекрасенъ былъ для нея его образъ, такъ же дорого оставалось все, что было съ нимъ связано.

Она провела безсонную ночь послѣ признанія Арчевскаго и въ условленный ранній часъ вышла изъ дому. Взявъ «такси» она направилась въ Булонскій лѣсъ. Широкія аллеи были еще пусты. Громадныя клумбы, освѣженныя ночной росой и уже обласканныя утренними лучами, благоуханно и нарядно пестрѣли среди зелени лужаекъ. Только что открытыя кафе и рестораны были еще пусты и тихи. Сандра отпустила «такси» и пошла пѣшкомъ. Сердце ея билось возбужденными ударами, глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ, тонкія стройныя ноги едва касались земли. Приподнявъ навстрѣчу утренней прохладѣ разгоряченное, съ пылающими щеками лицо, она стремительно шла, почти бѣжала. Заслышавъ позади себя быстрый ходъ автомобиля, она замедлила шагъ. Сердце забилось перебоями. Машина остановилась. Дверца быстро распахнулась, и на дорогу вышелъ Арчевскій. Онъ бросился къ ней. Нѣсколько минутъ оба молчали, такъ велико было охватившее ихъ волненіе. Онъ держалъ въ рукѣ ея руку, крѣпко сжималъ и смотрѣлъ ей въ лицо счастливыми пламенно горящими глазами.

— Мнѣ казалось, что я не доживу до этого часа,—заговорилъ онъ, сворачивая въ боковую аллею и опускаясь рядомъ съ нею на скамейку. — Я зналъ, что не сомкну глазъ и даже не пытался ложиться. А вы отдохнули?

— Я тоже не могла заснуть. Мнѣ надо было такъ много сказать вамъ, а вотъ теперь, когда мы вмѣстѣ, у меня въ головѣ все спуталось... вѣдь случилось что то...

— Не что то, а случилось громадное, какъ солнце яркое, огненное счастіе. Опять я вижу васъ, я слышу вашъ голосъ. Я готовъ сейчасъ опуститься на колѣни, цѣловать землю по которой вы ходите. Безъ васъ я жить больше не могу.

— Юрій Николаевичъ, мы оба творимъ безуміе. Вѣдь я замужемъ, вѣдь я люблю своего мужа!

— Вы его любите?... — Онъ сразу поблѣднѣлъ такъ, что даже губы потеряли яркую краску.

— Да, я очень люблю. Когда вы его увидите, то вы меня поймете.

— Вы его любите?... А какъ же я?...

— Я сама ничего не понимаю.

Арчевскій выпустилъ ея руку и рѣшительно поднялся со скамейки. Страхъ, что онъ сейчасъ можетъ уйти и больше не вернуться, охватилъ холодомъ ея сердце, и она умоляющимъ жестомъ протянула къ нему руки:

— Не уходите, вѣдь вы же видите, что я пришла сюда... я ничего не могу понять, что со мной, но я не хочу, чтобы вы уходили...

— Развѣ вы не понимаете, какой страшный ножъ вы всадили мнѣ въ сердцѣ?

— Я не могу, я не хочу лгать.

— И не надо лгать. Наши чувства укажутъ намъ прямой путь.

Онъ опять сѣлъ и, взявъ ея обѣ руки, быстро притянулъ къ себѣ:

— Или я погибну, или вы будете моя, — проговорилъ онъ съ такой силой, и такимъ огнемъ вспыхнули его глаза, что она скорѣе почувствовала, чѣмъ поняла, что это не одни слова. Въ смятеніи она отшатнулась назадъ, но онъ, крѣпко обнялъ ея станъ и долгимъ поцѣлуемъ отдернулъ передъ нею завѣсу еще невѣдомыхъ ей, но предчувствіемъ отгадываемыхъ, новыхъ стихійно-бурныхъ чувствъ, уже обволакивавшихъ ея существо непреодолимой силой.

Шоферу, пріѣхавшему за Арчевскимъ, было поручено передать, что его ждутъ въ замокъ къ завтраку. Для Сандры, проснувшейся отъ волненія раньше обыкновеннаго, утро, проведенное въ состояніи приподнятаго ожиданія, казалось безконечнымъ. Большіе башенные часы пробили двѣнадцать. Чтобы увидѣть издалека подъѣзжающій автомобиль, она поднялась на вышку башни, откуда былъ виденъ далеко раскинувшійся паркъ, луга и рощи, пересѣченные блестящей на солнцѣ линіей шоссе. Все это, какъ рамкой, было охвачено на

фонѣ голубого горизонта темной полосой лѣса. Вскорѣ изъ-за далекой рощи вынырнулъ автомобиль и, оставляя за собой рыжевато-золотистое облако пыли, постепенно тающее въ яркомъ солнечномъ блескѣ, промчался по прямой линіи шоссе къ длинной, огибающей паркъ, аллеѣ. Сандра, съ забившимся радостью и счастіемъ свиданія сердцемъ, продолжала стоять у открытаго готическаго окна башни, пока машина не въѣхала подъ зеленый, поглотившій ее, тѣнистый сводъ.

Тогда она быстро спустилась по винтовой желѣзной лѣстницѣ башни, пробѣжала черезъ залъ, гостинныя и столовую, стремительно вбѣжала въ свою комнату, захлопнула дверь, бросилась на диванъ и, зажавъ пылающее лицо ладонями, спрятала его въ шелковыя подушки. Ей казалось, что сердце ея выпрыгнетъ изъ груди.

Арчевскій вошелъ въ прохладный, обтянутый малиновымъ ковромъ, вестибюль. Въ эту же минуту по мраморной лѣстницѣ, украшенной статуями, устланной такимъ же малиновымъ ковромъ, спускался навстрѣчу гостю Вернэ.

Арчевскій былъ пораженъ видомъ атлетической, величественной и мужественной фигуры, пропорціонально сложенной, съ великолѣпной классической головой, неторопливо и легко спускавшейся мимо мраморныхъ античныхъ статуй.

— Да это настоящій римскій богъ! — подумалъ онъ.

— Очень радъ видѣть васъ въ моемъ замкѣ. Хорошо ли вы доѣхали? — Вернэ протянулъ руку, съ непринужденной и ласковой манерой большого барина.

Арчевскій внимательно посмотрѣлъ въ глаза Вернэ и почувствовалъ, что передъ нимъ стоитъ не совсѣмъ обыкновенный человѣкъ. Чувство артистичности оказалось сильнѣе опасливой ревности, и онъ съ благожеланіемъ отвѣтилъ на пожатіе протянутой ему сильной руки великолѣпнаго владѣльца замка.

Послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ фразъ, Вернэ проводилъ гостя до его комнаты.

— Вы успѣете немного отдохнуть. Мы завтракаемъ въ часъ. Гонгъ оповѣститъ васъ за четверть часа.

Арчевскій вошелъ въ предназначенную для него комнату. Видъ алыхъ розъ на туалетѣ и одинокой такой же розы на ночномъ столѣ были для него полны глубокаго

значенія, и величайшая радость сердца наполнила счастіемъ все его существо.

Арчевскій былъ сильный и здоровый человѣкъ. Вопреки привычкамъ большинства пѣвцовъ, онъ подчинялъ голосъ собственной волѣ, не дѣлаясь его рабомъ.

— Хорошій сонъ и хорошее настроеніе, это все что требуется для голоса со здоровыми связками, — утверждалъ онъ. Несмотря на четырехчасовой переѣздъ въ автомобилѣ, вечеромъ онъ съ готовностью согласился пѣть, потому что хотѣлъ въ звукахъ сказать Сандрѣ то, что невозможно было сказать за весь день, такъ какъ ни на минуту имъ не удалось остаться однимъ.

Когда, подъ мастерской аккомпаниментъ Мари, звуки его голоса, мощные, бархатистые, все заполняющіе, понеслись изъ раскрытой двери зала во тьму ночи, Вернэ, какъ и всѣ, почувствовалъ силу гипноза его громаднаго таланта. Послѣ нѣсколькихъ арій на итальянскомъ и французскомъ языкѣ, Арчевскій раскрылъ тетрадь съ русскими нотами. Это была арія «Демона» Рубинштейна. Сандра, при первыхъ же ея звукахъ, прошла черезъ распахнутую дверь на террасу. По мѣрѣ того, какъ наростала сила страстныхъ, волнующихъ воображеніе, заклинаній любви, — наросталъ въ своей звуковой мощи горячій голосъ пѣвца.

— ...Тебя я, вольный сынъ эфира, возьму въ надзвѣздные края.... — могучей волной понеслось надъ паркомъ и, заворроживъ фантазію, мысли и сердце Сандры, неслось все выше и выше къ тѣмъ надзвѣзднымъ краямъ, къ которымъ неслась и ея душа въ тихія, теплыя ночи, когда слагались въ рифмахъ пѣсни ея души.

— И будешь ты царицей мі...і...ра, — божественно великолѣпной нотой, безконечной, все наroставшей, все заполнявшей, мѣрно и густо колыхавшейся въ ароматномъ эфирѣ, какъ облакомъ горячей страсти, окуталъ онъ все существо любимой женщины.

— ...Подруга вѣчная моя!... — прозвучали властные, какъ металлъ, звуки. Они долго стояли въ воздухѣ, медленно расплываясь и замирая въ ароматной тьмѣ.

Изъ зала всѣ вышли на террасу.

— Такъ пѣть я могу только подъ вашъ аккомпанементъ, — говорилъ Арчевскій Мари. — Вы сливаетесь съ душою пѣвца, вы чувствуете, вы отгадываете тончайшіе оттѣнки его настроеній. Это великая для пѣвца

роскошь. Для такого пониманія нуженъ большой, подобно вашему, талантъ.

— Парижъ пожалѣетъ о вашемъ скоромъ отъѣздѣ въ Америку, — обратился къ Арчевскому Вернэ.

— Мой отъѣздъ нѣсколько откладывается: я поѣду не раньше какъ черезъ полтора мѣсяца.

— Это прекрасно. Надѣюсь, что это дастъ намъ возможность задержать васъ подольше въ нашемъ замкѣ. Къ намъ не пріѣзжаютъ гостить иначе, какъ на недѣли. Лошади, автомобиль и прекрасная охота въ вашемъ распоряженіи.

У Сандры радостно забилось сердце. Въ ея воображеніи мелькнула вереница предстоящихъ счастливыхъ, свѣтлыхъ дней.

На слѣдующее утро, въ сопровожденіи Арчевскаго и своего неизмѣннаго компаньона — Шазаля, она мчалась на кровномъ скакунѣ мимо скошенныхъ луговъ и полей, мимо рощъ еще тѣнистыхъ, но уже чуть тронутыхъ первой желтизной. Природа еще была ярка и радостна, отражаясь такой же радостью въ душѣ Сандры.

Шазаль, несмотря на свое чутье и знаніе женщинъ, угадывавшій малѣйшія колебанія въ любовной атмосферѣ, не замѣчалъ ничего предостерегающаго для своей влюбленной дружбы.

Арчевскій прекрасно владѣлъ собою, а приподнятое настроеніе Сандры его не удивляло, такъ какъ онъ не разъ былъ свидѣтелемъ ея быстрыхъ переходовъ отъ сосредоточеннаго, молчаливаго, иногда грустнаго спокойствія, къ шумному, подвижному веселію.

Арчевскій ловко сидѣлъ на сѣдлѣ и былъ отличнымъ наѣздникомъ. Пустивъ лошадей карьеромъ они мчались рядомъ, оставивъ далеко позади себя Шазаля. Вѣтеръ свистѣлъ и шумѣлъ имъ навстрѣчу. У Сандры изъ подъ чернаго котелка выбилить золотистыя пряди, лицо и глаза разгорѣлись, грудь напряженно и порывисто дышала.

Они промчались мимо рощъ и, круто свернувъ, въѣхали въ лѣсъ.

Лошади, тяжело дыша, и отфыркиваясь, пошли шагомъ.

— Какъ хорошо... Не правда ли, какъ хорошо! — повторяла Сандра.

— Божественно хорошо, потому что я вижу васъ,

потому что я съ вами. — Арчевскій, бросивъ поводъ, положилъ руку на луку ея сѣдла. — Я не зналъ въ жизни моей болѣе счастливыхъ переживаній чѣмъ тѣ, что я испытываю съ момента нашей первой встрѣчи. Мнѣ кажется, я только теперь понялъ во всемъ значеніи радость жизни, преисполненной счастіемъ любви. Все кажется инымъ, болѣе свѣтлымъ и значительнымъ. Развѣ я когда нибудь видѣлъ такой зеленый, такой густой, такой чудесный, полный тайнъ и ароматовъ лѣсъ?!. Развѣ когда либо улыбались такой живописной, яркой (улыбкой вотъ эти изумрудно прекрасныя лужайки?! Никогда, никогда въ жизни я не пьянѣлъ такъ отъ ароматовъ листвы, теплой сырой земли, нѣжныхъ, чуть уловимыхъ, запаховъ какихъ то прянныхъ пьяныхъ травъ... Никогда моя грудь не дышала такъ мощно и свободно. И все это потому, что вы здѣсь рядомъ со мной, потому что ваши синіе глаза отражаютъ небо и землю, потому что въ васъ заключено все то, къ чему я стремился, для чего я жилъ. Только для васъ одной всѣ пѣсни мои.... Милая моя, единственная, моя божественная любовь!

Арчевскій сошелъ съ лошади.

— Пройдемся немного. Тутъ такъ чудесно.

Она положила ему руки на плечи и соскользнула съ сѣдла на землю.

— Помните, что сегодня вечеромъ среди всѣхъ вашихъ гостой я буду видѣть только васъ одну и только для васъ одной будутъ литься мои пѣсни. Вы будете окружены, а я буду тайно и мучительно ревновать васъ къ каждому кому вы будете улыбаться, съ кѣмъ будете говорить. Вы не знаете, какъ я ревную васъ къ вашему мужу. Я стараюсь не видѣть вашихъ глазъ, когда вы смотрите на него.

— Юрій Николаевичъ, постарайтесь не говорить объ этомъ. Моя любовь къ нему совершенно особенная.

— Хорошо, хорошо... не надо, не говорите такъ, мнѣ больно. — Арчевскій, съ выраженіемъ остраго страданія, схватился за голову. — Я боленъ, и совершенно боленъ вами. Мой мозгъ горитъ. Я бы хотѣлъ прижать васъ къ груди и увезти на край свѣта.

Сандра сидѣла на пнѣ. Въ темно-синей амазонкѣ, обоятельная молодостью, сіяніемъ глазъ, трепетомъ

влюбленной улыбки, она какъ и онъ, была опоена изъ волшебнаго кубка, который ей протягивала жизнь. Арчевскій полулежалъ у ея ногъ, прижимая къ груди и къ губамъ ея длинныя, розовыя, нѣжныя пальцы.

VI

Послѣ прогулки по парку, блестящая компанія съѣхавшихся гостей направилась по густой, широкой аллеѣ къ замку. Въ легкихъ шелковыхъ туалетахъ, въ роскошныхъ накидкахъ, наброшенныхъ на обнаженныя плечи, съ той, ни на секунду не смолкавшей, ничего не значущей веселой болтовней, присущей только француженкамъ и, въ особенности, парижанкамъ, дамы, приподнявъ надъ стройными ногами кружевные воланы, бросали изъ подъ подтемненныхъ рѣсницъ лукавые взгляды на красиваго пѣвца. Онѣ отгадывали его пылкій темпераментъ, сказывавшійся не только въ голосѣ, но и въ движеніяхъ лица, во взглядѣ. Хорошенькая, миніатюрная, избалованная Берта Креллинъ, плѣненная голосомъ Арчевскаго, рѣшивъ подчинить его своему мимолетному капризу, тщетно бросала ему кокетливые взгляды, многообѣщающія улыбки и вызывающія слова. Арчевскій оставался равнодушно-учтивъ. Привыкшая къ быстрымъ успѣхамъ, Берта Креллинъ рѣшила во что бы то ни стало добиться своего.

— Дайте мнѣ вашу руку, мосье Арчевскій, — обратилась она къ пѣвцу, намѣренно отставая отъ компаніи. — Я сегодня очень устала. Помогите мнѣ идти. Вы должны быть страшно избалованы женщинами.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Онѣ избаловали васъ своей любовью.

— Для меня существуетъ любовь той женщины, которую я люблю, и потому баловать меня своей любовью инымъ женщинамъ не приходится.

— И вы остаетесь равнодушны къ нимъ?

— Кто любитъ, тотъ равнодушенъ ко всему, кромѣ своей любви.

— А вы любите сейчасъ кого нибудь? Я желаю, чтобы вы сказали мнѣ правду.

— Нѣтъ, я никого не люблю, — поспѣшилъ отвѣтить Арчевскій.

— Тѣмъ лучше... тѣмъ лучше!... — задорно глядя на пѣвца, засмѣялась Берта Креллинъ. — Я пріятельница Сандры Вернэ, она отлично меня знаетъ и можетъ подтвердить вамъ, что я хоть и маленькая женщина, но большая хищница. Я привыкла, чтобы мнѣ повиновались всѣ тѣ, на которыхъ я останавливаю мое вниманіе.

— Надолго? — Легкая насмѣшка прозвучала въ вопросѣ Арчевскаго.

— Ça dépend! — пожіла плечами Берта. — Сейчасъ мое сердце свободно. A bon entendeur — salut. — Вы слышите, мосье Арчевскій?

— Да, конечно, я слышу.

— На всякій случай я предупреждаю васъ, что моя спеціальность — мучить жертву, попавшую въ паутину моего сердца... жестоко мучить. Вы не боитесь моихъ предупрежденій?

— Я никогда и ничего не боюсь. — Арчевскій началъ бѣситься, потому что Берта, повиснувъ на его рукѣ, замедляла шагъ, и они остались одни въ густой аллеѣ, въ то время какъ все общество поднялось на террасу. Онъ раздражался еще и потому, что отъ Сандры не отходилъ мужъ Берты, — высокій американецъ, извѣстный милліонеръ, прекрасный спортсменъ и летчикъ, обладатель аэроплана. Арчевскому хотѣлось не спускать глазъ съ любимой женщины; тѣмъ болѣе настойчивое и вызывающее поведеніе Берты начинало его не на шутку сердить.

— Завяжите мнѣ туфлю.

Она кокетливо выставила ногу изъ подъ кружевной волны дорогихъ «дессу».

— Извиняюсь, я не умѣю завязывать.

— Ахъ, вотъ какъ! — Берта полушутливо ударила Арчевскаго длинной перчаткой по лицу и, подхвативъ края платья, побѣжала къ террасѣ.

Быстрымъ взглядомъ окинувъ террасу и не увидѣвъ Сандры, Арчевскій прошелъ въ залъ. Она стояла подлѣ открытаго рояля, перебирая приготовленныя для пѣнія ноты. Мистеръ Креллинъ стоялъ подлѣ нея. Это былъ высокій блондинъ, съ выдавшимся сухимъ подбородкомъ и сѣрыми холодно глядящими глазами. Онъ настойчиво ухаживалъ за Сандрой, какъ бы не замѣчая ея

равнодушія, и всячески подчеркивая и удваивая свое къ ней вниманіе.

Арчевскій опустился на стулъ передъ роялемъ, взялъ нѣсколько тихихъ аккордовъ и въ четверть голоса запѣлъ арію князя изъ «Пиковой дамы»:

«Я васъ люблю, люблю безмѣрно... безъ васъ не мыслю дня прожить. Я подвигъ, силы безпримѣрной, готовъ сейчасъ для васъ свершить»...

Гости перешли съ террасы въ залъ. Мари сѣла къ роялю. Опять понеслись въ ночномъ воздухѣ необычайные по красотѣ и мощи звуки. Опять Арчевскій пѣлъ, видя и чувствуя во всемъ мірѣ только одну Сандру, сидѣвшую недалеко отъ рояля. Рядомъ съ ней сидѣла Берта Креллинъ. Отгадывая въ Арчевскомъ противодѣйствующую ея капризу волю, она тѣмъ настойчивѣе испытывала упрямое желаніе новаго каприза. Чувствуя гипнозъ его таланта, она силилась освободиться отъ него, чтобы вѣрнѣе овладѣть волей намѣченной ею жертвы, но чарующая сила пѣвца оказывалась непобѣдимой: Берта сидѣла притихшая, съ измѣнившимся лицомъ.

— Моя милая, я прошу васъ за ужиномъ посадить его рядомъ со мной — шепнула она Сандрѣ.

Арчевскій весь вечеръ былъ центромъ вниманія женщинъ. Онѣ ласкали его взглядами, улыбками и словами, заручились его согласіемъ быть у нихъ. Мужчины видѣли въ немъ серьезнаго и опаснаго соперника, и ихъ любезность къ нему была нѣсколько искусственна. Одинъ Вернэ былъ искренне радушенъ и благодаренъ ему за громадное наслажденіе. Сильный умомъ и вѣрою въ самого себя, онъ не боялся ярко выраженной индивидуальности, не боялся сравненій рядомъ съ собой. Наоборотъ, все, что было ярко и сильно, притягивало его доброжелательное вниманіе. Арчевскій, подобно всѣмъ, кому Вернэ выражалъ симпатію, невольно испытывалъ влеченіе къ великолѣпному владѣльцу замка. Онъ начиналъ замѣчать странное раздвоеніе въ своемъ чувствѣ къ мужу женщины, завладѣвшей его сердцемъ. Сознавая въ немъ сильнаго соперника, къ которому Сандра открыто признала свою любовь, мучительно ревнуя ее къ нему, онъ въ тоже время въ глубинѣ души оправдывалъ и извинялъ ее за любовь къ человѣку, въ которомъ все было сильно, гармонично, глубоко и цѣльно. Арчев-

скому, какъ и многимъ, казалось что этотъ патрицій Римской Имперіи надѣлъ европейскій костюмъ по какой то странной ошибкѣ рожденія.

Когда Вернэ, во время перерыва, пройдя черезъ залъ, подошелъ къ нему, взялъ подъ руку и, отойдя въ сторону, началъ выражать благодарность за громадное наслажденіе, Арчевскій испытывалъ большое удовольствіе. Ему было пріятно прочесть въ глубокихъ, полныхъ ума и воли, глазахъ симпатію къ себѣ.

— Я уважаю и люблю людей таланта не только за то, что они даютъ мнѣ эстетическое наслажденіе, но и за то, что у нихъ несомнѣнно, болѣе сложная и болѣе чуткая ко всему прекрасному душа, чѣмъ у обыденныхъ людей, — говорилъ Вернэ, ведя Арчевскаго къ открытому буфету.

— Если въ человѣкѣ большого таланта и возможно разочарованіе, то все же, несомнѣнно, это разочарованіе не будетъ въ области душевнаго мѣщанства и пошлости: талантъ гарантируетъ благородство души и культуру духа.

Арчевскій, насторожась, внимательно посмотрѣлъ на Вернэ. Ему почудилось, что въ этихъ словахъ крылось какъ бы предупрежденіе. Но открытый взглядъ собесѣдника его успокоилъ. Однако, въ глубинѣ души онъ почувствовалъ уколъ совѣсти и стыда при мысли, что онъ пользуется ласковымъ гостепріимствомъ того, кого обманываетъ.

— Я не увѣренъ, что это такъ, — проговорилъ онъ. — Я зналъ человѣка съ крупнымъ талантомъ, поступки котораго свидѣтельствовали о душевномъ мѣщанствѣ.

— Въ такомъ случаѣ, любя ихъ талантъ, не будемъ предъявлять къ нимъ излишнихъ требованій высшаго порядка, — улыбнулся Вернэ.

— Лично я склоненъ предъявлять имъ эти требованія, но все же не приходится заглядывать за кулисы ихъ личной жизни.

— Ну нѣтъ, я, какъ человѣкъ науки не боюсь заглядывать въ самые темные углы человѣческой души.

— Вы опасный человѣкъ, — улыбнулся Арчевскій.

— Опасный,—нѣтъ. Я думаю,—удобный, потому что tout comprendre c'est tout pardonner.

Арчевскій въ сѣрыхъ глазахъ его прочелъ тѣ притягивающія глубины душевныхъ качествъ, которыя не

требуя словъ, таинственными путями выливаются наружу и безошибочно отгадываются окружающими.

— Положительно, меня къ этому человѣку тянетъ,— подумалъ Арчевскій.

Въ эту минуту рыжая женщина, съ блѣднымъ лицомъ, съ ярко подкрашенными губами большого чувственнаго рта, съ сильно подведенными охрой карими глазами и съ пышно взбитыми волосами, въ сиреневомъ, смѣло оголявшемъ ея плечи и спину, туалетѣ, близко проходя подъ руку съ кавалеромъ мимо Арчевскаго и Вернэ, скользнула въ ихъ сторону блеснувшимъ искрами взглядомъ.

— Charmeur! — вызывающе ласково бросила она, замедляя шагъ.

— Прикажете передать это по адресу мосье Вернэ? — спросилъ Арчевскій.

— Это относится къ вамъ. Мосье Вернэ такъ безразличенъ къ женщинамъ, что онѣ не должны напоминать ему о себѣ.

— Молчаніе не есть безразличіе, — учтиво поклонился Вернэ.

— Могу себѣ представить, сколько страстныхъ чувствъ вы будите въ сердцахъ женщинъ, — проговорилъ онъ, когда рыжая женщина удалилась.

— Это для меня неважно. Важно лишь то, что онѣ во мнѣ будятъ.

— Да, да, конечно, вы правы. Я былъ такого же взгляда, когда въ молодости окунулся на непродолжительный срокъ въ водоворотъ самыхъ бурныхъ переживаній. Лучше одинъ разъ въ жизни самому сгорѣть, чѣмъ всю жизнь внушать горѣніе. Впрочемъ, все это было уже такъ давно... — снисходительно надъ самимъ собой улыбнулся Вернэ. — Однако, я васъ слишкомъ надолго отнялъ у дамъ; онѣ на меня, навѣрное, уже негодуютъ. Я надѣюсь, вы проведете у насъ еще нѣсколько дней, и я буду имѣть случай больше побесѣдовать съ вами. Не захотите ли вы завтра подняться въ мои аппартаменты? Я бы похвасталъ передъ вами моими скромными художественными способностями и моей большой, интересной библіотекой. А теперь, я возвращаю васъ гостямъ.

Вернэ опять взялъ подъ руку Арчевскаго и прошелъ съ нимъ обратно въ залъ.

— Мосье Арчевскій, идите сюда, — позвала его Берта, стоящая вмѣстѣ съ Сандрой въ группѣ окружавшихъ ихъ мужчинъ. — Идите скорѣе. Мы затѣваемъ интересную partie de plaisir. Мадамъ Сандра на аэропланѣ летитъ съ мистеромъ Креллинъ въ Дижонъ, а мы всѣ проѣдемъ туда на автомобилѣ. Тамъ проведемъ вечеръ, переночуемъ и вернемся обратно такимъ же способомъ. Надѣюсь, что вы присоединитесь къ намъ .

— Охотно. — Арчевскій поклонился. Никто не отгадалъ чего стоилъ ему этотъ спокойный отвѣтъ: въ немъ кипѣла буря ревности. Американецъ, съ неизмѣнно безстрастнымъ лицомъ, развивалъ планъ поѣздки и давалъ Сандрѣ совѣты относительно костюма для полета. Дамы, перебивая другъ друга, обсуждали подробности предстоящей забавы, назначенной черезъ нѣсколько дней.

Лакей, въ шелковыхъ чулкахъ, коричневыхъ штиблетахъ и шитомъ золотомъ камзолѣ, появленіемъ въ дверяхъ зала оповѣстилъ хозяевъ замка, что ужинъ поданъ. Арчевскій уловилъ удобный моментъ, чтобы перехватить Сандру въ то время, какъ она пересѣкала залъ.

— Вы все время съ другими... Для меня ни одного ласковаго взгляда...

— Я съ вами. Ради Бога, осторожнѣе... Идетъ Берта. Предложите ей руку и ведите къ ижину.

— Мосье Арчевскій, послѣ ужина я приглашаю васъ на первый туръ вальса.

— Я очень польщенъ, — сдержано отвѣтилъ Арчевскій.

— Предупреждаю васъ, что я очень упряма въ своихъ желаніяхъ.

— Въ такомъ случаѣ и я предупреждаю васъ, что психологія русскаго мужчины очень сложна. Мы можемъ терять разсудокъ, готовы идти на преступленія во имя великихъ, сжигающихъ душу, страстей, но мы рѣдко размѣниваемся на мелочи, не шутимъ любовью. Или душевная пустота, или великія страсти... Въ насъ сливаются крайности утонченнаго древняго языческаго Рима и подвижничество пустынника.

— Да, я очень много слышала о русскихъ и ихъ сложномъ темпераментѣ; тѣмъ интереснѣе, — проговорила Берта, садясь за усыпанный фіалками столъ. Вдоль все-

го стола, въ вазахъ богемскаго хрусталя, благоухали палевыя чайныя розы.

Блестящій хрусталемъ и серебромъ столъ, съ оттѣнявшими его теплыми тонами розъ и фіалокъ, выдѣлялся празднично яркимъ пятномъ на темномъ фонѣ громадной орѣховаго дерева столовой, обтянутой гобеленами.

— Однажды, мы всю ночь кутили въ одномъ ресторанѣ, — продолжала Берта. — Я пригласила къ своему столу очень интересную модную кокотку. Мы обѣ были немного пьяны и на всю ночь подружились съ ней, обнимались и посвящали другъ друга въ наши сердечныя тайны.

То есть, правильнѣе, вы ее посвящали, такъ какъ эти женщины, какъ бы ни были пьяны, никогда никому не открываютъ тайниковъ своего я. Онѣ будутъ сколько угодно и очень интересно лгать, но простой, иногда трогательной, единственно дорогой ихъ сердцу, правды онѣ ни за что не скажутъ.

— Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, она мнѣ очень много интереснаго разсказывала о мужчинахъ разныхъ націй, съ которыми она имѣла дѣло. Она говорила, что единственный случай, когда ее могло бы захватить чувство, это было съ русскими мужчинами. Они не разу не оскорбили ея души. Она увѣрена, что даже въ пучинахъ разврата у нихъ всегда свѣтится далекій маякъ возможности любви.

— Да, это похоже на правду, — подумавъ сказалъ Арчевскій. — Въ насъ сидитъ Достоевщина со всякими надрывами, — добавилъ онъ, забывъ, что говоритъ съ француженкой.

— Что это значитъ Достоевщина?

— Это такъ же какъ говорятъ du Chekspear, du Voltaire, du Schiller.

Это очень сложно и трудно объяснить: c'est trop russe.

— Oui, oui, je vous comprends, — мотнула хорошенькой головкой Берта, ровно ничего не понявъ, такъ какъ ни своего Вольтера, ни Шиллера, ни Шекспира она не читала.

— Я васъ умоляю, не мучьте меня, — скороговоркой бросилъ Арчевскій, близко наклонясь въ сторону Сандры, сидѣвшей рядомъ съ нимъ по другую сторону.

— Зачѣмъ вы дали согласіе Креллину летѣть съ нимъ въ Дижонъ?

— Это уже давно было въ проэктѣ.

— Не надо... я прошу васъ.

— Что это вы тамъ нашептываете Мадамъ Вернэ? — обратилась къ Арчевскому Берта, но онъ не слышалъ ее и продолжалъ:

— Откажитесь, я умоляю васъ.

— Право, я не знаю какъ это сдѣлать теперь.

— Вы не полетите съ нимъ... Я не знаю какъ, но я этого не допущу... ни за что!

Сандра посмотрѣла на него удивленными глазами. Никогда она не слыхала такого рѣшительнаго и страстнаго протеста своимъ желаніямъ. Она привыкла къ абсолютной свободѣ и то, что она услышала сейчасъ удивило и смутило ее сладостнымъ сознаніемъ мужского запрета, исходящаго изъ глубинъ ревниваго чувства, то есть страсти, — поясняла она, вспомнивъ слова Шазаля, въ день его пріѣзда. Ей захотѣлось подчиниться этой, незнакомой ей до тѣхъ поръ, ревнивой власти. Опустивъ глаза, прислушиваясь къ новому въ самой себѣ чувству, она молчала.

— Вы разсердились на меня? Но иначе я не могу, иначе быть не должно.

— Успокойтесь... я сдѣлаю такъ какъ вы захотите.

Берта, недовольная невниманіемъ къ ней Арчевскаго, посмотрѣла на Сандру и увидѣла ея лицо, съ такимъ страннымъ выраженіемъ, какого она у нея не знала.

— Мадамъ Вернэ, вы такъ загипнотизировали вашего сосѣда, — громко разсмѣялась она, — что онъ не слышитъ, что я его сто разъ обзываю.

— Я извиняюсь, что вамъ угодно? — учтиво обернулся къ ней Арчевскій.

— Что мнѣ угодно? — Берта блеснула на него изъ подъ длинныхъ рѣсницъ змѣинымъ насмѣшливымъ взглядомъ. — Мнѣ угодно васъ.

Арчевскій разсмѣялся:

— Это не такъ просто. Если у васъ, какъ я вижу, много каприза, то во мнѣ вы встрѣтите много протеста этому капризу.

— А если это не только капризъ?

— Вы сами знаете, что на большее вы не способны, — холодно пожалъ плечами Арчевскій.

— Вы хотите со мной поссориться? Вамъ это не удастся.

— Очень жаль! — неожиданно сорвалось съ его губъ.

— Что такое? — глаза Берты сверкнули. — Что вы сказали? Въ такомъ случаѣ, извольте: я иду на открытую вражду, но теперь берегитесь! Я буду безпощадна. Не было случая въ моей жизни, чтобы побѣда была бы за моимъ врагомъ.

Хищная недобрая улыбка открыла рядъ бѣлыхъ маленькихъ тѣсно-посаженныхъ зубовъ.

— Налейте мнѣ полный бокалъ. И себѣ тоже. Вотъ такъ! Теперь выпейте до дна за безпощадную вражду.

Берта залпомъ осушила бокалъ.

Послѣ ужина гости прошли въ залъ. Съ высокихъ хоръ понеслись звуки вальса. Берта положила руку на плечо пѣвца и, полузакрывъ надъ опьяненными глазами отяжелѣвшія вѣки, мелко перебирая маленькими ногами, понеслась въ первой парѣ.

— Вы вальсируете какъ богъ, — прошептала она, обдавая его щеку горячимъ дыханіемъ такъ близко, что это было похоже на поцѣлуй.

Сдѣлавъ полный кругъ зала и подведя даму къ стулу, Арчевскій искалъ глазами Сандру. Она, воздушно-легкая, едва опираясь на плечо кавалера, слегка склонивъ прелестную голову, скользила по паркету, чуть прикасаясь къ нему стройными узкими ногами. У Арчевскаго подкатился къ горлу клубокъ. Его сердце было переполнено нѣжной и страстной любовью. Ему хотѣлось въ эти минуты подбѣжать къ ней, поднять ее на руки, унести въ темную благоухающую тишину ночи и тамъ, обнявъ эти стройныя, такъ трогательно мелькавшія по паркету ножки, припасть къ нимъ и говорить, говорить ей безъ конца о своей громадной страстной любви.

Сандра, слегка запыхавшись, опустилась на золоченый стулъ. Изъ подъ греческой, высоко подхваченной, прически выбилось нѣсколько локоновъ, упавъ вдоль рдѣющей горячимъ румянцемъ щеки. Длинныя, какъ слипшіяся, темныя рѣсницы медленно опустились, чтобы скрыть огонь съузившихся отъ волненія глазъ.

— Я люблю васъ... одну только васъ на всемъ свѣтѣ... — шепталъ за ея спиной Арчевскій.

Сандра обернула къ нему пылающее лицо. Онъ об-

нялъ ея станъ и, почувствовавъ близость ея тѣла, запахъ ея духовъ, смѣшанный съ тонкимъ запахомъ ея волосъ и всего ея существа, — сразу опьянѣлъ, крѣпко прижалъ къ себѣ и никого не видя, ничего не слыша, кромѣ ея порывистаго, волнующаго дыханія, въ ритмъ звукамъ скрипокъ, легко и красиво какъ бы понесъ ее вдоль наряднаго зала.

Берта, стоя подлѣ Шазаля и обмахивая вѣеромъ разгоряченное лицо, такъ же какъ и онъ, слѣдила за красивой, прекрасно вальсировавшей парой.

— Мосье Шазаль, я только что сдѣлала открытіе, воскликнула она, нервно перебирая вѣеръ. — Увѣряю васъ, что оно безошибочно.

— Если это открытіе касается меня, то, зная вашъ неумолимый языкъ, я уже впередъ трепещу. — Шазаль ласково оглядывалъ хорошенькую, нравившуюся ему кокетливой взбалмошностью женщину.

— Вы скоро какъ сухарь высохнете отъ влюбленности въ мою пріятельницу, но у васъ, мой милый, есть очень опасный соперникъ. Совѣтую вамъ обратить на это вниманіе.

— Кто же этотъ, какъ вы называете, соперникъ?

— У влюбленныхъ донъ-Кихотовъ всегда глаза слѣпы. — Берта сдѣлала презрительную гримасу.

— Но все таки, кто же это?

— Подождите минуточку и вы узнаете.

Сандра и Арчевскій, окончивъ туръ вальса, прошли къ открытой на террасу двери. Берта видѣла, какъ, постоявъ нѣсколько минутъ на порогѣ, они стушевались въ густой тьмѣ.

— Дайте мнѣ вашу руку, мой милый Шазаль. Мнѣ жарко. Пройдемте въ паркъ. Нѣтъ, только не черезъ эту дверь. Я не хочу, чтобы насъ замѣтили и подумали, что я васъ отбиваю у моей пріятельницы, — вскидывая на Шазаля лукавые глаза, щебетала Берта.

Въ густомъ мракѣ остро и ярко блестѣли лампады ночныхъ небесъ. Горѣвшій огнями замокъ бросалъ полосы свѣта на пестрѣвшую цвѣтами, огромную клумбу передъ террасой. Ведущая къ озеру аллея тонула во мракѣ.

— Сядемьте здѣсь, милый Шазаль, и помолчимте.

Берта опустилась на скамейку, стоявшую за чертой бросаемаго отъ замка свѣта.

Изъ раскрытыхъ дверей зала неслась легкая баюкающая мелодія вальса, мелькали нарядныя танцующія пары. Шазаль, закинулъ голову и, глядя на звѣзды, задумался. Черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги. Пересѣкая полосу свѣта, четко выгравировалась идущая подъ руку пара — Сандры и Арчевскаго. Они, обойдя цвѣтущій кругъ, тихо разговаривая, поднялись на террасу и остановились у дверей, раскрытыхъ въ залъ.

— Какъ видите, мое открытіе подтверждается; тутъ нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ флиртъ.

— Пустяки! — небрежно бросилъ Шазаль, въ то же время чувствуя, что слова Берты и появленіе Сандры изъ глубины темной аллеи ему до крайности непріятны.

— Поищите новыхъ болѣе вѣскихъ подтвержденій, — язвительно разсмѣялась Берта.

Было поздно. Часть гостей разъѣхалась, часть осталась ночевать въ замкѣ. Шазаль, вмѣсто того чтобы спать, отправился бродить по парку.

Замокъ былъ погруженъ въ полную тишину и темноту. Онъ опустился на скамью, на которой, нѣсколько часовъ тому назадъ, сидѣлъ съ Бертой. Только что онъ собирался закурить, какъ на террасѣ послышались осторожные шаги. Черезъ нѣсколько минутъ захрустѣлъ гравій, и онъ разслышалъ сдержанный голосъ Арчевскаго. Шаги остановились подлѣ полукруглой, въ видѣ громадной раковины, высѣченной изъ мрамора скамейки. Привыкшіе къ темнотѣ глаза различили на бѣломъ фонѣ мрамора закутанную въ черный плащъ фигуру Сандры. Шазаль всталъ и, осторожно шагая по гравію, удалился. Онъ ненавидѣлъ Арчевскаго, ненавидѣлъ его блестящій талантъ и рѣшилъ уѣхать изъ замка, если тотъ останется гостить.

Утро едва начинало брезжить, когда Шазаль, въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ за плечами, въ сопровожденіи двухъ умныхъ, заглядывавшихъ ему въ глаза, лягавыхъ, вышелъ изъ воротъ парка.

VII

Послѣ завтрака, Вернэ повелъ Арчевскаго къ себѣ. Осмотрѣвъ библіотеку, студію живописи, мраморы и картины, они вошли въ докторскій кабинетъ.

— Какъ: вы и докторъ? — удивился Арчевскій.

— Тѣло человѣка тѣсно связано съ его душой, изученію которой я посвятилъ свою жизнь. Трудно лѣчить тѣло, но лѣчить душу еще труднѣе, — произнесъ Вернэ, опускаясь на кресло и предлагая Арчевскому сѣсть напротивъ.

— Душа человѣка это бездна, страшная бездна. Заглянуть въ нее до дна почти невозможно. Если бы человѣкъ понималъ, какъ велика тайна всякой души, онъ осторожнѣе обращался бы съ нею.

— Я увѣренъ, что вы прекрасный врачъ.

— Паціенты мнѣ вѣрятъ.

— Жаль, что я не зналъ васъ три года тому назадъ. Со мной произошла катастрофа, въ которой вы, навѣрное, помогли бы мнѣ такъ или иначе. Я былъ въ такомъ безвыходномъ отчаяніи, что хотѣлъ лишить себя жизни. Вы помогли бы мнѣ вернуть утерянное на цѣлый годъ душевное равновѣсіе. Вы — знатокъ души и ея страданій — поняли бы, что мои страданія были ужасны. — Арчевскій вздохнулъ и, мысленно вернувшись къ прошлому, замолчалъ. Вернэ курилъ сигару и, тоже молча, наблюдалъ за игрой лица собесѣдника.

— Да, да это было ужасно, — снова заговорилъ Арчевскій. — Четыре года тому назадъ, голосъ мой былъ еще мало обработанъ, но мнѣ сулили славу, я вѣрилъ этому и былъ полонъ надеждъ. Я былъ влюбленъ въ дѣвушку — подругу сестры, которая гостила въ нашемъ имѣніи весну и лѣто. Долгое время она оставалась ко мнѣ равнодушной, однако, мое упорство одержало побѣду, и она начала отвѣчать на мое чувство. Она стала моей невѣстой. Мы должны были пожениться черезъ полъ года и уѣхать въ Италію, гдѣ я собирался совершенствовать свой голосъ. И вдругъ, произошло нѣчто совершенно невѣроятное: я началъ терять голосъ. Сперва ослабѣли верхи, затѣмъ начала ослабѣвать сила всего голоса. Черезъ полъ года, несмотря ни на какія леченія, отъ моего громаднаго голоса оставались жалкія крохи. Вы можете представить, что я пережилъ. Всѣ блестящія перспективы славы и чистаго искусства растаяли, какъ дымъ. Иногда я рыдалъ цѣлыми ночами, тщетно ища причины моего несчастія, которое повлекло за собой новое горе: моя невѣста разлюбила и бросила меня за то, что я остался безъ обоянія таланта.

Вотъ тутъ началась настоящая трагедія души. Я впалъ въ такое отчаяніе, что мать и сестра ни на минуту не оставляли меня одного. Сестра выкрала у меня револьверъ. За мной слѣдила вся дворня, такъ какъ я рѣшилъ покончить съ жизнью во что бы то ни стало.

Хотя потеря голоса была очевидна, однако, первые мѣсяцы я чуть ни ежедневно подходилъ къ роялю и пробовалъ пѣть. Каждая такая проба кончалась подтвержденіемъ постигшаго меня несчастія и новыми взрывами отчаянія. Прошло около года. Помню, былъ чудесный весенній день. Первый разъ послѣ долгихъ мѣсяцевъ безнадежной тоски, я почувствовалъ желаніе сѣсть на лошадь. Долго, будто въ запоѣ, я мчался среди обновляющеся природы. Въѣхавъ въ зеленѣющій лѣсъ, опьяненный запахами весны, я слѣзъ съ сѣдла, привязалъ лошадь къ дереву, бросился на траву и, закинувъ руки подъ голову, долго лежалъ, глядя на небо сквозь еще рѣдкую гущину листвы. Вдругъ, въ груди моей поднялась такъ хорошо знакомая волна, вслѣдъ за которой расширились легкіе, и мощные звуки вылились изъ груди, радуя и возбуждая меня самого. Я вскочилъ на ноги, вдохнулъ полной грудью опьяняющій ароматами воздухъ и... запѣлъ: «Благославляю васъ поля, лѣса, долины, нивы, горы, воды»... пѣлъ я, будто молился. Случилось необъяснимое чудо: изъ груди моей полились звонкіе, сочные звуки, далеко заполнившіе лѣсъ. Что случилось тогда со мной — я не имѣю словъ передать вамъ. Я обнялъ стволъ березы, около которой стоялъ и зарыдалъ отъ счастья. Я пѣлъ опять и опять. Я боялся, что если перестану пѣть, то потеряю вновь то, что вернулось. Наконецъ, я помчался домой. Какъ помѣшанный я бросился къ роялю: изъ зала понеслись по всему дому торжествующіе звуки. Я пѣлъ и пьянѣлъ отъ счастья. Мать, сестра и старуха-нянька плакали. Съ того дня голосъ вернулся. Я чуть ни заболѣлъ отъ счастья. Вскорѣ я уѣхалъ въ Италію.

— Что же было причиной потери голоса?

— До сихъ поръ осталось необъяснимымъ. Доктора говорили, что на нервной почвѣ.

— А ваша невѣста?

— Я ее не встрѣчалъ и не хотѣлъ бы встрѣтить. Я слышалъ, что она вышла замужъ и очень счастлива.

— Да, вы пережили сильную драму. Какое счастіе,

что васъ уберегли, не давъ возможности покончить съ жизнью.

— Если бы я умеръ, то, конаечно, не узналъ бы счастія возрожденія моего таланта, но, долженъ вамъ признаться, что эти два испытанія, слитыя вмѣстѣ, дали мнѣ такую сумму страданій, что удивляюсь, какъ я съ ума не спятилъ. Я все таки думаю, что умереть бываетъ легче, чѣмъ терпѣть душевныя страданія.

— Да, умереть не трудно. Но дѣло въ томъ, что въ сохраненіи жизни риска нѣтъ, а въ прекращеніи ея — игра на рискъ. На васъ примѣръ ясенъ: васъ ожидала слава и радости жизни, а вы готовы были искать смерти. Жизнь — это борьба и стремленіе къ достиженію счастія; смерть уничтожаетъ возможность этого стремленія. Умереть возможно и даже должно лишь для счастія ближняго.

— Вы правы, — согласился Арчевскій.

— Умирать, ища въ смерти освобожденіе отъ страданія, — рискованно. Жизнь до конца полна пестрыхъ неожиданныхъ красокъ. Не мнѣ вамъ это говорить, — улыбнулся Вернэ, и эта улыбка, рѣдкая гостья его строгаго лица, обласкала и плѣнила Арчевскаго, какъ плѣняла каждаго, кто ее видѣлъ. Обояніе личности Вернэ поглощало слѣпое чувство ревности въ сердцѣ Арчевскаго.

— Могу себѣ представить, какъ теперь вы наслаждаетесь жизнью и какъ цѣните, возвращенный вамъ судьбою, талантъ и расцвѣтающую славу, — продолжалъ Вернэ.

— Талантъ мой я, конечно, люблю и жадно беру всѣ радости жизни, рожденныя имъ, но слава и шумъ толпы оставляютъ меня почти равнодушнымъ. Когда я пою, я въ такой мѣрѣ наслаждаюсь и такъ сильны мои переживанія, что одобренія толпы меня мало трогаютъ, а слава... — Арчевскій пожалъ равнодушно плечами, — слава внѣ насъ самихъ: слава въ устахъ толпы, въ столбцахъ рецензій, въ аршинныхъ анонсахъ, въ любопытно оглядывающихъ васъ взглядахъ. Слава — это нѣчто за рубежомъ нашего я, что не можетъ уменьшить, даже на крупицу, горе нашей личной жизни, не можетъ создать счастья, если его нѣтъ. Слава — это толпа, провозносящая талантъ и равнодушная къ личности, а потому я равнодушенъ къ славѣ, созданной этой толпой, — за-

кончилъ Арчевскій. Онъ ни на секунду не забывалъ, что превыше славы, превыше всего въ мірѣ — его любовь къ Сандрѣ.

— Я вѣрю, что переживанія вашего таланта вы любите больше, чѣмъ апплодисменты, но слава подтверждаетъ ихъ цѣнность, и потому она вамъ все таки нужна.

Когда, проводивъ пѣвца до лѣстницы, Вернэ, дружески положивъ ему руку на плечо, сказалъ, что радъ знакомству съ нимъ, Арчевскій горячо отвѣтилъ на это пожатіе:

— Я горжусь, что судьба дала мнѣ случай познакомиться съ вами. Вы совершенно особенный человѣкъ.

— Voyons, voyons, mon ami, — улыбнулся Вернэ, — je ne suis qu'un peu philosophe, un peu esthète et beaucoup ermite.

Арчевскій весь остатокъ дня провелъ съ Сандрой. Мари, по обыкновенію, до обѣда изъ своей комнаты не выходила, и они были предоставлены самимъ себѣ. Не замѣчая времени, они бродили по парку, по его далекимъ, теряющимся въ гущинѣ и заросляхъ, тропинкахъ. Все гуще и гуще заволакивалъ ихъ дурманъ любви: кровь закипала, мозгъ пьянѣлъ. Сердца пылали огнемъ. Казалось, весь міръ отступилъ за черту ихъ чувствъ.

Шазаль вернулся поздно. Узнавъ, что всѣ гости, кромѣ пѣвца, разъѣхались, онъ тщетно искалъ Сандру въ замкѣ, подлѣ озера, на площадкѣ лаунъ-тениса, въ оранжереяхъ, въ фруктовомъ саду. Нигдѣ ее не найдя, онъ хмуро, съ сигарой во рту, усѣлся на террасѣ, понявъ, что она намѣренно куда то скрылась съ Арчевскимъ. Лишь только теперь онъ понялъ, что подъ чувствомъ его дружбы скрывалось увлеченіе. Избалованный успѣхомъ у женщинъ, онъ не терпѣлъ невыгодныхъ для самолюбія позицій. Когда онъ увидѣлъ Сандру, выходящую изъ глубины парка вмѣстѣ съ Арчевскимъ, въ немъ поднялось злобное возмущеніе. Онъ швырнулъ недокуренную сигару и ушелъ къ себѣ въ комнату. Къ обѣду онъ вышелъ съ незнакомымъ для обитателей замка, холодно сдержаннымъ пожелтѣвшимъ лицомъ.

Онъ былъ офиціально вѣжливъ съ Арчевскимъ, замѣтно избѣгая всякаго съ нимъ разговора. Вернэ, съ первой же минуты уловившій происшедшую въ немъ перемѣну, наблюдалъ и ждалъ разгадки.

Послѣ обѣда, Сандра, отгадывая настроеніе Шазаля,

ласково обратилась къ нему, предлагая поѣхать кататься на лодкѣ. Онъ отговорился усталостью послѣ охоты и остался на террасѣ докуривать сигару.

— Послѣзавтра я долженъ распроститься съ тобой и съ твоимъ чудеснымъ замкомъ, mon beau patricien. Я получилъ письмо, увѣдомляющее меня, что братъ съ женой, проѣздомъ, остановятся гостить у меня, — проговорилъ Шазаль послѣ того, какъ Сандра, Мари и Арчевскій скрылись въ аллеѣ.

Вернэ, удивленный, нѣсколько минутъ молчалъ.

— Я этого не ожидалъ, — проговорилъ онъ, измѣняя въ креслѣ положеніе такъ, чтобы отчетливѣе видѣть лицо пріятеля, сидѣвшаго противъ него въ усталой небрежной позѣ, съ далеко протянутыми скрещенными ногами. На нѣкоторомъ разстояніи отъ лица, онъ держалъ сигару и, приподнявъ сухой гладко выбритый подбородокъ, дѣлалъ видъ, что внимательно слѣдитъ за синеватой дымкой извивающейся тонкой, теплой спиралью.

— Вѣдь я сижу здѣсь больше мѣсяца. Пора и домой, — тѣмъ же равнодушнымъ тономъ возразилъ Шазаль.

— И все таки я не ожидалъ, что ты такъ внезапно уѣдешь. Еще вчера ты и не думалъ объ отъѣздѣ, я въ этомъ совершенно увѣренъ.

— Это что же: выговоръ? — Шазаль говорилъ, не поворачивая лица въ сторону пріятеля. Вернэ уже понималъ, что произошло нѣчто, выбившее его изъ привычнаго состоянія душевной бодрости и веселаго юмора.

— Нѣтъ, это — упрекъ. И такъ, что же заставляетъ тебя такъ быстро покинуть мой замокъ?

— Мнѣ пора домой.

— Сандра это знаетъ?

— Нѣтъ еще.

— Я думаю, она будетъ очень огорчена.

— А я этого не думаю.

Въ сухомъ звукѣ дѣланнаго смѣха, Вернэ на лету поймалъ нотку раздраженія.

— Ты сомнѣваешься, что Сандра будетъ огорчена? Я былъ увѣренъ, что васъ связываетъ дружба.

— Mon vieux, не намъ съ тобой, извѣдавшимъ жизнь, впадать въ иллюзіи, что женщины цѣнятъ и дорожать чувствами чистой и преданной друббы. — Помимо воли

и желанія Шазаля, въ тонѣ его голоса, кромѣ сарказма, звучало раздраженіе и обида.

— Говоря это, ты думаешь такъ и о моей женѣ?

— Я думаю такъ о всѣхъ женщинахъ, — пожалъ плечами Шазаль.

Оба умолкли.

Вернэ вспомнилъ холодно-сдержанное выраженіе лица пріятеля за обѣдомъ, и его разговоръ, обращенный исключительно къ нему; вспомнилъ смѣхъ, шутки и оживленіе жены и Арчевскаго.

— Какъ тебѣ нравится Арчевскій? — прервалъ Вернэ молчаніе.

— Конечно, у него выдающійся, необычайный талантъ.

— А кромѣ таланта, какъ человѣкъ?

— Онъ мнѣ совсѣмъ не нравится.

— Почему?

— Я терпѣть не могу людей, не умѣющихъ управлять, то есть, вѣрнѣе, наружно подавлять свое внутреннее, слишкомъ пламенное я. Онъ въ звукахъ голоса, въ огнѣ глазъ, въ тонѣ рѣчи словно на ярмаркѣ кричитъ о пламени своего темперамента. Я этого не выношу.

— Я съ нимъ много бесѣдовалъ. Онъ очень индивидуаленъ. Рвущаяся сила его темперамента — внѣ его власти.

— Все это возможно. Меня онъ мало интересуетъ,— небрежно бросилъ Шазаль.

Черезъ два дня Шазаль уѣхалъ. Сандрѣ было грустно прощаться съ нимъ: она читала въ его глазахъ нѣмой упрекъ, она чувствовала, что онъ понялъ то, что для окружающихъ было тайной.

— Если вамъ будетъ когда нибудь тяжело на душѣ, го, прошу васъ, вспомнить о дняхъ нашей дружбы и написать мнѣ. Я всегда буду счастливъ каждой строчкѣ, полученной отъ васъ.

— Мнѣ нужно ждать печалей, чтобы написать вамъ?

— Врядъ ли вы будете вспоминать меня теперь, — отвѣтилъ Шазаль, стараясь улыбкой замаскировать грусть.

Когда коляска, увозившая его, скрылась за поворотомъ аллеи, Сандра вздохнула:

— Мнѣ грустно, что онъ уѣхалъ. До встрѣчи съ ва-

ми, мы были съ нимъ очень дружны. Я увѣрена, что онъ понялъ.

Арчевскій нервно сдвинулъ брови. Для него уже было невозможно, мучительно недопустимо, чтобы въ мысляхъ Сандры былъ хотя на минуту кто-нибудь другой, кромѣ его.

— Скорѣе, скорѣе вырыть непроходимую глубокую пропасть ко всему прошлому, чтобы въ ея глаза заглянула безповоротность настоящаго, — подумалъ онъ.

VIII

— Какъ же теперь будетъ? — спрашивала себя Сандра, поздней ночью въ своей спальнѣ въ Парижѣ.

Она силилась заснуть, но нервное перевозбужденіе было слишкомъ велико, и сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Отрывки мыслей проносились торопливо и безпорядочно. Вставали одна за другой картины только что минувшаго и давнишняго прошлаго, переплетаясь въ запутанный, быстро катящійся, кубокъ. Назойливо и мучительно кричала душевная раздвоенность въ сознаніи молчаливаго обмана передъ тѣмъ, кто ни на секунду не былъ вытѣсненъ изъ ея сердца.

Она путалась въ мысляхъ, не находила выхода, испытывала почти физическую боль и въ мозгу, и въ сердцѣ. Образъ Арчевскаго, открывшаго ей новый міръ переживаній, стоялъ рядомъ съ образомъ мужа, духовная сила котораго была неоспорима въ кристаллической чистотѣ и красотѣ стремленій.

— Ахъ, какъ трудно... какъ трудно мнѣ!... — со стономъ шептала Сандра. Мысли не давали покоя, не давали отдыха. Хотѣлось все забыть и уснуть. Но сонъ бѣжалъ.

Она открыла усталые глаза. Прямо передъ ней, по пестрому рисунку ковра, протянулась изъ щели оконной драпировки, свѣтлѣющая полоса занимавшагося утра. Цвѣты узора, озаренные полосой свѣта, получали выпуклую форму жизни и какъ бы отдѣлялись отъ сѣро-голубоватаго фона ковра. Усталый мозгъ нашелъ успокоеніе въ этомъ созерцаніи оживающихъ красокъ. Мысли стали проплывать спокойнѣе и медленнѣе.

Было поздно, когда она проснулась. Мгновенно вспомнивъ все совершившееся, она поднялась съ подушекъ. Кровь прилила къ лицу, сердце, охваченное и тревогой, и яркой радостью, учащенно забилось.

Лучъ солнца, проникая сквозь щель драпировки, прорѣзывая полумракъ комнаты, ложился по ковру, по мебели, по хрустальнымъ флаконамъ на туалетѣ, золотой, слѣпящей глаза, полосой.

Сандра отдернула драпировку и распахнула балконную дверь. На нее пахнулъ воздухъ раней осени, со всѣми смѣшанными запахами громаднаго города. Она полузакрыла глаза отъ яркихъ слѣпящихъ, ворвавшихся въ комнату, обласкавшихъ всю ее, лучей. Вѣтеръ порхнулъ по волосамъ, по лицу. Волна счастья и радости жизни, радости любви обдала ее. Она вздохнула полной грудью, ощутивъ въ себѣ громадный приливъ жизненной энергіи.

Горничная внесла большой букетъ розъ съ упругими благоухающими лепестками. На серебряномъ подносѣ она подала письмо. У Сандры отъ волненія дрогнули пальцы. Отъ влажно-ароматныхъ лепестковъ несся туманившій ароматъ, присланный ей тѣмъ, кто туманилъ ея мысли своей любовью.

Она распечатала письмо:

«Каждая вещь въ моей спальнѣ, изъ которой я только что вышелъ, каждая вещь въ этомъ кабинетѣ, солнце и вѣтеръ, врывающіеся изъ открытаго окна, твой маленькій носовой платочекъ, который я поминутно прикладываю къ губамъ и глазамъ, — все, все радостно кричитъ мнѣ о томъ, что ты меня любишь, что ты моя... Все о тебѣ, все, все, все для тебя!.. Сандра, моя Сандра! Мою любовь, широкую какъ море, вмѣстить не могутъ жизни берега. Дай мнѣ скорѣе прильнуть къ твоимъ ногамъ и сказать тебѣ, что нѣтъ счастья выше моего, нѣтъ благодарности полнѣе той, что я несу къ тебѣ въ моемъ сердцѣ за блаженство твоей любви.

Жду съ мучительнымъ нетерпѣніемъ минуты встрѣчи. Моя божественная, моя любимая, цѣлую край твоего вчерашняго розоваго пеньюара, цѣлую твои глаза, твои уста... О какъ я боюсь, что въ эти нѣсколько часовъ разлуки ты, можетъ быть, стала меня меньше любить... Съ мучительной тревогой жду твоего зова. Твой навѣки Юрій».

Сандра прочла дважды письмо. Въ каждомъ словѣ для нея заключался новый страстный міръ. Она прижала письмо къ губамъ, пробѣжала въ сосѣднюю комнату и вызвала Арчевскаго къ телефону.

Едва Сандра выпрыгнула изъ «такси», подъѣхавшаго къ условленному мѣсту на бульваръ Мадленъ, какъ тотчасъ же къ ней подошелъ Арчевскій. Ихъ глаза встрѣтились, но не нашлось словъ, чтобы выразить все, чѣмъ была полна душа.

Они почти не разставались въ охватившемъ ихъ запоѣ чувства. Сандрѣ необходимо было вернуться въ замокъ, хотя бы на нѣсколько дней. Разстаться было мучительно трудно. Она обѣщала ежедневно писать и вскорѣ вернуться въ Парижъ.

Обычная, любимая ею, жизнь въ замкѣ, съ момента возвращенія изъ Парижа, начала казаться ей монотонной и томительной. Мысли и сердце рвались къ Арчевскому, который каждый день присылалъ длинныя страстно-зовущія письма. Она перечитывала ихъ много разъ, отвѣчала такими же длинными письмами. Она не знала куда дѣвать себя, за что взяться. Книга валилась изъ рукъ, потому что мысль не могла сосредоточиться на содержаніи, перелистываемыхъ разсѣянной рукой, страницъ; рояль стоялъ закрытымъ; не тянуло ни на озеро, ни въ любимыя оранжереи. Только верховая ѣзда поддерживала бодрость настроенія.

Стояла чудесная мягкая погода. Въ воздухѣ рѣяли радугой отливавшія паутинки, мягкой лаской цѣплявшіяся къ лицу и рукамъ. Рѣдѣющій лѣсъ, усыпанный шуршащимъ золотистымъ ковромъ, грустно и сосредоточенно внималъ совершающейся въ немъ тайнѣ временнаго умиранія. Безшумно и покорно онъ ронялъ на землю для погребенія и истлѣнія свою послѣднюю, уже отцвѣтшую красу.

— Такъ отцвѣтаемъ, такъ умираемъ и мы, — произнесла Мари, идя подъ руку съ Вернэ, по лѣсной тропинкѣ, въ одинъ изъ такихъ теплыхъ, тихихъ дней. — Я люблю думать о тайнѣ умиранія, продолжала она. — Эта мысль даетъ покой и примиряетъ съ жизненными обидами и съ людьми.

Безъ шляпы, съ сіяніемъ косыхъ солнечныхъ лучей въ сѣдѣющихъ волосахъ, она то и дѣло нагибалась, собирая попадавшійся по пути, кисловато и нѣжно пах-

нувшій, верескъ, которымъ она любила наполнять вазы въ своей спальнѣ, перемѣшивая его съ желтѣющимъ листомъ.

— Я всегда чувствую, вѣрнѣе, сознаю присутствіе смерти, — продолжала Мари. — Въ сознаніи ея близости я нахожу большую поддержку. Съ годами это усиливается и наполняетъ меня яснымъ всепримиряющимъ покоемъ.

— Да, когда мы, какъ этотъ лѣсъ, начинаемъ ронять на землю отцвѣтшіе лепестки нашей молодости и, вмѣстѣ съ ними, предаемъ погребенію наши иллюзіи въ оцѣнкѣ жизни и людей, тогда хорошо думать о томъ, что печальная правда жизни безсильна передъ закономъ смерти, — проговорилъ Вернэ. — Однако, я не думалъ, что и въ вашу душу проникли жизненныя разочарованія.

— Развѣ я могла бы чувствовать искусство, еслибы моя душа ихъ не знала?! Хоть я и прожила безъ страстей, сжигающихъ сердце, прошла мимо міра, составляющаго главную сущность жизни каждой женщины — міра любви, и у меня никогда не было активной жизни, все же и я впитала въ себя ея горечь. Съ годами я чувствую, какъ безпощадная рука времени сняла маску иллюзій, прикрывающую обликъ людей. Прежде я не видала жалкой, убогой людской пошлости, теперь она бьетъ мнѣ въ глаза и утомляетъ мою душу. Я вижу и слышу то, что раньше проходило мимо меня незамѣченнымъ.

Мари, наклонивъ голову, перебирала крѣпкіе, какъ проволоки, стебельки вереска, выравнивая ихъ въ букетѣ.

— Мнѣ часто бываетъ больно, что толпа, которой я сыплю цвѣты моего вдохновенія, представляетъ изъ себя отрицательную величину.

— Забудьте объ этомъ, мой другъ. Въ этомъ замкѣ у васъ есть два вѣрныхъ друга; думаю, что для васъ этого достаточно.

Подъ ногами ихъ шуршалъ красновато-оранжевый коверъ изъ листьевъ клена. Слышно было, какъ гдѣ то близко долбилъ дятелъ.

— Вы людей все таки мало знаете, — заговорилъ снова Вернэ. — А меня вы знаете?

— Васъ? О да, я васъ знаю отлично.

— А я долженъ вамъ сознаться, что съ нѣкоторыхъ поръ не увѣренъ въ томъ, что самъ себя хорошо знаю.

— Вы — съ вашимъ анализомъ? Это невѣроятно, Андрэ.

— Да, да, это такъ. — Вернэ глубоко вздохнулъ. Мари подняла на него глаза: лицо его было обвѣяно тѣнью грусти.

— Что съ вами? — участливо спросила она. — Вы грустны сегодня.

— Да, я огорченъ. Я недостаточно зналъ самого себя и преувеличивалъ свою отчужденность отъ жизни.

— Это прекрасно. Вы еще молоды и должны реагировать на жизнь.

— Я давно перенесъ жизнь въ центръ мышленія и считалъ себя зрителемъ, но не участникомъ ея.

— Вы огорчены, а я радуюсь. Развѣ можетъ человѣкъ въ ваши годы, такъ богато и многосторонне одаренный, имѣя такую прелестную жену, оставаться только въ роли наблюдателя?! Лучше жить однимъ сердцемъ, чѣмъ однимъ разумомъ.

— Нѣтъ, Мари, жизнь сердцемъ ведетъ къ заблужденіямъ и страданіямъ. Сердце, руководимое своими порывами, приводитъ, въ конечномъ результатѣ, къ жестокимъ и непоправимымъ ошибкамъ. Холодный разсудокъ предпочтительнѣе безразсуднаго сердца. Царство разума — это царство покоя.

— И эгоизма, — добавила Мари.

— Нѣтъ, мой другъ, вы не правы. Разумъ долженъ быть мудрымъ, а мудрость творитъ покой души не потому, что ищетъ благо самому себѣ, а потому, что основывается на законахъ равновѣсія, то есть познанія истины по отношенію себя и своего ближняго. Что касается эгоизма то не думаете ли вы que l'égoïsme d'une âme clairvoyante et forte est plus éfficassement charitable que le dévouement d'une âme aveugle et faible.

— Я много трудился, чтобы вырвать съ корнемъ сорную траву эгоизма; покой мой основанъ не на стремленіи оберечь себя отъ тревогъ за счетъ ближняго, а на знаніи психологіи, открывающей пути къ примиренію и покою.

— Котораго вы все таки, кажется, не вполнѣ достигли, — осторожно замѣтила Мари.

— Да, оказывается, что еще не вполнѣ.

— Я увѣрена, что вы не истощили живую кровь собственнаго сердца, и оно все таки бьется, заявляя свои права.

— Кажется, вы правы.

Вернэ остановился и, молча, какъ бы прислушиваясь къ тому, что творилось въ немъ самомъ, устремилъ взглядъ въ широкое, залитое заходящимъ солнцемъ, пространство полей, окаймленныхъ на горизонтѣ синеватой линіей лѣса.

— Да, да, вы, кажется, правы, — повторялъ онъ, какъ будто, въ эти минуты молчанія еще разъ провѣривъ себя, убѣдился въ правотѣ ея словъ.

— Какъ это ни странно, но я, стоящая вдали отъ жизни, безошибочно чувствую переживанія окружающихъ меня.

— Вы хотите сказать, что чувствуете мои переживанія.

Вернэ умолкъ, подавляя въ себѣ желаніе подѣлиться съ Мари тѣмъ, что съ утра нарушило его обычное равновѣсіе: съ утренней почтой онъ получилъ короткое анонимное письмо, извѣщавшее его о томъ, что его жена, не довольствуясь пребываніемъ Арчевскаго въ замкѣ, ѣздитъ въ Парижъ, чтобы проводить съ нимъ дни и ночи, въ чемъ онъ, при желаніи, можетъ самъ убѣдиться.

Вернэ, не дочитавъ, разорвалъ письмо.

Во все время прогулки онъ чувствовалъ въ себѣ нарушенное равновѣсіе и зналъ, что оно происходитъ отъ мыслей, связанныхъ съ именемъ жены и Арчевскаго. Онъ принужденъ былъ примириться съ тѣмъ что, несмотря на знаніе законовъ, которымъ подчинены душевныя эмоціи, несмотря на силу своей логики и власти надъ самимъ собой, ему все таки не подчинялись живыя струны сердца, съ которыми связано все, что вызывается любовію.

Онъ перерабатывалъ въ себѣ путемъ холоднаго анализа эту, ненужную для его свободы духа, сердечную тяжесть. Какъ бы то ни было, и что бы онъ ни чувствовалъ, онъ далъ себѣ слово ничемъ не проявлять своихъ переживаній и дѣйствовать такъ, какъ будто бы ихъ не было, руководясь единственной и неизмѣнной мыслью — счастіемъ Сандры, какими бы путями она ни

шла къ его достиженію. Окинувъ взглядомъ любимыя мѣста своего помѣстія, онъ остановился:

— Если бы вы знали, какъ я люблю эти поля, лѣса и рощи! Какъ я весь связанъ съ ними, какъ я люблю думать, что въ эту землю, на которой я родился, росъ и прожилъ мою жизнь, я уйду и растворюсь, слившись съ нею. Я люблю землю, чувствую ея мощный пульсъ, ея живую душу. Чѣмъ дальше отъ людей, тѣмъ ближе къ землѣ. Я люблю ее, и все на ней произростающее, нѣжной сыновней любовью. Никогда сліяніе съ людьми не можетъ дать такого полнаго, безмятежнаго кристаллическаго счатья, какъ сліяніе съ природой.

— А между тѣмъ природу называютъ безстрастной.

— Въ своемъ вѣчно возобновляющемся возрожденіи, въ своемъ незыблемомъ покоѣ она, конечно, безстрастна по отношенію судорогъ человѣческаго бытія, исковерканнаго отдаленіемъ отъ своей матери-земли. Но какъ только человѣкъ возвращается къ природѣ, въ ней онъ черпаетъ духовныя и физическія силы, радости и восторги. Если мой разумъ гибокъ и ясенъ, если духъ мой крѣпокъ, и тѣло мое сохраняетъ силу и здоровіе, то, конечно, этому богатству я обязанъ природѣ, среди которой живу съ рожденія, которая усыновила меня.

— Андрэ, вы любите, людей?

— Я людей хорошо понимаю и поэтому все имъ прощаю.

— Но любите ли вы ихъ?

— Я люблю ихъ какъ частицу природы, какъ потокъ, несущійся надъ ея твердью. Душу человѣческую я люблю, но близкаго соприкосновенія съ людьми я избѣгаю, потому что люди проявляютъ себя мелко и пошло. По большей части, ихъ поступки ничтожнѣе ихъ переживаній.

IX

Арчевскій, въ полосатой синей съ бѣлымъ «пижама», сидѣлъ за позднимъ утреннимъ кофе. Наканунѣ, послѣ бурныхъ овацій, онъ былъ приглашенъ ужинать и вернулся поздно. Послѣ ванны и гимнастики онъ чувствовалъ свое тѣло сильнымъ и бодрымъ. Онъ считалъ необходимымъ условіемъ гигіены уходъ за тѣломъ, лю-

билъ чувствовать упругость своихъ мышцъ и силу мускуловъ, хорошо развитыхъ гимнастикой и спортомъ.

Сентябрьское солнце еще горячими лучами, черезъ раскрытое окно, наполняло вмѣстѣ съ гомономъ улицы уютный и комфортабельный кабинетъ красивой квартиры Арчевскаго на улицѣ Боэси, охраняемой высокой, худощавой и тихой старухой Полинъ, съ сѣдыми, гладко расчесанными на проборъ, волосами; она держала квартиру въ образцовой чистотѣ, наполняла вазы свѣжими, принесенными съ базара гвоздиками, розами и, томно свѣшивающими мохнатыя вѣтки, нѣжно-ароматными мимозами. Она гордилась славой своего хозяина, всячески стараясь угодить ему. Часто, сидя въ кухнѣ, она роняла слезы, слушая наполнявшіе всю квартиру мощные и ласковые звуки его голоса.

Въ это утро онъ чувствовалъ себя особенно бодрымъ и счастливымъ. Его слава, а вмѣстѣ съ ней и его благосостояніе росли. Онъ понималъ, что путь его жизни становится все шире, все ярче и пестрѣе, что толпа избрала его своимъ баловнемъ, и что отнынѣ ему уже нечего заботиться о своей карьерѣ, такъ какъ оперные антрепренеры всячески искали возможности заручиться его согласіемъ. Ему оставалось только выбирать наиболѣе выгодныя предложенія. Женщины баловали его вниманіемъ и искали съ нимъ встрѣчъ. Онъ — всегда пылкій, легко мѣнявшій привязанности, теперь оставался совершенно равнодушнымъ къ своимъ успѣхамъ среди женщинъ, присылавшихъ ему раздушенныя записки и букеты цвѣтовъ, звавшихъ его на перебой въ свои элегантные салоны. Для него не существовала ни одна женщина, кромѣ Сандры, о которой онъ непрестанно думалъ, съ которой жадно искалъ встрѣчъ. Мысль о ней горѣла огнемъ вдохновенія; онъ пѣлъ и жилъ для нея, ею озарялись его восторги, переживаемые въ звукахъ; все стало полно иного — глубокаго значенія съ тѣхъ поръ, какъ онъ назвалъ ее своею. Увѣренный въ силѣ любви, онъ намѣтилъ своею цѣлью добиться, чтобы Сандра стала его женой. Онъ не зналъ, когда это будетъ, но зналъ навѣрное, что Сандра женщина всей его жизни, что время и пространство безсильны ослабить его любовь, что отдѣлить свою жизнь отъ ея жизни для него невозможно. Обладая настойчивой и упорной волей, онъ вѣрилъ, что время укажетъ ему вѣрные пути для

достиженія этой, самой важной въ его жизни, цѣли. Въ Вернэ онъ чувствовалъ всеобъемлющій умъ, который побѣдитъ обиду сердца. Изъ разговоровъ съ Сандрой онъ достаточно уяснилъ себѣ отношеніе Вернэ къ своей женѣ, основанное на высшей степени гуманности, на альтруизмѣ. Думая о будущемъ, онъ не мало расчитывалъ на эти высокія качества Вернэ. Хотя онъ зналъ, что Сандра не переставала любить мужа, однако былъ увѣренъ, что сила его любви, страстной и пылкой, одержитъ побѣду. Въ своихъ письмахъ Сандра говорила ему о мучительномъ раздвоеніи своего сердца. Онъ не сомнѣвался, что настанетъ моментъ, когда тяжесть такой двойственности станетъ ей не подъ силу, и она, ища выхода, склонится на его мольбы оставить мужа во имя ихъ любви.

Въ полученномъ отъ нея наканунѣ письмѣ, она сообщала ему, что въ ближайшіе дни пріѣдетъ въ Парижъ. Ожидая ея пріѣзда, онъ уже отклонялъ постоянно осаждавшія его приглашенія на вечера и концерты.

Въ передней раздался звонокъ и чей то женскій голосъ. Вошла старушка Полинъ:

— Пришла дама и желаетъ васъ видѣть.

— Попросите обождать въ кабинетѣ, я сейчасъ одѣнусь.

Полинъ не успѣла выйти, какъ распахнулась дверь, и, блестя, насмѣшливыми глазами, стремительно вошла Берта Креллинъ.

— Мнѣ некогда ожидать, пока вы одѣнетесь, да и не для чего вамъ одѣваться; въ этомъ костюмѣ vous êtes très chic. Послушайте, я на васъ ужасно зла. Что это за манера избѣгать меня? Вы не явились на три мои приглашенія. Когда къ вамъ ни позвони, васъ никогда дома нѣтъ или телефонъ занятъ.

Берта, оживленная и нарядная, стояла передъ Арчевскимъ, обдавая его острымъ и настойчивымъ запахомъ духовъ. Задорно глядя на него въ упоръ, она сдерживала улыбку, отъ которой вздрагивали ея полныя подкрашенныя губы. Она шумно отодвинула стулъ, опустилась на него и закинула ногу на ногу, открывъ почти до колѣна тонкій шелковый чулокъ, съ плотно облегавшимъ изящнымъ сѣрымъ замшевымъ ботинкомъ. Облокотясь обѣими руками о край стола и скре-

стивъ пальцы у подбородка, она смотрѣла на Арчевскаго прищуренными глазами.

— Ну, что же вы молчите? Вамъ не нравится мой визитъ? Вы кого нибудь ждете?

— Я никого не жду и очень польщенъ вашимъ визитомъ.

— Вы польщены? — Она разсмѣялась. — Какое неуклюжее для даннаго случая выраженіе. Ну, хорошо, будьте польщены. А почему вы ко мнѣ не являетесь?

— Я очень занятъ.

— Чѣмъ? — Она тихонько посмѣивалась.

— Дѣлами.

— И разговорами по телефону?

— И разговорами по телефону.

— Можно узнать — съ кѣмъ?

— Я никого не посвящаю въ свою личную жизнь.

— Можете не посвящать. Я сама знаю все, что мнѣ надо знать.

— Развѣ вамъ надо знать съ кѣмъ я говорю по телефону?

— И у кого провожу двадцать четыре часа въ сутки, — перебила Берта. — О да, мнѣ это надо знать, и я знаю.

Арчевскій отвѣтилъ строгимъ взглядомъ на ея насмѣшливо вызывающій:

— Зачѣмъ вы все это мнѣ говорите?

— Чтобы напомнить, что мой вызовъ за ужиномъ въ Château d'Aiglon— остается въ силѣ.

— Для этого вы и почтили меня вашимъ визитомъ?

— Нѣтъ, это между прочимъ. Я пріѣхала къ вамъ потому что вы сами не являетесь ко мнѣ, и потому что я рѣшила провести съ вами нѣсколько часовъ. Сегодня вы будете у меня въ ложѣ въ Грандъ Опера, а оттуда мы поѣдемъ вмѣстѣ ужинать.

— Это невозможно.

— Почему?

— Сегодня я обѣщалъ пѣть на большомъ вечерѣ.

— Я вамъ не вѣрю. Скажите у кого?

— У баронессы Фошаръ.

— У этой мартышки съ красными руками?! Она, за неимѣніемъ красоты, старается ослѣпить роскошью своихъ пріемовъ и утонченной кухней. Она глупа и смѣшна. Охота вамъ къ ней ѣхать!

Берта пренебрежительно пожала плечами.

— Хотя она и мартышка съ красными руками, однако я охотно буду у нея пѣть, такъ какъ она мнѣ нравится.

— Ну, это вы, положимъ, лжете pour sauver les apparences, — хитро улыбнулась Берта. — Въ такомъ случаѣ, вы пріѣдете ко мнѣ завтра днемъ.

— Опять невозможно. У меня дѣловое свиданіе, на которомъ рѣшится вопросъ моего выступленія въ Грандъ Опера или Опера комикъ.

— Когда?

— Вѣроятно, на будущей недѣлѣ.

— Это великолѣпно!

— По всей вѣроятности, вопросъ будетъ рѣшенъ утвердительно, и тогда я на всю недѣлю затворяюсь и нигдѣ не буду бывать, чтобы спокойно подготовиться.

Говоря это, Арчевскій желалъ гарантировать себя на время пріѣзда Сандры отъ дальнѣйшихъ приглашеній.

— Другими словами, вы отказываетесь быть у меня или ѣхать со мной ужинать. Прекрасно! Въ такомъ случаѣ я остаюсь у васъ завтракать.

— Благодарю васъ за эту честь. Разрѣшите мнѣ пойти переодѣться.

— Только поскорѣе: мнѣ надо вамъ многое сказать.

Сдерживая досаду, Арчевскій вышелъ въ спальню. Онъ никакъ не предполагалъ, что назойливые вызовы Берты, которые онъ, по возможности, учтиво старался обращать въ шутку, приведутъ ее къ этому непріятному для него визиту.

Онъ одѣвался, намѣренно не торопясь, чувствуя все нароставшее раздраженіе. Когда онъ вышелъ, Берты въ столовой не было: она оказалась въ кабинетѣ, полулежащей на широкомъ, низкомъ диванѣ, удобно обложенная шелковыми подушками, съ тоненькой папиросой въ зубахъ, перелистывающей большой альбомъ съ безконечнымъ количествомъ всякихъ лестныхъ для Арчевскаго надписей, преимущественно отъ дамъ.

— Я вижу, что васъ женщины страшно балуютъ. Чтожъ, это указываетъ на ихъ хорошій вкусъ, — усмѣхнулась она, выпуская струйку дыма изъ угла рта. — Тѣмъ интереснѣе наше состязаніе, такъ какъ мы оказы-

ваемся равными соперниками, будучи въ равной степени избалованы.

— О какомъ состязанiи вы говорите?

— Какъ о какомъ? — удивленно переспросила Берта. — Вы хотите доказать вашу силу воли, а я хочу доказать вамъ, что ваше упорство безполезно. Я добьюсь своего и заставлю васъ быть у моихъ ногъ.

— Попробуйте, — Арчевскiй насмѣшливо вскинулъ плечами.

— Идите сюда. Садитесь вотъ тутъ, — она указала на край дивана.

Онъ опустился въ кресло, стоявшее подлѣ.

— Вы боитесь меня? — Берта звонко расхохоталась, откидывая на пунцовую подушку маленькую головку съ тяжелымъ узломъ черныхъ волосъ.

— Я боюсь не васъ, а ложныхъ положенiй.

— А я вотъ ровно ничего не боюсь.

— Это удобно.

— Вы думаете, я не вижу, что вы злитесь и проклинаете мой приходъ? Вы думаете, я не понимаю, что вамъ хочется какъ можно скорѣе отзавтракать, чтобы выпроводить меня отсюда? Милый мой, я отлично все это вижу, но, увѣряю васъ, меня это нисколько не смущаетъ, и я чувствую себя здѣсь прекрасно. — Она отложила всторону альбомъ, подложила подъ голову еще одну подушку, уютнѣе примостилась и тихонько засмѣялась. — Да, я чувствую себя прекрасно, увѣряю васъ.

— Я это вижу.

— А вы знаете почему? Потому что я привыкла ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считаться и дѣлать то, что мнѣ нравится.

— Къ сожалѣнiю, я этого не могу сдѣлать.

— Почему? Сдѣлайте одолженiе.

— Потому что вы моя гостья.

— Passez outre. Попробуйте. Ну, говорю же вамъ, попробуйте. Вы навѣрное хотѣли бы мнѣ предложить уйти? Мой милый, я не обижусь, потому что когда идетъ борьба, то всякiе прiемы допустимы. Конечно, я не уйду, пока не позавтракаю, и пока мы не выпьемъ бокалъ вина за успѣхъ моей кампанiи. Чтобы сократить время до завтрака, вы можете пѣть. Ну, идите къ роялю.

Предложенiе Берты было удачно. Арчевскiй охотно

подошелъ къ роялю, откинулъ крышку, раскрылъ ноты и опустился на плетеный табуретъ.

— Пожалуйста, выберите что нибудь изъ вашихъ русскихъ композиторовъ. Мнѣ нравится русская музыка.

Берта потушила папироску, заложила руки подъ голову, вытянулась, скрестила маленькія ноги и приготовилась слушать.

Арчевскій, какъ всегда увлекаясь пѣніемъ, исполнялъ одинъ романсъ за другимъ. Берта, взволнованная, наэлектризованная его голосомъ, сперва лежала неподвижно, съ широко раскрытыми, устремленными въ одну точку глазами, потомъ поднялась и, спиной къ столу, опершись ладонями о его края, не спуская глазъ съ Арчевскаго, стояла неподалеку отъ рояля. Когда онъ весь, отдавшись захватившему его подъему, блестяще заканчивалъ высокой, яркой нотой пропѣтый романсъ, она стремительно бросилась къ нему, охватила его голову и жаркими поцѣлуями стала покрывать его лицо. Быстрымъ движеніемъ онъ разнялъ ея руки и поднялся отъ рояля.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? — строго спросилъ онъ. — Я отлично вижу вашу игру. Она меня не занимаетъ.

Онъ отошелъ въ другой конецъ комнаты и, чтобы овладѣть досаднымъ раздраженіемъ, закурилъ папиросу.

Берта опустилась на оставленное имъ передъ роялемъ мѣсто и закрыла ладонями лицо. Сквозь неплотно сдвинутые пальцы она слѣдила за нимъ. Лицомъ къ окну онъ, молча, продолжалъ курить. Она отняла отъ лица руки и разсмѣялась тихимъ нервнымъ смѣшкомъ.

— Скажите, Мосье Арчевскій, кому вы дали обѣтъ быть непреклоннымъ?

Онъ досадливо пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ.

— Вы совсѣмъ не чуткій,—продолжала Берта. — Вы не поняли моего порыва. Виновато ваше пѣніе. Вы не оцѣнили того восторга, что родился въ душѣ моей.

— Было бы, по меньшей мѣрѣ, странно, еслибы всѣ женщины, которымъ нравится мой голосъ, бросались бы мнѣ на шею, — не оборачиваясь, сухо проговорилъ Арчевскій.

— Я не всѣ. Вы не умѣете цѣнить тѣхъ, кто цѣнитъ

васъ. Это очень жаль. Очевидно, существуютъ вѣскія причины вашего безразличія.

— Вѣроятно.

— Впрочемъ, мнѣ никакого нѣтъ дѣла ни до какихъ причинъ.

Берта расхохоталась, взяла нѣсколько бравурныхъ аккордовъ, шумно захлопнула крышку рояля и подошла къ Арчевскому.

— Ну, помиримся .

— Я не ссорился.

— Поцѣлуйте мои ручки и не злитесь больше. У васъ скверный характеръ.

Вошла Полинъ и объявила, что завтракъ поданъ.

Во время завтрака Берта пила много вина; она настаивала чтобы пилъ и Арчевскій, но онъ, въ виду предстоящаго съ его участіемъ вечера, почти не пилъ. Она много и возбужденно смѣялась, была зло-остроумна и забавна.

— А теперь мнѣ пора, — проговорила она, отодвигая стулъ, когда пробило два съ половиной. — Вотъ мое условіе: завтра послѣ вашего дѣлового свиданія вы непремѣнно пріѣдите ко мнѣ. Хоть на часъ но вы должны у меня быть. Я буду ждать васъ до шести. Завтра мы окончательно рѣшимъ, будемъ ли мы съ вами продолжать войну, или... Но если вы не пріѣдете, то я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобы отомстить вамъ. Вы слышите?

— Да, я слышу.

— Я жду васъ непремѣнно.

— Если смогу.

— Vouloir c'est pouvoir.

Арчевскій ничего не отвѣтилъ. Онъ не хотѣлъ противорѣчить, хотя зналъ напередъ, что не исполнитъ ея желанія.

Съ блестящими отъ выпитаго вина глазами, переливающимся на щекахъ румянцемъ, сверкая бѣлизной маленькихъ густо посаженныхъ зубовъ, освѣщенная лучами солнца, Берта была болѣе чѣмъ привлекательна. Стоя передъ зеркаломъ и поправляя шляпу она, глядя на свое отраженіе и любуясь имъ, сознавала свою женскую притягательную силу и, не сомнѣваясь въ ея вліяніи, была увѣрена, что побѣда будетъ на ея сторонѣ; весь вопросъ только во времени. Натянувъ длинныя зам-

шевыя перчатки, она круто повернулась отъ зеркала въ сторону Арчевскаго, вынула изъ за пояса букетъ фіалокъ, приложила ихъ къ губамъ и протянула ему:

— До завтра онѣ не увянутъ, и вы принесете ихъ мнѣ обратно. Глядя на нихъ, вы вспомните, что я жду и думаю о васъ.

Арчевскій молча поклонился, взялъ цвѣты и поставилъ ихъ въ рюмку отъ вина.

— Налейте же воды; они такъ завянутъ. Какой вы жестокій!

— Они все равно увянуть раньше, чѣмъ я увижу васъ.

Берта не поняла намека. Она протянула Арчевскому руку и неожиданно расхохоталась.

— Какой вы смѣшной и упрямый. Вѣдь все равно будетъ по моему. Вы только напрасно тратите время.

— Rira bien qui rira le dernier — отвѣтилъ Арчевскій, провожая ее въ переднюю.

На слѣдующій день, въ то время какъ онъ сидѣлъ неподалеку отъ Опера комикъ въ ресторанѣ Пикадили и, за бутылкой хорошаго «порто», договаривался объ условіяхъ своего выступленія въ «Карменъ», Берта, съ утра напряженно ожидавшая свиданія съ нимъ, чтобы сократить время и еще разъ напомнить о себѣ, рѣшила заѣхать къ нему на квартиру, чтобы оставить записку.

Полинъ, какъ она и предвидѣла, открывъ дверь, объявила, что Арчевскаго дома нѣтъ. Она сдѣлала озабоченное лицо и, сунувъ въ руку старухи десятифранковую бумажку, сказала, что напишетъ записку. Съ этими словами, она прошла въ кабинетъ и сѣла за письменный столъ.

— Занимайтесь, моя милая, вашимъ дѣломъ. Когда я окончу писать, то позвоню васъ, — ласково проговорила она.

Едва Полинъ вышла, какъ Берта протянула руку къ нѣсколькимъ нераспечатаннымъ конвертамъ, полученнымъ, въ отсутствіи хозяина, съ дневной почтой.

Между ними она сразу узнала конвертъ съ почеркомъ Сандры. Съ неопредѣленной улыбкой она повертѣла его между пальцевъ и, послѣ минутнаго колебанія, открывъ плоскую, черной лакированной кожи, сумочку, опустила въ него конвертъ. Оторвавъ отъ блокъ-нота листокъ, она набросала мелкимъ размашистымъ почеркомъ: «Mon prince charmant!»

Со вчерашняго вечера я, не переставая, думаю о васъ. Доказываю вамъ это тѣмъ, что среди массы дѣлъ, забѣгаю къ вамъ, чтобы напомнить, что жду васъ сегодня хотя бы на часъ. Жду съ острымъ нетерпѣніемъ. Увѣряю васъ, что я могу быть также нѣжна какъ мстительна, но я хочу, чтобы вы знали меня только какъ нѣжную, потерявшую изъ за васъ голову вашу маленькую Берту Креллинъ».

Она положила на записку двѣ только что купленныя розы, надавила пуговку звонка и пошла въ переднюю.

Спустившись по лѣстницѣ до первой площадки, она сѣла на бѣлый лакированный диванъ, подлѣ занимавшаго почти всю стѣну зеркала. Мраморный сатиръ съ насмѣшливой и злой улыбкой смотрѣлъ на нее въ то время, какъ она граціознымъ движеніемъ закинувъ ногу на ногу, торопливо достала изъ сумочки конвертъ, вскрыла его шляпной булавкой, вынула пахнувшій тонкими духами листокъ и углубилась въ чтеніе письма, котораго съ нетерпѣніемъ ожидалъ Арчевскій. По мѣрѣ его чтенія, ея тонкія брови сдвигались все плотнѣе, яркія губы нервно подергивались. Дочитавъ до конца, она вложила письмо обратно въ конвертъ и сунула въ сумочку. Внизу хлопнула входная дверь. Послышались чьи то быстро-взбѣгающіе по ступенькамъ шаги. Она встала и у зеркала принялась поправлять вуалетку. Оно отразило ей возбужденное лицо съ блестящими гнѣвнымъ огонькомъ глазами. Шаги приблизились; въ зеркалѣ отразилась фигура Арчевскаго. Онъ, не глядя на Берту, шагнулъ на ступеньку слѣдующаго поворота лѣстницы.

— Мосье Жоржъ, остановитесь на минутку. Я была у васъ и оставила вамъ два слова.

Арчевскій обернулся:

— А, я никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ. Здравствуйте.—Онъ поднесъ къ губамъ ея руку съ похолодѣвшими отъ волненія пальцами.

— Чѣмъ же кончилось ваше дѣловое свиданіе? Берта силясь скрыть волненіе, задала первый попавшійся вопросъ.

— На будущей недѣлѣ я пою въ «Карменъ».

— Чудесно! Я страшно рада. Воображаю, какой вы будете великолѣпный «Тореодоръ». Вы говорили съ директоромъ? Вы довольны? — разсѣянно задавала она

вопросы, пристально глядя въ лицо Арчевскому. Рядомъ съ этимъ лицомъ, воображеніе рисовало ей лицо Сандры съ плѣнительной улыбкой, съ бездоннымъ взглядомъ свѣтлыхъ русалочьихъ глазъ. Ей мерещились ея губы подлѣ четко очерченныхъ губъ стоявшаго передъ ней, одной ступенькой выше, Арчевскаго. Острое незнакомое ей чувство ревности пронизало ея сердце. Она закусила губу и, опасаясь своего взгляда, опустила глаза.

— Да, я видѣлся съ Мосье Пюгньо; мы встрѣтились съ нимъ въ Пикадили и обстоятельно переговорили. Возможно, что я выступлю здѣсь раза два или три передъ отъѣздомъ въ Нью-Іоркъ.

— Какой это будетъ радостный сюрпризъ для вашихъ друзей! — У Берты слегка перекосился ротъ, и улыбка вышла дѣланной. — Однако, не буду васъ задерживать. Вѣдь мы, конечно, увидимся сегодня?

— Я не увѣренъ въ этомъ.

— Какъ не увѣренъ? Вы обѣщали.

— Я долженъ написать нѣсколько дѣловыхъ писемъ и отдохнуть передъ вечеромъ.

— Мосье Арчевскій, сегодня я васъ жду къ себѣ и никакихъ возраженій не слушаю. — У Берты отъ досады вспыхнуло лицо. — Если вы не пріѣдете, то...

— То что? — улыбнулся Арчевскій, спокойно сверху внизъ оглядывая маленькую, изящную фигурку въ сѣромъ костюмѣ, съ великолѣлной чернобурой лисицей на плечахъ .

— То вы объ этомъ пожалѣете, очень пожалѣете. Я предупреждаю васъ совершенно серьезно.

— Ого!

Арчевскій былъ въ прекрасномъ настроеніи, и потому настойчивость Берты его не сердила, а забавляла.

— Вы меня еще мало знаете, мосье Жоржъ. Если я захочу отомстить, то, повѣрьте мнѣ, съумѣю это сдѣлать.

— Я неуязвимъ, — поддразнивалъ онъ ее.

— Если вы сегодня же не будете у меня, то я докажу вамъ обратное.

— Это пустыя слова.

— Могу васъ увѣрить, что въ моихъ рукахъ есть оружіе, которымъ я могу нанести вамъ очень глубокую рану.—При этихъ словахъ Берта нервнымъ движеніемъ

пальцевъ сжала мѣшечекъ, въ которомъ лежало только что прочитанное ею письмо.

— Это очень интересно, и я готовъ вызвать вашъ гнѣвъ, чтобы убѣдиться насколько вамъ извѣстны мои слабыя стороны, и какъ вамъ удастся ранить меня.

— Перестаньте смѣяться! Берегитесь, я могу быть очень зла.

— Увѣряю васъ, мадамъ Креллинъ, что я не знаю чувства страха.

— Прекрасно! Будущее покажетъ. До свиданія. Все таки, я жду васъ. Слышите?

— Если смогу, то пріѣду.

— Если не пріѣдете, то я выполню свою угрозу, — нервно натягивая перчатку и кусая губы, отвѣтила Берта.

Упрямая настойчивость каприза Берты Креллинъ непріятно нарушала созданную въ сердцѣ и мысляхъ Арчевскаго стройную гармонію, въ которой вся его жизнь, со всѣми мелочами сводилась къ имени Сандры.

Сбросивъ въ передней пальто, онъ направился въ кабинетъ къ письменному столу, надѣясь найти письмо изъ Château d'Aiglon. Онъ перебралъ конверты, съ досадой, бросилъ ихъ обратно на столъ и принялся пересматривать полученныя утромъ изъ магазина ноты. Подсѣвъ къ роялю и разбирая новые романсы, онъ не замѣтилъ какъ прошло больше часу. Пробило пять. Арчевскій закрылъ крышку рояля, и, какъ это всегда дѣлалъ въ день концерта, прилегъ на диванъ, чтобы отдохнуть. Онъ былъ полонъ мыслями о своей любви, о томъ, что Сандра пріѣдетъ въ Парижъ, и опять вокругъ нихъ тѣсно сомкнется кольцо, въ которомъ изъ внѣшняго міра не будетъ включено рѣшительно ничего. Кромѣ ихъ любви и музыки ничему не будетъ мѣста.

Отдаваясь теченію волнующихъ мыслей, переплетенныхъ со свѣтлымъ узоромъ несомнѣнно предстоящаго успѣха въ блестящей роли «Тореодора», онъ началъ дремать. И тѣло, и мозгъ стали погружаться въ состояніе полнаго сладостнаго покоя. Настойчиво-тихій голосъ Полинъ заставилъ его очнуться.

— Мнѣ такъ жаль было будить васъ, мосье, но пришла телеграмма.

Арчевскій быстро спустилъ съ дивана ноги. Сердце подсказало радостную вѣсть.

«Завтра пріѣзжаю съ поѣздомъ 4.20. Сандра». Онъ почувствовалъ приливъ хорошо знакомаго ему громаднаго радостнаго подъема, когда вся жизнь кажется веселой и легкой, когда не существуютъ трудности, и успѣхъ всякаго начинанія обезпеченъ. Онъ уже зналъ, что сегодня его голосъ на балу у баронессы Фошаръ будетъ звучать особенно ярко, и выполненіе романсовъ будетъ блестяще. Онъ ощущалъ въ себѣ наплывъ безграничной жизненной энергіи, ощущалъ свое тѣло молодымъ, рвущимся къ счастью любви, къ счастью обладанія единственной для него во всемъ мірѣ женщины.

Онъ посмотрѣлъ на часы: было семь. Почти въ ту же минуту затрещалъ звонокъ телефона. Онъ услышалъ гнѣвно напряженный, срывающійся голосъ Берты:

— Вы все таки не пріѣхали, заставивъ меня прождать васъ мучительныхъ два часа. Не оправдыавйтесь!..

— Да я и не пробую, вы напрасно нервничаете.

— Молчите! Вы, я вижу, издѣваетесь надо мной. Я не хочу слушать васъ. Я васъ ненавижу...

— Принимаю эту ненависть съ покорной готовностью.

— Говорю вамъ — молчите! Я ненавижу васъ и не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобы сдѣлать вамъ зло. Прошу васъ это запомнить.

Арчевскій ничего не успѣлъ отвѣтить, такъ какъ Берта повѣсила трубку.

— Вотъ и прекрасно! — подумалъ онъ.

Гнѣвъ маленькой назойливой женщины освобождалъ его отъ звонковъ по телефону и неожиданныхъ визитовъ.

X

На слѣдующій день послѣ отъѣзда Сандры въ Парижъ, Вернэ получилъ письмо съ незнакомымъ ему на конвертѣ почеркомъ. Съ удивленіемъ онъ вынулъ душистый листокъ, исписанный рукой жены. Съ первыхъ же строкъ онъ понялъ, что письмо было адресовано Арчевскому, перехвачено чьей то коварной рукой, уже однажды приславшей ему анонимное письмо, и со злымъ умысломъ направлено къ нему. Знакомое, острое какъ

тонкая игла, чувство пронзило его сердце. Онъ отложилъ письмо, откинулся на спинку кресла, перевелъ дыханіе, не торопясь, намѣренно задерживая каждое движеніе, закурилъ папиросу и, стремясь привести въ нормальное состояніе встревоженныя мысли, сталъ думать о томъ, что его любимый объемистый многолѣтній трудъ съ философскими аксіомами о счастьи — какъ основной цѣли жизни, является мертворожденной кабинетной теоріей, если не претворится въ жизнь, не одухотворится силой пережитого опыта. Онъ думалъ о томъ, что созиданіе счастья ближняго, основанное на сознательной утерѣ собственнаго, есть ступень къ высшей области чистой философіи души, гдѣ путемъ отчужденія собственнаго я, достигается истина.

Напряженный въ своей работѣ разумъ, мало-по-малу нашелъ обычное равновѣсіе, выдѣляя, какъ кристаллы ясныя въ своей логикѣ, мысли. Онъ почувствовалъ себя свободнымъ отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, могущихъ такъ или иначе воздѣйствовать на неуклонность уже принятаго рѣшенія.

Докуривъ папиросу, онъ протянулъ руку къ отложенному письму.

«Мое яркое, мое горячее солнце! Цѣлыхъ двѣ недѣли разлуки! Сколько мыслей, сколько порывовъ, сколько рвущихся изъ сердца чувствъ! Я хотѣла за эти дни понять себя и выяснить запутанность моихъ переживаній, но ничего не вышло: осталось все какъ было, полно мучительныхъ противорѣчій. Я сгораю отъ неудержимаго, сжигающаго мой мозгъ и сердце, пылкаго чувства къ тебѣ и въ тоже время люблю моего «Петронія» все той же неизмѣнной чистой любовью. Ради Бога, не сдвигай нетерпѣливо брови, не сердись. Ты долженъ понять, въ какомъ мучительномъ раздвоеніи мечется мое внутреннее я. Бываютъ минуты, когда съ моихъ устъ готова сорваться правдивая исповѣдь, но строгій, какъ будто всевѣдущій, всепроникающій взглядъ моего друга заставляетъ меня молчать, и мнѣ чудится, что онъ уже все понялъ.

«Мой чудесный соловей, я не могу представить себѣ, какъ я буду жить, когда ты улетишь далеко отъ меня — въ Америку, и твои пѣсни будутъ звучать для другихъ. Какъ будутъ долго тянуться дни ожиданія... Но нѣтъ, я не должна такъ говорить. Чудесный даръ твоихъ звон-

кихъ пѣсенъ данъ тебѣ для того, чтобы ты рождалъ чистые восторги въ сердцахъ людей. Лети, вольный пѣвецъ, въ далекія страны, чтобы всюду-всюду звучали твои чарующія пѣсни. Моя любовь должна окрылять тебя, должна рождать всегда новые радостные экстазы, а не дѣлать тебя плѣнникомъ моего эгоистическаго чувства. Вѣрь мнѣ, я ни на минуту не стану на пути твоей яркой славы. Я, — въ тишинѣ и уединеніи слагающая иныя пѣсни, — понимаю, что творчество съ его экстазами, принадлежитъ толпѣ. Все это я понимаю, дорогой мой соловей, и вѣрю, что и ты поймешь меня со всѣми моими противорѣчивыми чувствами и поможешь мнѣ найти гдѣ правда.

Въ замкѣ второй день гостятъ мужъ и жена Пуаро и мѣшаютъ мнѣ думать о тебѣ и писать тебѣ длинныя письма. Если завтра они уѣдутъ, то послѣ завтра же я прилечу къ тебѣ,о чемъ тотчасъ же сообщу телеграммой. Протягиваю къ тебѣ обѣ руки, хочу чувствовать на нихъ твои горячія милыя губы... О, какъ я хочу увидѣть тебя и подлѣ тебя забыть весь міръ

Твоя Сандра».

Вернэ дочиталъ письмо и, безъ малѣйшихъ признаковъ раздраженія, вложивъ его обратно въ конвертъ, поджегъ спичкой и бросилъ въ каминъ. Въ яркомъ свѣтѣ дня, блѣдное пламя шмыгнуло по краямъ конверта, на минуту свернуло въ трубку заалѣвшій листокъ бумаги, раздѣливъ его сложенные края и, трепетно растаявъ въ солнечномъ свѣтѣ, уронило въ золу черный скоробившійся лоскутокъ, разсыпавшійся пепломъ.

Вернэ, въ задумчивости, стоялъ нѣсколько минутъ передъ потухающимъ каминомъ, затѣмъ надавилъ кнопку электрическаго звонка.

— Распорядитесь, чтобы немедля осѣдлали коня и приготовили верховой костюмъ, — обратился онъ къ вошедшему лакею.

Черезъ полъ часа, онъ стоялъ у подъѣзда въ щегольскомъ сѣромъ верховомъ костюмѣ и желтой кожи ботфортахъ. Занеся одну ногу въ стремя, эластичнымъ движеніемъ онъ перекинулъ другую, мягко опустился въ сѣдло, собралъ поводъ, провелъ ласковой ладонью по выхоленной лоснящейся, отливавшей сталью, крутой шеѣ вороного жеребца, дотронулся шпорами до его

боковъ и, широкой грудью вбирая несшійся съ полей и рощъ вѣтеръ, выѣхалъ на шоссе.

Позднимъ вечеромъ, Мари говорила Вернэ, сидя съ нимъ въ своей комнатѣ:

— Не имѣете ли вы, Андрэ, порученій для вашей жены? Она только что вызывала меня къ телефону и просила прислать ей кое что изъ забытыхъ ею вещей. Между прочимъ она сообщаетъ, что въ концѣ недѣли Арчевскій поетъ «Тореодора» въ Опера комикъ. Могу себѣ представить, какъ онъ будетъ хорошъ.

— Вы поѣдете? — спросилъ онъ и въ ту же секунду уловилъ въ самомъ себѣ нетерпѣливую надежду услышать утвердительный отвѣтъ; онъ понялъ, что въ надеждѣ этой скрывалось тайное желаніе, чтобы Сандра, послѣ блестящаго выхода «Тореодора» передъ восторженной парижской толпой, не была бы предоставлена самой себѣ.

— Право, не знаю, — послѣ минутнаго раздумья отвѣтила Мари. — Не поѣдемте ли мы съ вами вмѣстѣ?

Всей силой желанья Вернэ хотѣлъ сказать да, но вмѣсто этого отвѣтилъ иное:

— Нѣтъ, зачѣмъ мѣнять вечеръ въ моемъ тихомъ Château d'Aiglon полномъ покоя, на шумный залъ Опера комикъ.

— Вѣроятно, я послѣдую вашему примѣру. Арчевскій будетъ имѣть столько овацій и такъ будетъ окруженъ, что, конечно, моего отсутствія не замѣтитъ.

— Разумѣется.

— Если бы для этого не надо было покидать замокъ, то я охотно послушала бы его. Я рѣдко встрѣчала такое сочетаніе музыкальности, артистичности, громаднаго темперамента и радостной безпечности къ своей славѣ, какъ у этого пѣвца. Это въ немъ очень симпатично.

Вернэ, задумавшись, молчалъ.

— Вы не согласны со мной?

— Да, безспорно, онъ очень симпатиченъ и вполнѣ достоинъ своихъ успѣховъ. Если не ошибаюсь, онъ собирается въ Америку? Это будетъ скоро, вы не знаете?

— Кажется, въ октябрѣ.

— Это скоро, — разсѣянно проговорилъ Вернэ, ду-

мая томъ, что необходимо найти возможность чѣмъ либо смягчить для Сандры горечь предстоящей разлуки.

— Помогите мнѣ, милая Мари, убѣдить Сандру проѣхать въ Италію и поѣзжайте съ ней вмѣстѣ. Для ея натуры необходима смѣна впечатлѣній и красокъ. Для васъ, я думаю, отдыхъ среди природы Италіи былъ бы тоже желателенъ.

— Если Сандра согласится, то пожалуй, поѣду и я.

— Ну, вотъ и отлично, — обрадовался Вернэ. — Когда у нея наступитъ реакція послѣ Парижскихъ выѣздовъ и увеселеній, то я напомню объ одинокой виллѣ, ожидающей ея пріѣзда.

— Врядъ ли реакція такъ близка. Мнѣ кажется, что въ данный моментъ Сандра находится въ одномъ изъ своихъ бурныхъ настроеній выѣзжать и веселиться.

— Неужели ей извѣстно?.. — стремительно пронеслось въ головѣ Вернэ.

— Очевидно, пока не окончатся бенефисы Арчевскаго, она не разстанется съ Парижемъ, — съ полнымъ наружнымъ спокойствіемъ проговорилъ онъ, желая по отвѣту Мари узнать ея мысли.

— Я тоже думаю. Ее плѣнила артистичность этого пѣвца, и она не захочетъ пропустить ни одного его выступленія.

— Не знаетъ... — съ облегченіемъ подумалъ Вернэ.

— Направлять человѣка въ его стремленіи къ счастью мы властны, но творить жизнь — не въ нашей власти. Это праздная мечта, которую ежеминутно смахиваетъ великая, непонятная намъ въ моментъ своего теченія, логика жизни. Оберегать и помогать — въ моей власти, создавать жизнь — во власти создавшаго ее... — думалъ Вернэ.

Онъ не слышалъ тихаго шелеста страницъ, переворачиваемыхъ рукой Мари, не слышалъ какъ частыя капли осенняго дождя струились по громадному зеркальному стеклу, какъ билась о него, оголяемая холоднымъ вѣтромъ, вѣтка березы.

Мари нѣсколько разъ отрывала взглядъ отъ журнала и останавливала его на строгомъ, застывшемъ профилѣ Вернэ. Она чувствовала, что въ немъ происходитъ сложная работа мысли. Перелиставъ послѣднюю страницу, она безшумно отложила журналъ на край стола, сложила на колѣняхъ руки, откинула голову и закрыла

глаза. Въ ту же минуту, въ воображенiи прозвучали одинъ за другимъ, аккорды, вплелись звуки мелодiи. Жизнь отодвинулась, утонула въ глубинахъ сложныхъ, то яркихъ то тихихъ созвучiй.

За окномъ шумѣлъ вѣтеръ, струились холодныя капли дождя и гибкая вѣтвь березы жалобно билась о стекло окна.

XI

— Мой милый, я поѣду домой, — говорила Сандра, въ то время, какъ часы пробили девять.

— Раньше двѣнадцати я все равно не лягу. Голосъ звучитъ у меня отлично и если бы я легъ даже и въ два, то успѣхъ завтрашней оперы отъ этого не пострадаетъ: я не рабъ моего голоса.

— Я знаю это, и все таки думаю, что тебѣ нуженъ сейчасъ покой.

— Мой покой только подлѣ тебя. — Арчевскiй бросилъ на коверъ большую плюшевую подушку, опустился на нее и прижался лицомъ къ ея колѣнямъ. Ласковой рукой она проводила по его волосамъ, осторожно перебирала ихъ и глядѣла прямо передъ собой задумчивымъ, будто углубленнымъ въ себя, взглядомъ.

— О чемъ ты задумалась? — прервалъ онъ долгое молчанiе.

— О томъ, о чемъ скажу тебѣ завтра.

На слѣдующiй день она встала поздно, быстро одѣлась и только что успѣла по телефону переброситься нѣсколькими словами съ Арчевскимъ, какъ безъ доклада вошла Берта.

— Навѣрное вы говорите съ мосье Арчевскимъ. Да, я отгадала?

Онъ упрямъ и настойчивъ въ нежеланiи обращать на меня вниманiе. Я такъ же настойчива и упряма. Конечно, вы согласны со мной, что мосье Арчевскiй самый интересный человѣкъ этого сезона. Это изъ ряду выдающiйся пѣвецъ и charmeur. Вы не находите?

— Да, я согласна съ вами. — На лицѣ Сандры выступила краска смущенiя.

— Если онъ увлекается кѣмъ нибудь другимъ, тѣмъ хуже для него, потому что я не успокоюсь, пока не добьюсь своего. Арчевскій — это мой самый сильный капризъ.

— Нельзя же заставить.

— Можно добиться.

Берта закурила папироску и лукаво посмотрѣла на Сандру:

— Если женщина чего нибудь сильно хочетъ, то конечно, добиться можетъ. Могу васъ увѣрить, что это не слова.

При взглядѣ на самоувѣренную пріятельницу, въ небрежно-граціозной позѣ, выпускавшей изъ алаго влажнаго рта сизыя, теплыя колечки, Сандра почувствовала тѣнь легкаго безпокойства, но въ ту же секунду увидѣла въ зеркалѣ свой отраженный силуэтъ, съ золотистой волной вокругъ чистаго лба, съ чудесными голубыми глазами подъ тонкой дугой раскидистыхъ бровей; мгновенно вспомнила то громадное торжественно-радостное, что она скажетъ вечеромъ любимому ею человѣку, и сразу тѣнь безпокойства смѣнилась полной увѣренностью.

— Такъ какъ въ этомъ вопросѣ замѣшаны двѣ воли, то, я думаю, результаты успѣха или не успѣха зависятъ отъ того чья воля сильнѣе, — проговорила она.

— Я утверждаю, что воля женщины всегда оказывается сильнѣе.

— Попробуйте.

— Я не пробую, милочка моя, я иду навѣрняка. Весь вопросъ только во времени. Теперь о другомъ: у васъ есть въ ложѣ мѣсто для меня? Мосье Арчевскій не изволилъ заблаговременно позаботиться о своихъ друзьяхъ, и, оказывается, болѣе нѣтъ ни одного свободнаго мѣста.

— Пожалуйста, моя ложа къ вашимъ услугамъ, — отвѣтила Сандра, подавляя досадное чувство, что ей не удастся быть въ ложѣ одной.

— Чудесно! — Берта вскочила, затушила папироску и выбѣжала, опустивъ вуалетку на смѣющееся лицо.

Сандра, въ томъ же туалетѣ, въ которомъ была на концертѣ въ вечеръ первой встрѣчи съ Арчевскимъ, съ такимъ же букетомъ алыхъ розъ, входила въ свою ложу въ ту минуту, когда былъ уже притушенъ свѣтъ.

Въ теплой, полутемной, пахнувшей духами атмосфе-

рѣ театра, ярусы ложъ сливались слабо освѣщенными алѣющими пятнами. Розовато-блѣдными мазками выдѣлялись очертанія обнаженныхъ плечъ и рукъ. Театръ былъ переполненъ. Чувствовалась приподнятость общаго настроенія въ нетерпѣливомъ ожиданіи выхода Арчевскаго.

Берта пріѣхала въ концѣ второго акта. Она была притягательна въ узкомъ, сильно открывавшемъ ея плечи и спину туалетѣ, съ великолѣпнымъ брилліантовымъ аграфомъ на черныхъ гладко причесанныхъ волосахъ. Во время антрактовъ она, блестя маленькими зубами, улыбалась, кивала направо и налѣво,бросая дразнящіе вызывающіе взгляды.

Въ ложу Сандры входили и выходили элегантные, въ безупречныхъ смокингахъ, мужчины, стремились привлечь ея вниманіе, вызвать улыбку. Русская красавица была центромъ сокровенныхъ желаній блестящаго круга мужчинъ, и каждый выжидалъ счастливаго момента, когда ея супружескія чувства поблекнутъ, и она обратитъ ласковое вниманіе на одного изъ нихъ.

Она слушала, горячимъ шопотомъ бросаемые ей на ухо, среди разговоровъ, — слова, видѣла ласкавшіе ее взгляды, протягивала для поцѣлуевъ унизанные кольцами пальцы, отвѣчала на улыбки, но мысли ея были за рампой. Ей казалось, что передъ ней проходитъ синематографическая лента, ничего общаго съ ея настоящей жизнью не имѣющая. Она улавливала нескромныя рѣчи Берты, обращенныя то къ одному, то къ другому изъ посѣтителей ложи и жалѣла, что вся эта легкомысленно, нервно взвинченная атмосфера нарушала стройность ея переживаній.

Когда въ третьемъ актѣ на сцену вышелъ «Тореодоръ», по всѣмъ ложамъ и кресламъ пронеслось сдержанное «браво, браво»... Первыя ярко прозвучавшія ноты убѣдили Сандру, что голосъ въ полной власти пѣвца; по мимолетной, скользнувшей въ ея сторону улыбкѣ она поняла, что онъ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ.

Послѣ четвертаго антракта, публика, съ нароставшимъ волненіемъ, ожидала выхода «Тореодора». Увѣренной эластичной походкой, онъ вышелъ на сцену въ роскошномъ шитомъ золотомъ костюмѣ. Пластичнымъ широкимъ жестомъ закинулъ на плечо конецъ плаща и съ такимъ блестящимъ подъемомъ исполнилъ свою

арію, что весь театръ при послѣднихъ умолкнувшихъ звукахъ, наполнился несмолкаемыми апплодисментами и восторженными «браво!» Его заставили трижды повторить арію. Арчевскій раскланивался, благодарилъ, очаровывалъ толпу благородствомъ манеръ и прекрасной внѣшностью. На сцену несли и несли безъ конца громадныя корзины и букеты цвѣтовъ.

Сандра поспѣшила къ ожидавшему ее автомобилю, быстро примчавшему ее домой.

Перебирая по паркету быстрыми легкими ногами, шурша шелкомъ узкаго трэна, охваченная яркимъ, неудержимымъ чувствомъ счастливой любви, она пробѣжала въ гостинную.

Въ этой комнатѣ, подъ звуки рапсодіи Листа, она выслушала первое пылкое признаніе пѣвца. Черезъ нѣсколько минутъ до слуха донесся звукъ подъѣхавшаго «такси». Быстрые шаги несли радость свиданія.

Арчевскій стремительно кинулся къ ней. Она обвила его шею руками.

— Юрій, я буду матерью твоего ребенка.

Громадная волна неизмѣримаго счастья залила все существо Арчевскаго. Онъ опустился передъ ней на колѣни и тихими благоговѣйными поцѣлуями сталъ покрывать ея руки.

Когда онъ поднялся, глаза его были влажны. Обнявъ ея станъ, какъ нѣчто хрупкое и драгоцѣнное, онъ повелъ ее къ дивану, на которомъ она сидѣла, когда подъ звуки рапсодіи онъ повѣдалъ ей о своей любви.

XII

Глубокая осень, съ холодными порывами вѣтра и дождями, опустошила чудесный паркъ, оголила густыя аллеи, покрыла сѣрой рябью большое озеро, на которомъ былъ снятъ плотъ и убрана бѣлая нарядная лодка. Величественнѣе и строже обрисовывалась на возвышенномъ холмѣ, среди оголенныхъ рощъ и полей, старинная архитектура замка.

Было далеко за полночь. Въ нижнемъ этежѣ сквозь щель спущенной драпировки пробивалась въ темноту парка полоса свѣта изъ комнаты Сандры. Два откры-

тыхъ сундука были наполовину уложены. Свѣтъ, падавшій съ потолка, выдѣлялъ пестрыми бликами разбросанныя на коврѣ, на диванахъ и столахъ шелковыя всевозможныхъ цвѣтовъ одежды, затѣйливые шарфы съ бахромой, каскады кружевъ на тонкомъ батистѣ бѣлья и мягкій, золотомъ тесненый сафьянъ любимыхъ, разбросанныхъ по ковру, книгъ. На голубой шелковый, тканый розовыми цвѣтами капотъ, падали распущенные длинные волоса.

Сандра, сидя на коврѣ среди раскиданныхъ вещей, съ поблѣднѣвшимъ осунувшимся лицомъ, перебирала и перечитывала исписанные листки, хранившіеся въ стоявшей на ея колѣняхъ раскрытой шкатулкѣ. Выскальзывалъ засушенный цвѣтокъ или лепестки розъ. Она благоговѣйно прижимала къ губамъ эти выцвѣтшія, полныя дорогихъ воспоминаній реликвіи сердца. Она закрыла шкатулку висѣвшимъ на шейной цѣпочкѣ ключикомъ, отставила ее и, опустивъ голову на ладони, глубоко задумалась. Голова ея склонялась все ниже и ниже. Подъ тяжестью горькихъ мыслей она вся согнулась. Между сжатыхъ пальцевъ просочилась слеза, потомъ другая, безшумно скатясь на блѣдно-голубой шелкъ.

Сандра оторвала ладони отъ лица, закинула голову такъ, что концы волосъ разсыпались по узору ковра и тяжело вздохнула, будто простнала. Слезы медленно, безостановочно текли и текли по ея щекамъ. Напряженная работа мыслей сдвинула, строгой складкой, раскидистую линію темныхъ бровей.

Наконецъ, она очнулась, поднялась на ноги.

— Нѣтъ, я не могу такъ уѣхать... я должна сказать ему сейчасъ же... сію минуту.

Она вытерла мокрое отъ слезъ лицо и вышла изъ комнаты. Въ концѣ корридора горѣлъ голубоватымъ свѣтомъ электрическій ночникъ. Весь замокъ былъ погруженъ въ глубокую ночную тишину. Безшумно ступая по ковру, она прошла корридоръ, поднялась по лѣстницѣ и, въ полумракѣ такого же голубоватого ночника, прошла къ спальнѣ мужа. Она осторожно нажала бронзовую ручку. Дверь безшумно открылась. Спальня была пуста. Изъ полуоткрытой двери кабинета падала слабая полоса неяснаго свѣта. Она вошла въ кабинетъ.

— Дитя мое, это ты? — Вернэ сидѣлъ въ глубокомъ Вольтеровскомъ креслѣ передъ горящимъ каминомъ. Комната тонула въ полумракѣ, слабо озаренная алымъ свѣтомъ, перебѣгающаго по полѣньямъ и брикетамъ, пламени. Исполинская тѣнь протянулась колеблющимся, какъ сажа — чернымъ, пятномъ по ковру, по стѣнѣ и потолку.

Сандра подошал къ креслу, и, положивъ руку на его высокую спинку, устремила взглядъ въ алѣвшій пламенемъ каминъ. То, что нѣсколько минутъ тому назадъ ей казалось такъ просто высказать, теперь застыло на устахъ: она не находила словъ.

Вернэ сидѣлъ съ неподвижно-строгимъ лицомъ, съ глазами устремленными на перебѣгающій, то пламенѣющій, то подернутый синевой — огонь.

— Андрэ, милый, что съ тобой? — послѣ продолжительнаго молчанія спросила Сандра, перекладывая руку со спинки кресла на плечо мужа.

Онъ снялъ ея руку со своего плеча, притянулъ къ себѣ и зажалъ въ своей большой, теплой рукѣ. Сандру мгновенно охватило привычное при его прикосновеніи чувство, что въ этой большой, теплой, всегда ласковой рукѣ вся сила, вся бодрость, вся опора ея жизни. Она опустилась на рядомъ стоявшій стулъ и оперлась головой о его плечо.

— Андрэ, я завтра уѣзжаю.

— Да, дитя мое, это очень хорошо для тебя: ты слишкомъ много выѣзжала, имѣла слишкомъ много однородныхъ впечатлѣній. Тебѣ нужны новыя, болѣе красочныя и болѣе тонкія переживанія. Среди природы Италіи ты найдешь ихъ. Я правъ?

— Да, Андрэ, — тихо прозвучалъ отвѣтъ.

Опять наступило долгое молчаніе. Слышно было какъ вѣтеръ гулялъ по мокрымъ и темнымъ аллеямъ парка, трепалъ и гнулъ оголенныя верхушки деревьевъ и бился о высокія темныя окна кабинета.

— Грустно мнѣ уѣзжать, — вздохнула Сандра. Въ ту же секунду въ ея воображеніи воскресла сцена ея послѣдняго свиданія съ Арчевскимъ, когда онъ, въ дорожномъ костюмѣ, блѣдный, съ глазами полными тоски и муки, съ подергиваніемъ одной брови, — что было признакомъ сильнаго нервнаго напряженія, заѣхалъ къ ней вечеромъ до отхода поѣзда. Безъ словъ, упавъ передъ

ней на колѣни, онъ разрыдался, прижавъ къ груди ея руки. У него было странное, непохожее на всегдашнее, лицо.

— Юрій, ради Бога, что съ тобой? — испугалась она.

— Я не могу уѣхать. Мнѣ страшно, что въ разлукѣ ты разлюбишь меня.

— Господь съ тобой! Ты долженъ ѣхать... Вѣдь контрактъ... тебя ждутъ... твоя слава...

— Ты, ты одна. Весь міръ отдаю за тебя.

— Нельзя же порывать контрактъ! успокойся, прійди въ себя.

— Какой тамъ, къ чорту, контрактъ, когда я говорю тебѣ, что весь міръ отдаю за тебя, — воскликнулъ Арчевскій.

Бѣжали часы, казавшіеся минутами. Вся жизнь отхлынула, какъ морскія волны въ часы отлива. Арчевскій, судорожно прижимая къ себѣ Сандру, въ безумномъ порывѣ сжигающей страсти, заставлялъ ее безконечное число разъ повторять клятвы и слова любви.

Звонилъ встревоженный телефонъ. Онъ кратко отвѣчалъ, что внезапно захворалъ и просилъ оставить его въ покоѣ. Его нервное настроеніе наростало. Онъ не хотѣлъ ни на секунду оставить Сандру безъ себя. Онъ умолялъ ее позволить ему переговорить съ Вернэ, чтобы увезти ее съ собой въ Америку. Посѣ долгихъ уговоровъ, Сандрѣ удалось успокоить его, убѣдивъ, что Вернэ ни въ какомъ случаѣ не стоитъ на ея пути, что она свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, но не пришелъ еще тотъ часъ, когда она, почувствовавъ въ себѣ достаточно силы, уйдетъ отъ мужа, любовь къ которому ничего общаго не имѣетъ съ пылкой любовью, сжигающей ея сердце.

Арчевскій то успокаивался, то снова приходилъ въ отчаяніе. Такъ прошло три дня. Наконецъ, ему удалось взять себя въ руки.

Онъ уѣхалъ въ состояніи сильнѣйшаго нервнаго возбужденія.

...«Для меня ясно, что или ты пріѣдешь ко мнѣ, или я вернусь», — повторялъ онъ въ полныхъ безудержной любви и страсти, письмахъ.

Съ той минута какъ онъ уѣхалъ, ее охватило состоя-

ніе такого одиночества и пустоты, что она поспѣшила въ замокъ.

Вернэ, безошибочно съ перваго же взгляда, прочиталъ на лицѣ жены затаенную драму ея сердца. Силой воли, излучавшейся изъ его глазъ, переливавшейся изъ каждаго его слова, онъ умиротворялъ бурю ея страданій. Она чувствовала, какъ отъ его существа шли токи благотворнаго покоя, убаюкивающія ея тоску. Она забиралась къ нему въ кабинетъ и, съ книгой или работой, тихо сидѣла, думая, думая безъ конца о томъ, кто съ каждымъ часомъ удалялся все дальше и дальше и о томъ, кто былъ подлѣ нея. Одинъ изъ нихъ — съ порывистой, страстной душой, съ ореоломъ блестящей славы, любимецъ толпы, способный на безумные поступки подъ импульсомъ неудержимой фантазіи и страстной любви; другой — съ бездонной, какъ океанъ, всеобъемлющей душой, съ мудростью глубокихъ знаній природы, жизни и души человѣка, со стальной волей, идущій надъ толпой по путямъ недоступнымъ ей. Прижимая къ своей груди медальонъ съ портретомъ Юрія, она подолгу останавливала взглядъ на мужѣ, и не могла отвѣтить себѣ, который изъ нихъ былъ для нея дороже. Она охотно согласилась уѣхать въ Италію и была благодарна мужу за это предложеніе, такъ какъ чувствовала, что, при существующемъ въ ея душѣ разладѣ, ей необходимъ покой въ новой рамкѣ, среди природы и ея убаюкивающей красоты. Когда насталъ канунъ отъѣзда, нахлынула тоска отъ сознанія, что уѣхавъ она унесетъ отъ друга-мужа тайну своего материнства. Она не находила въ себѣ силы, повѣдать о ней мужу, ибо въ исповѣди ея должна была таиться ложь, какъ признакъ трусливой, мелкой, фальшивой натуры, и въ тоже время не находила въ себѣ мужества сказать все до конца. Только въ молитвѣ она находила успокоеніе и надежду найти вѣрный и прямой путь.

Пламя въ каминѣ, трепеща, перебѣгало по заалѣвшимъ прозрачно-розовымъ угольямъ. Сандра разсѣянно слѣдила за его порхающими языками въ то время, какъ картины недавно минувшаго, съ образомъ любимаго отсутствующаго человѣка, проносились въ ея мозгу. Она тяжело вздохнула. Вернэ перехватилъ этотъ вздохъ пожатіемъ руки. Съ точностью ясновидящаго онъ читалъ ея мысли.

Она порывисто охватила его шею, плотнѣе прижалась къ его плечу.

— Андрэ... Андрэ!..

— Я слушаю тебя.

— Андрэ, я до сихъ поръ еще не сказала тебѣ... объ одной большой радости... я буду... буду матерью.

Громадная волна перекатилась изъ груди и залила мозгъ и сердце Вернэ. Онъ почувствовалъ какъ бы сильный толчокъ, затемнившій на секунду ясность мысли. Но тотчасъ же онъ справился съ собой.

— Я счастливъ за тебя, мое дитя дорогое. Вѣдь ты этого такъ сильно желала.

Передъ глазами его, затемняя пламя камина, всталъ образъ Арчевскаго. Андрей съ трудомъ перевелъ дыханіе. Его давила тяжесть, которую онъ презиралъ, которую, усиліемъ воли, хотѣлъ отбросить.

— Развѣ случилось что то новое? Развѣ я не отгадывалъ этого раньше, чѣмъ были произнесены слова? Развѣ я противился этому, желая для нея счастья? — спрашивалъ онъ себя, силясь вернуть обычный покой и равновѣсіе души и мысли.

— Андрэ... — тихо начала Сандра.

— Тѣмъ болѣе я радъ, что ты ѣдешь отдохнуть, — перебилъ онъ ее.

— Послушай... — не владѣя собой опять начала она. — Я хочу еще сказать тебѣ...

— Знаю, дитя мое, все знаю. Знаю, что ты счастлива, что сердце твое полно, что начинается для тебя новая жизнь, — сжимая ея руку и слегка повышая голосъ, опять перебилъ онъ ее.

— Кромѣ этого я хочу сказать тебѣ... — какъ бы простонала она, хватая его руку. Онъ опять не далъ ей договорить. Онъ взялъ ея голову, повернулъ ея лицо къ себѣ и, пристально глядя въ ея глаза, выражавшіе муку, произнесъ медленно и многозначительно:

— Ты хотѣла имѣть ребенка, ты стремилась къ этому счастью. Оно дано тебѣ. Будь счастлива вполнѣ. Не надо больше словъ, моя Сандра. Иди къ своему счастью. Сейчасъ для тебя самое важное — покой. Береги себя ради счастія дитяти. Передъ тобой еще длинный путь. Въ тяжелыя и трудныя для тебя минуты — я буду съ тобою. А теперь, иди спать. Уже очень поздно. Тебѣ надо отдохнуть.

Онъ поцѣловалъ ея глаза и лобъ и поднялся съ кресла:

— Ну вотъ, мы оба спокойны и счастливы. Не правда ли? — усталая улыбка чуть тронула его губы.

XIII

На берегу Средиземнаго моря между Рапалло и похожимъ на изумрудную сказку Порто-Фино, среди розъ, густыхъ кустовъ камелій и неподвижныхъ, тянущихся къ небу, темныхъ кипарисовъ, стояла бѣлая, выложенная мраморомъ, вилла.

Ея полукруглая колонада и широкія отлогія ступени съ гигантскими, по обѣимъ сторонамъ, вазами, отражалась въ безконечно смѣняющихся голубовато зеленыхъ глубинахъ, вѣчно плещущаго о прибрежныя скалы, моря. Безконечной далью синѣло оно, возвращая небесамъ нѣжно-розовыя утреннія зори, пурпурно-алыя вечернія, мирріады звѣздъ и голубую улыбку мѣсяца на гребнѣ рокочущихъ упругихъ волнъ, подъ пьяными ароматами ночи, туманящими мозгъ и сладко тревожащими душу и сердце.

На полукруглой терассѣ, съ рядомъ колонъ, обвитыхъ, какъ дѣвственной лаской, густо разросшимися, влажно пахнущими ползучими розами, сидѣла въ креслѣ Сандра. Передъ ней стоялъ букетъ любимыхъ алыхъ розъ; ароматъ ихъ смѣшивался съ соленымъ запахомъ моря, плещущаго зелено-голубой волной на мраморныя ступени. Сіяніе небесъ, воздуха, пронизаннаго золотой пылью горячихъ лучей и блескъ синѣющей водной глади, вздымающейся равномѣрными вздохами, перламутрово-матовые переливы горной гряды, какъ мощный аккордъ, брошенный Божественной рукой, заполняли радостью бытія небеса, землю, воды, сердце, душу и всѣ помыслы человѣка. Казалось, что печали и скорби человѣческой души должны, какъ тающія пылинки, потонуть и затеряться во всепоглощающей, зовущей къ счастью бытія, природѣ.

Казалось бы, такъ просто, потонувъ взглядомъ въ

безконечныхъ эфирахъ выси и, претворивъ въ себѣ окружающую неизмѣнную красоту природы, — эту вѣчную гармонію порядка, покоя и возрожденія, — отойти отъ ничтожно уродливыхъ, пошло-мелкихъ тревогъ земли.

Но душа человѣка, опутанная тенетами цѣпкихъ убогихъ мыслей, затуманенныхъ земной копотью, утеряла сознаніе своихъ крыльевъ и бьется какъ подстрѣленная птица, тщетно силясь подняться надъ убогой землей, гдѣ царствуетъ тьма и хаосъ и величайшая всепоглощающая жизненная ложь. Ослѣпли очи человѣка: не видитъ онъ покоя неба — этой души вселенной. Онъ агонизируетъ въ страданіяхъ, созданныхъ собственной слѣпотой и пошлостью.

На столѣ, подлѣ вазы съ цвѣтами, лежала раскрытая книга; на колѣняхъ въ опущенныхъ рукахъ Сандры чуть шевелились отъ налетавшаго вѣтра листки, только что прочитаннаго письма, полученнаго изъ Нью-Іорка. Въ синихъ жилкахъ, проступавшихъ на нѣжной кожѣ висковъ, сильнѣе пульсировала кровь, едва замѣтно вздрагивали тонкія ноздри, и сердце, подъ каскадомъ бѣлыхъ кружевъ широкаго пенюара, учащенно отбивало удары. Какъ синее моря — синіе глаза, подернутые влагой, въ задумчивости были устремлены на покачивающуюся у береговъ лодку, гдѣ загорѣлый бронзово- коричневый полу-голый мальчикъ, лѣнивый и счастливый, сидя на краю лодки, болталъ опущенными въ море ногами, любовался радугой брызгъ и мурлыкалъ родную Неаполитанскую канцонетту. Пропитанный соленой влагой моря, пахнувшій какъ и оно солено-устричнымъ запахомъ, онъ цѣлыми днями сидѣлъ на краю лодки и пѣлъ пѣсни или же барахтался въ морѣ.

Сандра безотчетно слѣдила за набѣгавшими подъ лодку тихими волнами, за радужной игрой брызгъ, взбрасываемыхъ упругими бронзово-коричневыми ногами, любовно всматривалась въ голубое сіяніе моря и небесъ и въ тоже время вся была поглощена тѣмъ, что творилось въ ея сердцѣ, на которое набѣгали волны мыслей.

Прошло почти полъ года съ тѣхъ поръ, какъ она покинула свой замокъ. Ея мужъ — вѣрный заботливый другъ — два раза пріѣзжалъ навѣстить ее.

Не смотря на просьбы жены, пребыванія его были

кратковременны, и онъ уѣзжалъ обратно, оставляя за собой атмосферу уравновѣшеннаго свѣтлаго покоя, душевной бодрости и нѣжной дружбы.

Глубокое знаніе человѣческой души и любовь, основанная на состраданіи, диктовали ему необходимость предоставить Сандру, съ ея сложными душевными переживаніями, самой себѣ. Онъ зналъ, что Мари, съ ея уравновѣшенной натурой, окутаетъ успокоительной лаской душу его жены въ моментъ ея смятенія. Онъ хотѣлъ, чтобы стрѣлка компаса ея жизненнаго пути направлялась бы свободнымъ движеніемъ, безъ тѣни его вліянія. Покидая мраморную виллу, отражавшуюся въ волнахъ Средиземнаго моря, онъ уносилъ въ сердцѣ и памяти нѣжный обликъ съ синими и глубокими, какъ море, глазами, обращенными къ нему съ затаенной грустью невысказанной до конца тайны ея материнства. Онъ зналъ эту тайну, но мудро проходилъ мимо для ея же блага, для полной свободы въ выборѣ дальнѣйшаго жизненнаго пути.

Пріѣзды мужа усиливали мучительную раздвоенность чувствъ Сандры. Душа ея металась и страдала. А между тѣмъ, изъ за далекихъ водъ океана непрестанно прилетали листки почтовой бумаги, исписанные четкимъ сжатымъ почеркомъ, и, читая ихъ, сердце отбивало учащенные тревожные удары. Мысли, какъ опавшіе листья, подхватывались вихремъ, стремительнымъ порывомъ перелетали черезъ океанъ, отыскивая, въ шумномъ муравейникѣ интернаціональнаго отеля, любимаго человѣка.

Если она запаздывала съ отвѣтомъ, изъ за океана прилетали тревожныя телеграммы, требовавшія немедленнаго отвѣта.

...«Ни на секунду не забывай, что я живу въ ежеминутной тревогѣ за тебя и за него. Никакіе восторги успѣховъ не въ силахъ отвлечь меня отъ мысли о васъ обоихъ. Я живу только нашимъ прошлымъ и ожиданіемъ будущаго. Я знаю, что разстояніе, раздѣляющее насъ, быть можетъ, способствуетъ наростанію въ тебѣ тѣхъ сомнѣній, которыя всегда приносили мнѣ столько страданія; но, Сандра, моя русалка, моя святыня, моя единственная красота, что бы ты не думала, что бы ни рѣшала, помни, что ты мать моего дитяти, единственнаго твоего дитяти, и что никакія силы не окажутся сильнѣе моей любви, моего права открыто назвать тебя

моей, какъ только я вырвусь изъ клещей этого Вавилона»...

Въ этихъ строкахъ, только что полученнаго письма, Сандра читала непреклонную волю любви, не вѣдающую иныхъ законовъ, кромѣ закона собственнаго сердца.

Передъ ней на горизонтѣ голубѣла въ перламутровой дымкѣ отдаленная гряда горъ, сверкало голубымъ сіяніемъ равномѣрно дышащее лоно глубокихъ водъ, таяла на широкихъ ступеняхъ терассы бѣлая, приносимая рокочущей волной, пѣна, и беззаботный, полу-голый, отливающій на солнцѣ бронзой, мальчикъ болталъ ногами въ водѣ, вскидывая радужныя брызги въ голубомъ воздушномъ сіяніи. Все это она видѣла, и въ тоже время все это заслонялось двумя неотступно стоящими передъ ней образами: Юрія Арчевскаго, съ подвижными, быстро мѣняющимися чертами лица, горячимъ, пламеннымъ взглядомъ, страстной линіей ярко очерченнаго рта, и рядомъ съ нимъ — до безстрастности спокойный, орлиный профиль Вернэ, съ слегка выдвинутымъ, свидѣтельствующимъ о громадной волѣ, — подбородкомъ, строго и успокоительно глядящими глазами, съ четкой линіей сомкнутаго рта.

Сандра вздохнула, отложила письмо на столъ рядомъ съ раскрытой книгой и, устало, отвалилась на подложенную подъ спину подушку. Она хотѣла сложить руки на колѣняхъ, но уже замѣтная приподнятость живота дѣлала неудобной эту привычную позу. Облокотивъ обѣ руки на ручки кресла, она сплела пальцы ниже груди. Въ ту же минуту, подъ кружевными воланами, она почувствовала таинственное движеніе. Закрывъ глаза, она сосредоточенно и благоговѣйно прислушивалась къ тому, что творилось подъ ея ладонью: осторожно и нѣжно кольнуло что то округлое, похожее на колѣнце или локотокъ. Радостная волна крови медленно разлилась по всему существу Сандры.

— Милый... крошечка мой... — съ благоговѣйной лаской прошептала она. Выплыла мысль о невѣдомыхъ, туманно отгадываемыхъ неизбѣжныхъ страданіяхъ во имя жизни того, кто осторожными, медленными толчками напоминалъ о себѣ, и во имя любви къ тому, кто въ наслажденіяхъ и великихъ радостяхъ обладанія предуготовилъ эти, ожидаемыя съ трепетомъ и покорностью, страданія. Въ таинственномъ процессѣ материнства вы-

являлась не менѣе таинственная сложность женскаго существа, покорно отдающаго себя во власть мучительнаго акта дѣторожденія.

Съ тѣхъ поръ какъ Сандра почувствовала свою беременность и еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ дитя начало подавать признаки жизни, ея духовное существо начало видоизмѣняться: неся въ себѣ глубокую и чудесную тайну зарожденія новой жизни, она испытывала потребность замкнуться, отгородиться отъ людей, чтобы не нарушать тончайшей, ни для кого не видимой, не улавливаемой гармоніи между ею самой и тѣмъ, нѣжно любимымъ напоминающимъ о себѣ, существомъ, замкнутомъ внутри ее, питаемомъ всѣми соками ея тѣла, живое лишь потому, что жива она.

Ея тонкая рука, незамѣтно для окружающихъ, безпрестанно покоилась подъ грудью въ широкихъ складкахъ шелка и въ волнахъ кружевъ. Въ этомъ жестѣ уже сказывалась оберегающая ласка матери.

Съ момента перваго движенія дитяти, наполнившаго существо матери нѣжностью и молитвенной радостью, образъ Арчевскаго какъ бы стремился вытѣснить образъ мужа. Все, что было связано съ мыслью о дитяти, неминуемо связывалось съ тѣмъ, кто былъ его отцомъ, кто посылалъ изъ за океана листки, исписанныя нервной, пылкой рукой, кто въ каждомъ письмѣ посылалъ благословеніе матери и дитяти, чья радость, въ ожиданіи его появленія на свѣтъ, сквозила въ каждой строкѣ.

— Онъ любитъ, тоскуетъ и боится... — думала Сандра, послѣ только что прочитанаго письма, гдѣ Юрій Арчевскій, съ трогательной нѣжностью, выражалъ скорбь о томъ, что его нѣтъ подлѣ нея.

...«Ты пишешь, что у тебя опухли ножки, что ты уже не можешь нагибаться, что тебѣ трудно подымать руки. Зачѣмъ, зачѣмъ меня нѣтъ подлѣ тебя?! Я бы нѣжно гладилъ эти милыя, маленькія опухшія ножки — мои ножки; стоя благоговѣйно передъ ними на колѣняхъ, я снималъ бы или надѣвалъ на нихъ туфли; осторожно, какъ нянька, ходилъ бы за тобой, берегъ бы васъ обоихъ. Но ты далеко. Насъ раздѣляетъ безбрежное пространство водъ, до тебя долетаютъ только маленькіе блѣдные листки... Здѣсь говорятъ и пишутъ, что я пою какъ богъ; въ Парижѣ говорили тоже, но тамъ пѣлъ богъ опьяненный волшебствомъ восторговъ любви,

здѣсь же поетъ богъ скорбящій въ разлукѣ. Сандра, моя Сандра, протягиваю къ тебѣ руки... Я весь твой до тайныхъ глубинъ моего я».

— Еще два мѣсяца, и «онъ» появится на свѣтъ, продолжала думать Сандра. — Въ часъ «его рожденія, кто пошлетъ Юрію радостную вѣсть? Мари?! Конечно она все понимаетъ. Да, только Мари. Ея деликатная натура не ищетъ вопросовъ и отвѣтовъ. Ея дружба сохранитъ тайну. А что же дальше будетъ, когда онъ пріѣдетъ? Мое дитя — его дитя...

Опять всталъ образъ мужа. Въ памяти воскресли сказанныя имъ наканунѣ ея отъѣзда слова, когда ночью, со смятенной душой, она вошла къ нему въ кабинетъ и, передъ догоравшимъ каминомъ, готова была выдать тайну своего материнства.

...«Иди къ своему счастью... въ минуты колебанія и сомнѣній я буду подлѣ тебя»... Она помнитъ какъ бы гипнотизирующій взглядъ, заставившій ее умолкнуть и, въ тоже время, укрѣпившій въ ея сознаніи вѣру въ то, что въ трагическій моментъ онъ протянетъ ей руку. Въ письмахъ, получаемыхъ отъ него, короткихъ и ласковыхъ, чувствовалась огромная заботливость о ея душевномъ состояніи. Въ нихъ она находила слова, отвѣчавшія на сомнѣнія, которыя онъ какъ будто бы читалъ издалека. Слова эти, брошенныя вскользь, поддерживали въ ней сознаніе, что онъ останется, что бы не произошло, ея неизмѣннымъ другомъ и руководителемъ.

Черезъ открытую, за спиной, дверь послышались быстрые шаги Мари. Она вошла на террасу. Вся въ бѣломъ, простомъ туалетѣ, неуловимо подчеркивавшемъ ея артистичность, съ зеленымъ зонтикомъ на плечѣ, какъ бы помолодѣвшая, отражавшая въ себѣ сіяющую прелесть природы, она подошла къ креслу Сандры и положила ей на плечо руку. Отъ нея потянуло тонкимъ запахомъ фіалки.

— Какъ вы чувствуете себя сегодня? Вчера у васъ былъ очень утомленный видъ.

— Сегодня я совсѣмъ бодра.

Я только что получила письмо отъ Арчевскаго, — проговорила она, первый разъ произнося его имя въ присутствіи Мари съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ.

— Что жъ онъ пишетъ? — Мари подошла къ столу,

и, перебирая стоявшіе въ вазѣ розы, выбрала одну изъ нихъ и стала сосредоточенно прикалывать ее къ поясу.

— Жалѣетъ, что его нѣтъ здѣсь съ нами.

— О, я могу себѣ представить! — улыбнулась Мари. — Онъ былъ бы незамѣнимымъ кавалеромъ въ нашемъ маленькомъ монастырѣ съ двумя монашками. Когда будете писать ему, поклонитесь отъ меня.

Арчевскій настоящій большой талантъ. Въ немъ горитъ огонь творчества. Я люблю его за то, что онъ поглощаетъ и отражаетъ красоту съ благоговѣніемъ и простотой, доступной избраннымъ.

Сандра подняла на Мари изумленные глаза:

— Я не предполагала, что вы такого о немъ высокаго мнѣнія. Вы никогда этого не высказывали, милая Мари.

— О, да. Личность Арчевскаго я ставлю очень высоко какъ и его талантъ. У него пламенная и благородная душа.

Въ сердцѣ Сандры дрогнули радостныя благородныя струны.

— Я изумляюсь вашей проницательности: вы такъ мало говорили съ нимъ и, несмотря на это, такъ вѣрно поняли его.

— Каждый человѣкъ въ своихъ манерахъ, движеніяхъ, въ звукѣ голоса, въ игрѣ лица, въ смѣхѣ, во взглядѣ неминуемо выдаетъ то, что онъ носитъ въ себѣ. Арчевскій настолько индивидуаленъ, что все въ немъ ясно съ первыхъ же минутъ.

Мари прошла къ ступенямъ террасы и спустилась ближе къ морю.

Бѣлый шарфъ длинными концами потянулся по вѣтру. Набѣжавшая волна разсыпалась бисернымъ узоромъ у самыхъ ея ногъ, слегка коснувшись носка бѣлыхъ ботинокъ.

— Боже, какъ хорошъ, какъ прекрасенъ Божій міръ! — проговорила Мари, защищая ладонью глаза отъ слѣпящаго солнца и втягивая разогрѣтый солено-влажный воздухъ.

— Какъ жаль, — помолчавъ, заговорила Сандра, — что у людей, которымъ какъ будто бы дано все, все же не бываетъ полнаго счастья. Андрей утверждаетъ, что мы должны стремиться къ нему и должны достигнуть его, но я думаю, что это невозможно.

— Сандра, сейчасъ вы должны думать иначе: вѣдь васъ ожидаетъ самая полная и чистая радость — прижать къ сердцу свое дитя, — проговорила Мари, опять возвращаясь на терассу. — Я помню одинъ вечеръ ранней весны, когда лунный свѣтъ заливалъ паркъ и терассу замка, когда изъ раскрытыхъ оконъ зала неслись звуки рояля и наполняли окрестныя поля и рощи, помню вашъ устремленный къ небу взглядъ и жалобу тоскующаго о материнствѣ сердца. Вы помните это, Сандра?

— Помню. Тогда я была другая, совсѣмъ, совсѣмъ не похожая на ту, что сейчасъ. Ахъ, Мари, иногда мнѣ кажется, что вы, далекая отъ жизни, одинокая, принадлежащая міру созвучій, гораздо счастливѣе насъ, ищущихъ недосягаемаго счастья среди людей.

— Каждый долженъ идти по пути, предначертанному ему свыше.

Онѣ умолкли. Все тѣ же привычныя мысли о своей одинокой, никѣмъ не понятой и непонимаемой жизни, проносились въ головѣ Мари. Она вздохнула, закрыла перелистываемую книгу и прошла въ гостинную. Черезъ нѣсколько минутъ полились звуки рояля, строгіе и стройные, въ которыхъ, мало по малу, душа Мари и душа Сандры нашли временный примиряющій покой.

Море сіяло и синѣло, равномѣрно дыша приливающими къ берегамъ волнами, разсыпающимися бисерной пѣной. Золотой пылью пронизанъ былъ горячій, пьяно-ароматный воздухъ. Въ перламутровой дымкѣ тянулась на горизонтѣ гряда далекихъ горъ. Подлѣ берега покачивалась на упругой глади лодка, и лѣнивый, счастливый мальчикъ, переставъ взбрасывать ногами брызги, закинувъ курчавую голову, полуоткрывъ алый и сочный, какъ граната, ротъ и устремивъ къ небу горящіе искрами на влажномъ бѣлкѣ глаза, ловилъ и впитывалъ въ свою беззаботную душу стройные и мощные звуки, несшіеся съ терассы, обвитой ползучими розами.

XIV

— Мистеръ Креллинъ проситъ мадамъ Креллинъ пожаловать въ кабинетъ.

Берта, завязывавшая передъ зеркаломъ широкія лен-

ты шляпы, досадливо поморщилась и, повернувъ лицо въ сторону лакея, почтительно стоявшаго у порога двери, помолчавъ, что то взвѣшивая, спросила:

— Мистеръ Креллинъ одинъ?

— Да. Мистеръ Креллинъ приказалъ никого не принимать и разъединить телефонъ.

— Скажите, что я сейчасъ приду.

Лакей опустилъ край приподнятой драпировки и вышелъ. Берта продолжала завязывать бантъ подлѣ маленькаго уха, покрытаго слоемъ розовой пудры; пальцы, начавшіе слегка дрожать, плохо слушались. Она нетерпѣливо развязала ленты и снова принялась ихъ перевязывать. Въ зеркалѣ, только что отражавшемъ оживленное лицо, она увидѣла его сразу измѣнившимся, со сдвинутыми тонкими, слегка подрисованными, бровями, съ упрямымъ, недобрымъ огонькомъ въ большихъ карихъ глазахъ.

Захвативъ со стола, черной лакированной кожи, сумку, она остановилась подлѣ письменнаго стола, достала изъ бювара приготовленную телеграмму и надавила кнопку электрическаго звонка. Вошла камеристка.

— Гдѣ перчатки? — не оборачивая головы, бросила Берта.

— Перчатки на туалетѣ. — Камеристка подошла къ столу, подлѣ котораго только что сидѣла Берта и передала ей лежавшія на немъ, заранѣе приготовленныя, растянутыя въ пальцахъ, перчатки.

Берта, остановилась передъ громаднымъ зеркаломъ съ двумя подвижными боковыми стеклами, отражавшими одновременно спереди и съ боковъ ея маленькую ловкую фигуру.

— Марта, если не помѣщается все въ одинъ сундукъ, можете взять второй.

— Все уложено, кромѣ шляпной вализы. Можетъ быть, мадамъ, не возьметъ ее съ собою?

— Что вы выдумали, Марта! Никогда на моей головѣ не было и не будетъ шляпъ иныхъ, кромѣ какъ Парижскихъ. Эту телеграмму надо немедля послать. Вы понимаете?

— Мадамъ можетъ быть спокойна. Я сейчасъ ее отправлю.

— Позвоните къ баронессѣ и скажите, что черезъ

часъ я буду у нея. — Берта бросила въ зеркало послѣдній бѣглый взглядъ и вышла изъ комнаты.

Камеристка развернула поданный ей листокъ телеграммы:

«Baron de Fauchard, 5 h. avenue. Hôtel Ritz. Préparez trois belles pièces meilleur hôtel. Pars demain. Berta».

Черезъ длинный рядъ великолѣпныхъ аппартаментовъ въ строго выдержанномъ стилѣ, Берта прошла на половину мужа. Въ первомъ кабинетѣ — дѣловомъ, съ двумя громадными письменными столами, на которыхъ въ строгомъ порядкѣ лежали кипами толстыя шнуровыя книги, бумаги, бланки, проспекты — было пусто. Изъ открытой двери въ слѣдующую комнату, — частный кабинетъ Креллина, — тянуло тонкимъ запахомъ сигары. Протянувшаяся черезъ порогъ яркая солнечная полоса ложилась расширяющимся лучомъ по толстому сѣрому бобрику, обтягивавшему весь полъ кабинета.

Переступая порогъ, Берта на одно мгновеніе была охвачена этимъ яркимъ лучомъ, озолотившимъ ее и брызнувшимъ блестками въ каштановыхъ, падавшихъ на уши, завиткахъ.

Въ большомъ глубокомъ, похожемъ на купель, кожаномъ креслѣ, сидѣлъ Максъ Креллинъ. Протянувъ по ковру длинныя тонкія ноги въ узкихъ ботинкахъ, гетрахъ цвѣта «бэжъ», онъ, приподнявъ одну бровь надъ вставленнымъ въ глазъ моноклемъ, читалъ «Daily telegraph». Увидя жену, онъ не спѣша отложилъ газету, движеніемъ глазныхъ мышцъ выбросилъ монокль и указалъ ей на кресло, стоявшее противъ. Осторожно, какъ бы съ задуманнымъ расчетомъ продлить молчаніе, онъ сталъ снимать съ сигары длинный, сѣрый нагаръ въ хрустальную пепельницу.

Берта, съ дѣланной покорной терпѣливостью, опустилась на указанное ей кресло, сложила на колѣняхъ руки и, закусивъ пухлую нижнюю губу, выжидательно смотрѣла на мужа. Когда кусочекъ темнаго пепельнаго нагара отвалился, Максъ Креллинъ нѣсколько разъ потянулъ въ себя изъ сигары, выпустилъ синій, сладкоароматный дымъ и посмотрѣлъ на жену.

— Ну? — произнесла она, силясь скрыть нетерпѣніе.

Креллинъ, отлично владѣвшій французскимъ языкомъ, въ разговорахъ съ женой переходилъ на англійскій лишь въ рѣдкія минуты волненія, когда начиналъ искать нужныя ему слова.

— Такъ какъ, судя по приготовленіямъ, твоя поѣздка въ Нью-Іоркъ рѣшена, то я считаю нужнымъ договориться съ тобой до конца, чтобы избѣжать недоразумѣній.

Креллинъ остановился, ожидая реплики, но Берта продолжала молчать.

— Было бы благоразумнѣе, если бы ты эту поѣздку отложила на неопредѣленный срокъ.

— Я не имѣю въ виду мѣнять своихъ плановъ. — Она нетерпѣливо пожала плечами и принялась натягивать перчатки.

— Мотивъ этой поѣзди?

— Я тебѣ говорила.

— Желаніе видѣть Нью-Іоркъ? Это пустяки, выдумка. Я знаю настоящій мотивъ. Проводы телефонныхъ аппаратовъ не всегда гарантируютъ тайну разговоровъ, въ особенности, если эти разговоры повторяются слишкомъ часто.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать? — удивилась Берта.

— Я говорю о твоихъ разговорахъ съ баронессой де Фошаръ.

— Ты подслушивалъ? — Берта вспыхнула.

— Меня присоединили случайно, и я узналъ изъ твоихъ же словъ настоящую причину настойчиваго желанія ѣхать въ Нью-Іоркъ.

На неподвижномъ лицѣ Макса Креллинъ едва уловимая презрительная улыбка тронула узкую, сухую линію губъ.

Берта справилась съ внутреннимъ волненіемъ, вызваннымъ неожиданнымъ заявленіемъ мужа.

— Очень сожалѣю, что ты такъ точно освѣдомленъ, но это нисколько не измѣняетъ моихъ плановъ.

— Ты всегда была взбалмошна, а теперь становишься глупа и безъ самолюбія. Тебѣ не отвѣчаютъ на письма, и поэтому ты, въ погонѣ за отвергающимъ твои пылкія чувства знаменитымъ пѣвцомъ, мчишься въ Америку. Что за глупая женская психологія!

Максъ Креллинъ вставилъ въ глазъ монокль, отъ че-

го выраженіе его лица сильно измѣнилось. Онъ уставился на жену такимъ пристальнымъ взглядомъ, какъ будто бы впервые разглядывалъ ее.

— Да, это моя фантазія, мой капризъ. Я рѣшила ѣхать и ѣду.

— Можетъ быть ты вспомнишь о томъ, что въ этомъ капризѣ участвуетъ мое имя, которое ты носишь?

Берта разсмѣялась дѣланнымъ непріятнымъ смѣхомъ.

— Въ такомъ случаѣ, и я напомню тебѣ, что, впродолженіи всего сезона, въ капризѣ, который заставилъ тебя соперничать съ американцемъ Смитомъ въ тратѣ денегъ на цѣлые сады цвѣтовъ, чтобы наполнять ими квартиру въ Булонскомъ лѣсу, въ этомъ капризѣ участвовало не только твое, но и мое имя, потому что и я его ношу.

— Предположимъ, но я не мчусь въ Италію въ погоню за мадамъ де Вернэ.

— Потому что для тебя стало яснымъ, что она свои чувства отдала другому.

Въ лицѣ Макса Креллина что то дрогнуло.

— Да, вѣроятно, потому. Эти же мотивы должны были бы удерживать и тебя отъ этой глупой поѣздки, такъ какъ ты знаешь кто этотъ — «другой».

— Ну такъ что же! Въ данномъ случаѣ мной руководитъ любовь къ спорту.

Берта достала изъ лакированнаго сака узкій золотой портъ-сигаръ съ большимъ сапфиромъ, нажала на него, достала тоненькую папироску и, закуривъ, почувствовала какъ бы большую увѣренность въ своихъ спортивныхъ вкусахъ, перенесенныхъ въ область сердца.

— Въ такомъ случаѣ я, какъ хорошій и серьезный спортсмэнъ, предупреждаю тебя, что спортъ, при неумѣломъ къ нему отношеніи, не исключаетъ возможностей сломать себѣ шею. Ты рискуешь.

— То есть? — между двумя длинными затяжками папиросы, спросила Берта такимъ спокойнымъ тономъ, что Максъ Креллинъ опять пристально и въ упоръ посмотрѣлъ на жену.

— Твоя поѣздка въ Америку не подвинетъ тебя ни на шагъ къ желаемой цѣли, такъ какъ,—онъ на секунду остановился, какъ бы провѣряя въ самомъ себѣ то, что собирался сказать, — такъ какъ мужчины зорко оберегаютъ границы, отдѣляющія ихъ отъ женщинъ, которыя

желаютъ ихъ, но которыхъ не желаютъ они. Произойдетъ то, что ты останешься на той же позиціи, что и сейчасъ по отношенію красиваго пѣвца, но меня ты потеряешь. Я совершенно не признаю женщинъ, тупо и упрямо лѣзущихъ на стѣну осадной крѣпости, съ которой онѣ неминуемо будутъ сброшены. Или этотъ красивый иностранецъ послѣ твоей поѣздки въ Нью-Іоркъ пришлетъ ко мнѣ своего повѣреннаго для переговоровъ о разводѣ, который, конечно, я дамъ тебѣ, или я пошлю къ тебѣ для этой же цѣли своего повѣреннаго.

— Non sens! — Берта презрительно пожала плечами, послѣдній разъ затянулась дымомъ и потушила папироску.

— Non sens! — повторила она.

— Однако, я прошу тебя запомнить это мое условіе, — чувствуя приливъ наростающаго раздраженія, при видѣ искусстно дѣланнаго спокойствія жены, повышая голосъ, проговорилъ Креллинъ.

— Мнѣ, надѣюсь, не нужно напоминать тебѣ, что въ случаѣ нашего развода, притокъ моихъ милліоновъ прекратится, и образуется нежелательная брешь въ твоихъ коммерческихъ предпріятіяхъ.

— Возможно, но въ финансовыхъ кругахъ Франціи, Германіи, Англіи и Россіи имѣется немало такихъ же какъ и ты богатыхъ женщинъ.

— Конечно, конечно, — съ дѣланной улыбкой, перебила Берта мужа. — Мои же милліоны останутся при мнѣ, и ихъ притягательный блескъ нисколько не потускнѣетъ оттого, что сэръ Максъ Креллинъ пользовался ихъ процентами для дѣлъ... скажемъ, не всегда удобныхъ къ опубликованію.

Креллинъ съ такой силой ударилъ ладонью по краю стола, что лежавшій на немъ въ золотой оправѣ карандашъ скатился на коверъ.

— Если ты будешь выходить изъ себя, то я не стану разговаривать, — сухо проговорила Берта.

Креллинъ, силясь подавить накипавшій гнѣвъ, поднялся съ кресла, прошелъ въ противоположный конецъ комнаты и остановился у камина. Ища отвлечь гнѣвныя мысли, онъ вынулъ изъ кармана золотой хронометръ и провѣрилъ по немъ стоявшіе на каминѣ, великолѣпной работы, часы, въ ту же минуту пробившіе два удара. Когда волна гнѣва отлила, онъ, повернувъ къ женѣ опять

неподвижно застывшее лицо, положилъ ладонь на мраморный выступъ камина и заговорилъ обычнымъ размѣреннымъ спокойнымъ голосомъ:

— Я не сказалъ тебѣ еще одной подробности, сопряженной съ твоей поѣздкой, которая, неминуемо, отзовется въ неблагопріятной формѣ на успѣхахъ талантливаго пѣвца. Предупреждаю тебя, что послѣ каждаго твоего съ нимъ свиданія съ глазу на глазъ, его выступленіе на подмосткахъ можетъ сопровождаться неодобреніемъ нѣкоторой части публики.

— Какая гадость! Шпіонажъ и подкупъ! — Берта въ гнѣвѣ сорвалась съ кресла. — Ты способенъ на такую низость?

— Я защищаюсь, а не нападаю; кромѣ того, я предупреждаю.

— Хорошо: война, такъ война!

— Что касается меня, то я настроенъ вполнѣ миролюбиво до тѣхъ поръ, пока ты не дашь повода пристегивать къ моему имени двусмысленныя догадки. Это все, что я имѣлъ сказать тебѣ. Сейчасъ прійдутъ ко мнѣ по дѣламъ банка.

— Мнѣ тоже некогда. Меня ждутъ.

— Не баронесса ли Фошаръ — недавняя повѣренная твоихъ сердечныхъ дѣлъ?

— Да, ты угадалъ. Завтра я уѣзжаю, и есть многое, о чемъ намъ надо поговорить.

— Ты не глупа, но психологія, упрямо влюбленной въ свой капризъ, женщины не отличается отъ психологіи осла.

Берта не нашла нужнымъ отвѣчать и направилась къ дверямъ. На порогѣ она остановилась.

— Сегодня я въ оперѣ. Въ ложѣ два свободныхъ мѣста. Если бы ты захотѣлъ подчеркнуть передъ публикой твое дружеское отношеніе къ моей поѣздкѣ, то я ничего не имѣю противъ.

Мистеръ Креллинъ строго посмотрѣлъ на жену и, въ свою очередь, не нашелъ нужнымъ отвѣчать.

XV

Въ модномъ, а потому самомъ дорогомъ ночномъ ресторанѣ Нью-Іорка на Бродуэ, сдѣлавшимся моднымъ

потому, что онъ былъ совсѣмъ не похожъ на всѣ остальные, — было жарко и пахло смѣшаннымъ запахомъ испареній вина, человѣческаго разгоряченнаго тѣла, духами, табачнымъ и сигарнымъ дымомъ. Неподвижными, извилисто-сизыми, пластами онъ стоялъ между потолкомъ и шумной, нарядной толпой, скучившейся за безконечнымъ количествомъ столиковъ и топтавшейся попарно въ длинномъ, узкомъ пространствѣ, въ ритмъ звенящаго, господствовавшего надъ голосами и стукомъ посуды — джазъ-банда. Особенность этого ресторана была та, что въ немъ не было оконъ, что онъ былъ узокъ и длиненъ какъ корридоръ, что стѣны и потолокъ были безвкусно размалеваны кричащими красками, и что лучшіе исполнители моднаго танца «танго» появлялись среди танцующей публики. Громадные, пестрые, какъ экзотическіе цвѣты и бабочки, свѣшивающіеся съ потолка, лампы рѣяли цвѣтистыми пятнами въ густой синевато-дымчатой атмосферѣ. Бедра танцующихъ женщинъ, плотно обтянутыя въ блѣдные и яркіе шелка, вызывающе покачивались въ ритмъ музыкѣ и движеніямъ кавалеровъ, которые, какъ бы слившись со своей дамой, медленно двигали ихъ по скользко-навощенному полу. Мелькали, возбужденно блестящіе виномъ и танцами,—глаза, алыя, слишкомъ ярко очерченныя карминомъ, губы, обнаженныя шеи, стройныя линіи женскихъ затылковъ, теряющіяся въ волнѣ золотистыхъ, черныхъ, каштановыхъ, бронзово-рыжихъ волосъ, вѣнчающихъ пышной прической юныя, молодыя и болѣе зрѣлыя лица. Улыбки сіяли то дѣтски беззаботныя, — въ невѣдѣніи грядущихъ бурь души и сердца, — то скользили медленно, слабо озаряя усталыя черты и много видѣвшіе, много отразившіе глаза; улыбки — похожія на угасающій лучъ, озаряющій ждущую покоя, усталую за день, природу.

Пили вино, громко говорили и смѣялись, заглушаемые остро-звенящими, бьющими звуками джазъ-банда. Мелькали тонкіе, сухіе профили англо-саксонской расы, съ упрямо-надменной линіей подбородка; тяжелыя линіи крупныхъ выгнутыхъ носовъ и мясистыхъ губъ семитовъ, съ характерной скорбной чертой отъ носа къ угламъ рта; неопредѣленныя, неуловимыя, неправильныя и прекрасныя подвижной выразительностью, линіи славянской расы. Костюмы мужчинъ оттѣняли черными пятнами пестроту дамскихъ нарядовъ. Вся эта шумная, нерв-

но-взвинченная виномъ, рѣчами, танцами и музыкой — толпа, умножалась, отражаясь въ громадныхъ зеркальныхъ квадратахъ, вдѣланныхъ вдоль стѣны.

За однимъ изъ столиковъ за колоннадой сидѣла небольшая группа. Толстый пожилой американецъ, съ круглымъ бритымъ неподвижнымъ лицомъ, извѣстный милліардеръ Руллеръ, владѣлецъ громадныхъ плантацій въ Южной Америкѣ, не переставая наполнялъ шампанскимъ свой бокалъ и пилъ, не пьянѣя. Его жена, съ пышными, словно пудренными волосами, съ лицомъ сохранившимъ остатки выдающейся красоты, съ ниткой жемчуга вокругъ шеи, въ царственно величавой позѣ, не отнимая отъ глазъ золотого face à main, съ улыбкой, красившей догорающимъ лучемъ увядающую прелесть точенаго профиля, — наблюдала за танцующими парами. Громаднаго роста, несуразно сложенный блондинъ — баронъ Фошаръ, съ лицомъ, необычайно схожимъ съ мордой лошади, то и дѣло улыбавшійся и при этомъ выставлявшій длинные, большіе, желтоватые, косо посаженные, зубы, сгибаясь и сутуля длинный хребетъ, весь перегнулся въ сторону рядомъ сидѣвшей Берты Креллинъ. Онъ былъ всецѣло поглощенъ ею и не спускалъ взгляда съ ея хорошенькаго лица, съ горящими нервнымъ огнемъ карими глазами. Онъ часто поднимался, приглашалъ ее танцовать и, бережно охватывая легкій станъ, уносилъ ее въ потокъ медленно двигавшихся паръ. Берта Креллинъ, какъ бы нехотя, съ расчитанной кокетливой медлительностью, клала округлымъ жестомъ ладонью вверхъ пухлую, бѣлую оголенную руку на его спину пониже плеча и, легко выбрасывая маленькими ногами съ непомѣрно высокими выгнутыми каблуками, двигалась, ритмично извиваясь въ бедрахъ, обтянутыхъ въ блестящій, изумруднаго цвѣта, шелкъ. При каждомъ поворотѣ танца, изъ подъ длинныхъ темныхъ рѣсницъ горячій взглядъ скользилъ въ сторону оставленнаго столика, гдѣ Юрій Арчевскій, сидѣвшій рядомъ съ отцвѣтающей красавицей американкой, разговаривалъ съ ней, отпивая шампанское, систематично подливаемое мистеромъ Руллеръ.

Арчевскій обращалъ на себя вниманіе женщинъ неуловимой, ничѣмъ не передаваемой игрой лица, блескомъ глазъ, краснорѣчивымъ отпечаткомъ внутренней силы и страстности, которая, какъ тепло и яркій свѣтъ, какъ бы ихъ не прикрывать, вырываются наружу.

Подчеркивая свое вниманіе къ американкѣ, онъ тѣмъ самымъ старался подчеркнуть равнодушіе къ Бертѣ, неожиданно опять оказавшейся въ его сферѣ и продолжавшей ненужную, раздражавшую его, игру.

Блестящій пѣвецъ, окруженный стаей легкомысленныхъ поклонницъ, тяготился своей ролью неизмѣннаго центра вниманія женщинъ, такъ какъ разстояніе и разлука съ любимой женщиной еще болѣе обостряли его чувства. Холодность Арчевскаго раздражала Берту и подливала масла въ огонь ея чувствъ, которыя изъ каприза начинали превращаться въ нѣчто болѣе сложное; чѣмъ яснѣе онъ подчеркивалъ свое къ ней равнодушіе, тѣмъ сила притяженія увеличивалась. Первый разъ въ жизни она поняла, что ея чары не всемогущи, что ея милліоны безсильны.

Устроивъ поѣздку въ ресторанъ такъ, что Арчевскій не ожидалъ ея присутствія, Берта пустила въ ходъ все свое искусство, чтобы показать себя въ наиболѣе соблазнительной формѣ. Шикъ парижанки сквозилъ въ каждой складкѣ, въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ поворотѣ головы. Баронъ Фошаръ терялъ голову, чувствовалъ какъ отъ волненія потъ выступалъ у него подъ воротникомъ рубашки и на красноватомъ лбу. Арчевскій же оставался холодно вѣжливъ. Казалось, онъ былъ поглощенъ разговоромъ съ американкой или же, задумчиво сосредоточеннымъ взглядомъ, смотрѣлъ куда то далеко, поверхъ танцующей толпы. Берта отгадывала, что этотъ взглядъ, пронизывая далекія пространства, искалъ знакомый ей образъ съ голубыми русалочьими глазами. Ея сердце сжималось отъ боли и злобной ревности.

Каждый разъ, что она, положивъ руку вокругъ плеча барона Фошара, въ плавномъ ритмичномъ движеніи скользя легкой ногой по вощеному паркету, удалялась отъ столика, бросая изъ подъ рѣсницъ огненный взглядъ на Арчевскаго, она надѣялась хоть на секунду встрѣтить его взглядъ, но онъ оставался совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ ея чарамъ и, какъ бы, не замѣчалъ ее. Берта начинала терять терпѣніе, когда, возвращаясь послѣ тура танца, съ удовольствіемъ увидѣла, что американка удалилась въ другой конецъ зала, присоединясь къ столику своихъ знакомыхъ.

— Сядьте подлѣ мистера Руллеръ и займите его, — шепнула Берта барону.

Послушный рабъ каждаго ея каприза, каждаго взгляда, онъ, не разсуждая, подчинялся ея волѣ, счастливый быть въ ея сферѣ, счастливый слышать ея голосъ, счастливый сознаніемъ, что онъ можетъ быть ей полезенъ.

Фошаръ, обойдя столикъ, сѣлъ подлѣ американца и заговорилъ о спортѣ и шахматахъ, зная, что эта тема неминуемо вызывала въ мистэрѣ Руллеръ притокъ краснорѣчія.

Берта сѣла рядомъ съ Арчевскимъ, залпомъ выпила полъ бокала недопитаго шампанскаго и, сощуривъ глаза, скрывая волненіе, посмотрѣла на него.

— Мосье Арчевскій, отчего вы такъ сосредоточенны и строги? У васъ есть заботы?

— Конечно.

— Какая можетъ быть забота въ сознаніи неизмѣннаго тріумфа?

— Мнѣ приходится изучать новыя оперы.

— Скажите, вы остановились въ Вальдорфъ Асторія?

— Да.

— Какой роскошный отель! Я, на дняхъ, тамъ пила чай и надѣялась встрѣтить васъ, но или васъ не было, или вы были въ «пикокъ-аллэ», въ этомъ набитомъ публикой корридорѣ.

— Меня совершенно не интересуютъ такія мѣста; я тамъ никогда не бываю.

— Почему? Это очень интересно. Масса красивыхъ и очень нарядныхъ женщинъ, туалеты великолѣпные...

— Всѣ эти дамы — исключительно блестящій демимондъ.

— И поэтому вы тамъ не бываете? — Берта насмѣшливо улыбнулась:

— Что за монашеское направленіе!

— Меня не интересуютъ эти женщины.

— Очень жаль. Если женщины интересны, не все ли равно изъ какой онѣ сферы.

— Безусловно, но я предпочитаю женщинъ не изъ этой сферы, потому что отношенія женщинъ деми монда обусловливаются благосостояніемъ ихъ партнера или минутнымъ капризомъ ихъ чувствъ.

— Не вздумайте меня увѣрять, что мужчины цѣнятъ

искреннія чувства. Вамъ же они нужны менѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Вы избалованны.

— Вы меня совершенно не знаете, да, впрочемъ, это и не важно.

— Для васъ безразлично какого я о васъ мнѣнія?

— Право, я объ этомъ не думалъ, — пожалъ плечами Арчевскій, намѣренно не замѣчая ея горячаго, настойчиваго взгляда.

Берта нетерпѣливо сдвинула брови. Ея лицо омрачилось. Она отгадывала, что Арчевскій врядъ ли на много ставилъ ее выше тѣхъ женщинъ деми монда, которыхъ избѣгалъ въ пикокъ-аллэ. Она опустила глаза и долго разсматривала шитый золотомъ узоръ на своей сумочкѣ. Первый разъ Арчевскій увидѣлъ ея лицо сосредоточеннымъ и грустнымъ.

— Мосье Арчевскій, вы обо мнѣ очень дурного мнѣнія? — спросила она послѣ продолжительнаго молчанія.

— Дурного — нѣтъ, но вполнѣ опредѣленнаго.

— Что же вы обо мнѣ думаете? Я хочу, чтобы вы мнѣ отвѣтили совсѣмъ искренно.

— Я думаю, что ради мимолетнаго каприза вы не щадите своего самолюбія.

— Каприза? Вы все время повторяете это слово. Оно не вѣрно. — Она пересѣла со стула на бархатный диванъ, увеличивая разстояніе, отдѣлявшее ее отъ барона и мистера Руллеръ.

— Мосье Жоржъ, — заговорила она измѣнившимся голосомъ, — я хочу въ послѣдній разъ объясниться съ вами.

— Объясниться? Это звучитъ очень серьезно, въ особенности въ такой обстановкѣ.

Арчевскій понялъ, что Берта начнетъ ненужное и непріятное для него объясненіе. Онъ искалъ возможности помѣшать этому или же обратить въ шутку. Берта, слегка подавшись впередъ, нетерпѣливымъ движеніемъ дотронулась до его руки:

— Перестаньте, я не шучу. Вы видите, что у меня нервы натянуты до крайности. Я должна съ вами говорить. Только для этого я и пріѣхала въ Нью-Іоркъ. Я вамъ писала дважды, вы не отвѣтили.

— Молчаніе бываетъ краснорѣчивѣе словъ.

— Я не люблю догадокъ. Я люблю точки на і.

— Извольте. — Онъ съ досадой пожалъ плечами.

— Вы должны, наконецъ, понять, что не капризъ, а нѣчто иное заставило меня переплыть океанъ, чтобы добиться возможности говорить съ вами.

— Сперва капризъ, а затѣмъ упрямство. Вы не привыкли къ противодѣйствiю и къ анализу своихъ и чужихъ чувствъ.

— Не перебивайте меня. За эту поѣздку я могу заплатить разводомъ съ моимъ мужемъ... я пошла на все...

— Вы поступили болѣе, чѣмъ опрометчиво. Я никогда не давалъ вамъ повода.

— Ахъ, пожалуйста, безъ этихъ банальныхъ словъ. Вы родили въ моемъ сердцѣ до сихъ поръ незнакомое мнѣ чувство, освободиться отъ котораго я не въ силахъ. Я негодовала на себя, надѣялась, что вашъ отъѣздъ вылѣчитъ меня, пробовала среди выѣздовъ и флертовъ забыть все, но борьба напрасна: я не могу забыть васъ... Помогите мнѣ, научите меня...

— Вы должны забыть меня. Вамъ не слѣдовало прiѣзжать сюда.

— Вы можете быть такъ безпощадно холодны къ женщинѣ, которая... любитъ васъ?...

— Въ вопросахъ сердца мы должны быть честны. Я не хочу лгать вамъ, тѣмъ болѣе, что я не свободенъ.

По лицу Берты пробѣжала судорога. Сердце сжалось отъ злобной ревности, глаза вспыхнули недобрымъ огонькомъ.

— Значитъ, отрава Château d'Aiglon продолжаетъ дѣйствовать съ той же силой? — Она разсмѣялась непрiятнымъ, злымъ смѣхомъ.

— Мадамъ Креллинъ, я никому не даю права въ моемъ присутствiи затрагивать интимныя стороны моей жизни, — сухо произнесъ Арчевскiй.

— Пожалуйста, не злитесь, не дѣлайте мнѣ замѣчанiя и не бросайте на меня такихъ строгихъ взглядовъ. Я васъ не боюсь и буду счастлива, когда смогу васъ ненавидѣть. Чему вы улыбаетесь?

— Меня забавляетъ быстрота смѣны вашихъ настроенiй. Пять минутъ тому назадъ вы были грустны, теперь вы злы. Если бы вы откинули ваше упрямое желанiе настоять на своемъ, то безъ труда убѣдились бы, что я правъ, и что никакого серьезнаго чувства у васъ нѣтъ, и все сводится къ очень обыкновенному coup de sang, который вамъ почему то нравится раздувать.

— Ну, хорошо, довольно! Вы единственный мужчина, позволяющій себѣ читать мнѣ нотаціи, да еще на подобныя темы. Довольно. Я увѣрена, что когда нибудь вы пожалѣете, что не сумѣли оцѣнить меня. Дѣйствительно, я слишкомъ глупа, что прошу у васъ то, что на колѣняхъ, выпрашиваютъ у меня. У васъ очень много темперамента въ пѣніи, но на остальное его не хватаетъ.

Берта поднялась, нервно передернула плечами, кокетливымъ жестомъ приподняла руки, чтобы поправить разсыпавшуюся массу каштановыхъ волосъ, накинула на плечи, угломъ спускавшійся до полу, горностаевый мѣхъ и стала натягивать длинную перчатку на унизанную кольцами руку.

— Я предполагала, что вы умнѣе, — съ ядовитой улыбкой проговорила она. — Какое мнѣ дѣло до вашихъ глубокихъ чувствъ къ другой женщинѣ! Далекое пространство, раздѣляющее васъ съ ней, уничтожаетъ обязательства вѣрности. Мы могли бы имѣть нѣсколько счастливыхъ дней, даже недѣль; отъ этого ничего не измѣнилось бы... Не знаю, для чего вы разыгриваете эту глупую роль, которая, въ концѣ концовъ, выставляетъ васъ въ очень смѣшномъ видѣ; это вылѣчитъ меня скорѣе и лучше, чѣмъ всякія иныя средства. Милый баронъ, — обратилась она къ Фошару, — я устала и прошу васъ проводить меня. До свиданія, мосье Арчевскій. Во всякомъ случаѣ, сегодняшній вечеръ вамъ даромъ не пройдетъ.

Берта едва протянула ему руку, простилась съ американцемъ и въ сопровожденіи барона, счастливаго пробыть съ ней наединѣ нѣсколько минутъ, прошла черезъ залъ и скрылась за малиновой драпировкой.

— Какая очаровательная маленькая женщина! — провожая ее внимательнымъ взглядомъ, произнесъ мистеръ Руллеръ, и медленно выпустилъ струю синяго сигарнаго дыма.

— Милый баронъ, сегодня вы нравитесь мнѣ и можете цѣловать мои руки, — говорила Берта, откидываясь на подушку въ уголъ автомобиля, предоставленнаго въ ея распоряженіе влюбленнымъ барономъ.

— И въ награду за это разрѣшеніе я спрошу у васъ очень мало.

— Дорогая, все что хотите, все для васъ сдѣлаю, —

лепеталъ баронъ, прижимая то одну, то другую раздушенную ручку къ разгоряченнымъ, скошеннымъ губамъ.

— Всего мнѣ не надо, но я не впущу васъ къ себѣ до тѣхъ поръ, пока вы не принесете мнѣ листка бумаги съ подписью Арчевскаго, но чтобы онъ не зналъ, что это для меня. Вы ему скажите, что какая то влюбленная въ его голосъ особа проситъ дать ей на память его автографъ. Это такъ просто сдѣлать, не правда ли?

— Для чего вамъ его подпись? Что за новая фантазія? Если бы черезъ ваши душистые пальчики не протекали милліоны, то я заподозрилъ бы васъ въ желаніи сфабриковать какой нибудь фальшивый документъ за подписью этого моднаго бога толпы.

— Америка сдѣлала васъ проницательнымъ, мой милый баронъ: вы стали очень догадливы. — Берта разсмѣялась, слегка отстраняя отъ себя барона и его пылающее отъ вина и возбужденія лицо; она почувствовала слишкомъ близко его дыханіе, смѣшанное съ запахомъ алкоголя.

— Вы смѣетесь надо мной, а я такъ горячо люблю васъ, маленькая коварная женщина, — шепталъ баронъ, робко кладя руку вокругъ ея таліи.

— Нѣтъ, мой другъ, я позволю вамъ быть нѣжнымъ только тогда, когда вы принесете мнѣ желаемый автографъ. — Берта отвела дрожавшую руку.

— Что же это за листокъ долженъ быть: большой, маленькій, какого формата? Я ничего не соображаю.

— Самый обыкновенный листокъ почтовой бумаги. Не волнуйтесь, мой другъ, ничего не произойдетъ страшнаго; только легкая мистификація, чтобы кое кого подразнить. Ну, что же: вы обѣщаете исполнить мое желаніе?

— Конечно. Развѣ можетъ быть иначе? Когда сестра написала мнѣ, что вы собираетесь въ Нью-Іоркъ, я совершенно ошалѣлъ отъ счастья, и съ тѣхъ поръ какъ вы здѣсь, я потерялъ почву подъ ногами и способенъ въ угоду вамъ натворить какія хотите безразсудства.

— А я, вмѣсто этихъ безразсудствъ, прошу такъ мало.

— Вы влюблены въ этого красиваго пѣвца? Мнѣ кажется, что вы для него и пріѣхали.

— Что такое? — Берта расхохоталась. — Вы, вѣро-

ятно, забыли, милый баронъ, кто такой Берта Креллинъ. Я влюблена?! Это что то совершенно новое. Нѣтъ, очевидно, я ошиблась: вы тутъ поглупѣли, мой другъ.

— Если, поглупѣвъ, я ошибся, то очень этому радъ.

— Какъ могла прійти вамъ въ голову такая ерунда? Можно подумать, что вы совсѣмъ меня не знаете.

— Женщины такъ измѣнчивы... — вздохнулъ баронъ.

— Судя по моимъ отношеніямъ къ вамъ, вы этого не могли бы заключить. — Она насмѣшливо улыбнулась.

— То что вы сказали — жестоко, но вѣрно: вы остаетесь неизмѣнно безразличны къ моему чувству.

— Что дѣлать! Я отношусь одинаково ко всѣмъ своимъ поклонникамъ.

Автомобиль остановился. Пока баронъ, прощаясь съ Бертой, крѣпко прижималъ къ горячимъ губамъ ея усталыя руки, она, стоя на широкихъ ступеняхъ вестибюля, крытыхъ плюшевымъ голубымъ ковромъ, повторяла ему свою настойчивую просьбу доставить ей, возможно скорѣе, автографъ Арчевскаго.

XVI

Недалеко отъ «Централь Паркъ», въ великолѣпномъ шестнадцатиэтажномъ «Плаца Отоль», Берта Креллинъ сидѣла въ уютномъ углу гостиной, заставленной пальмами, и разсѣянно перелистывала журналъ. Передъ ней на стекляномъ столикѣ былъ сервированъ чай. Стрѣлка ея крошечныхъ браслетныхъ часовъ, усыпанныхъ по борту брилліантами, показывала двадцать минутъ шестого. Баронъ Фошаръ, всегда пунктуальный во всемъ, что имѣло отношеніе къ малѣйшей прихоти или капризу его тирана въ юбкѣ, опаздывалъ на цѣлыхъ двадцать минутъ. Раздраженіе Берты усиливалось съ каждой минутой, такъ какъ къ семи часамъ долженъ былъ пріѣхать Руллеръ. У нея была причина не желать, чтобы оба визита совпали. Занятая мыслями о предстоящемъ свиданіи съ американцемъ, она не обращала вниманія на бросаемые въ ея сторону ласковые взгляды сидѣвшаго неподалеку американца. Она давно привыкла вызы-

вать у встрѣчныхъ мужчинъ внимательное къ своей особѣ любопытство, любила ловить восхищенные взгляды и давать, неуловимымъ движеніемъ бровей и порхающей улыбкой ярко алыхъ губъ, такую же неуловимую надежду на какія то возможности, о которыхъ она и не думала, такъ какъ основной чертой ея характера было кокетство холодное и разсчетливое. Арчевскій былъ первымъ и единственнымъ, къ которому ее потянулъ сперва капризъ, затѣмъ настойчивое чувство.

Перелистывая послѣднюю страницу журнала, она нетерпѣливо отбросила его на диванъ, опять посмотрѣла на часы, подняла глаза и увидѣла барона Фошара, быстрыми шагами приближавшагося къ ея столику съ другого конца громадной, устланной персидскимъ ковромъ, комнаты.

— Какое безобразіе заставлять себя ждать! — Берта сурово сдвинула брови.

— Не виноватъ, клянусь вамъ, не виноватъ! Я задержался по вашимъ порученіямъ. Сдѣлалъ все, что вы приказали, — благоговѣйно прикасаясь губами къ протянутой ему рукѣ, торопливо началъ оправдываться баронъ.

— Что это у васъ за манера мокрыми губами цѣловать руку! Каждый разъ! Это совсѣмъ непріятно.

— Простите, я, право, нечаянно. — Фошаръ покраснѣлъ, смутился, досталъ пахнувшій тройнымъ одеколономъ носовой платокъ и усердно сталъ вытирать мясистыя, скошенныя губы.

— Ну, хорошо, садитесь и поскорѣе разсказывайте, потому что въ семь часовъ я кое-кого жду.

— Мистеръ Руллеръ, узнавъ, что я ѣду къ вамъ, просилъ передать, что будетъ у васъ въ семь съ четвертью. Это что же: вашъ новый флертъ? — криво усмѣхнулся Фошаръ.

— А вы ревнуете? Этого еще не доставало!

— Можетъ быть и ревную. Развѣ вамъ это не все равно?

— Конечно, все равно.

— Помимо всякой ревности, я все-же довожу до вашего свѣдѣнія, что Руллеръ никогда не занимается флертомъ. Онъ извѣстенъ тѣмъ, что покупаетъ самыхъ дорогихъ лошадей и женщинъ для мимолетнаго каприза.

— И хорошо платитъ? — усмѣхнулась Берта.

— Васъ это интересуетъ? — Фошаръ испуганно посмотрѣлъ въ ея глаза.

— Конечно, интересуетъ: я — женщина.

— Развѣ и васъ можно купить?

— Каждую женщину можно купить. Все зависитъ отъ ловкости, момента и знанія женской психологіи.

— Жаль, что я не милліардеръ, — вздохнулъ баронъ.

— Вы недостаточно ловки и мало понимаете нашу психологію. Но, довольно объ этомъ; мы тратимъ время. Вы заѣзжали къ парикмахеру?

— Заѣзжалъ. Локоны готовы. Красить волосы онъ васъ просилъ пріѣхать завтра въ одиннадцать часовъ. Перчатки перемѣнилъ.

— Такія-же точно?

— Да. Вотъ извольте.

— А портной?

— Далъ клятву, что послѣзавтра костюмъ будетъ готовъ. Кажется, все. Ахъ, да, забылъ: онъ просилъ передать, что на карманы мѣху не достало, и онъ прикупилъ три шкурки. Вашу любимую почтовую бумагу я разыскалъ, и завтра утромъ она вамъ будетъ прислана.

— Мерси. У меня какъ разъ вся вышла.

Фошаръ досталъ изъ бумажника вдвое сложенный листъ почтовой бумаги и протянулъ его Бертѣ.

— И этотъ вашъ капризъ исполненъ.

— Какъ это мило! Я вамъ очень благодарна.

Берта развернула листокъ. Ниже сгиба стояла четкая подпись Арчевскаго съ широкимъ красивымъ росчеркомъ.

— Зачѣмъ вамъ это? — Фошаръ, сутулясь, наклонивъ корпусъ впередъ, съ улыбкой смотрѣлъ на Берту, волнуемый каждымъ ея взглядомъ, каждымъ движеніемъ.

— Какъ, для чего? Для коллекціи. У меня есть автографы очень многихъ знаменитостей. Я не хотѣла сама просить у Арчевскаго, чтобы онъ не вообразилъ о себѣ слишкомъ много.

— Навѣрное вообразилъ послѣ того, какъ вы съ нимъ долго объяснялись въ ночномъ ресторанѣ.

— Я наговорила ему массу колкостей.

— Вы влюблены въ него?

— Отстаньте съ вашими глупостями! Это не ваше дѣло.

— Да я и не вмѣшиваюсь.

— Онъ спросилъ у васъ, для кого это?

— Спросилъ. Я сказалъ, что для одной очаровательной американки. Кстати, я только что видѣлъ его, — онъ въ очень приподнятомъ настроенiи, такъ какъ на дняхъ уѣзжаетъ изъ Нью-Iорка.

— Что такое! А какъ же контрактъ?

— Онъ какъ то сговорился съ дирекцiей.

— Что за гадость! — Берта откинулась на спинку дивана и закрыла глаза, силясь справиться съ внезапно охватившимъ ее волненiемъ.

— Вы огорчены? — участливо спросилъ баронъ.

— Отстаньте!..

— Нѣсколько минутъ длилось молчанiе.

— Вотъ что, — заговорила Берта, открывая глаза и встряхивая головой, какъ будто отгоняя непрiятныя мысли. — Дайте мнѣ слово, что завтра же вы узнаете, когда онъ уѣзжаетъ и куда заказалъ билетъ.

— Очевидно, во Францiю, въ Парижъ.

— Совсѣмъ не очевидно. Почемъ вы можете знать? А можетъ быть въ Италiю?

— Если хотите, то я узнаю непремѣнно.

— Завтра же, обязательно.

— Слушаюсь. Вы не находите, что я отлично выполняю роль Фигаро.

— А теперь, Фигаро, я съ вами прощусь, такъ какъ уже семь часовъ. Мнѣ надо успѣть переодѣться къ обѣду. До свиданiя.

— Когда же я васъ увижу?

— Вы можете завтра заѣхать за мной въ три часа, чтобы куда нибудь прокатиться за городъ.

Берта встала, грацiознымъ жестомъ, предназначеннымъ для сидѣвшей въ комнатѣ публики, оправила складки платья и легкими, спѣшными шагами направилась къ выходу.

Она занимала въ лучшей части отеля самыя дорогiя, щегольски обставленныя, комнаты. Онѣ производили впечатлѣнiе домашняго уюта, благодаря большому количеству шелковыхъ подушекъ, мѣховыхъ шкуръ, шелкомъ шитыхъ покрываль и всякихъ дорогихъ бездѣлушекъ, превезенныхъ Бертой изъ Парижа. Высокiя вазы наполнялись, ловкими, быстрыми руками Марты, все-

гда свѣжими розами, гвоздиками и пьяно-дурманящими туберозами — любимыми цвѣтами Берты.

— Скорѣе, скорѣе переодѣваться... Достаньте новое платье, шитое золотомъ.

Въ шелковомъ розовомъ трико и такомъ же корсетѣ, залитая потокомъ электрическаго свѣта, Берта, стоя передъ большимъ зеркаломъ, торопливо поправляла прическу. Маленькая, тонкая фигура, съ оголенными, будто точеными плечами и руками, была очень мила. Она знала себѣ цѣну, знала свою власть надъ мужскими сердцами и испытывала радостное волненіе при мысли, что визитъ милліардера американца, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть важныя послѣдствія. Въ этотъ день она чувствовала себя особенно во всеоружіи, и ей хотѣлось доказать самой себѣ, что холодная непреклонность русскаго пѣвца была лишь слѣдствіемъ его собственной слѣпоты, нисколько не умалявшей ея чаръ.

Марта ловкимъ движеніемъ набросила ей черезъ голову мягкій шелкъ цвѣта крота, обтянула его по подолу, застегнула на плечѣ пряжку съ великолѣпнымъ изумрудомъ и, подавая флаконъ съ духами, улыбнулась:

— Ни одинъ туалетъ не былъ такъ къ лицу мадамъ, какъ этотъ. Вся фигура, какъ въ перчаткѣ.

— Вы правы, Марта: платье сидитъ чудесно.

— Et d'un chic épatent! Сколько я ни смотрю, мадамъ самая шикарная изъ всѣхъ женщинъ. Американки хорошо одѣваются и есть красивыя, а все-таки у нихъ нѣтъ Парижскаго шика.

— Марта, приготовьте манто и длинныя перчатки. Навѣрное, мы поѣдемъ куда-нибудь ужинать.

— Говорятъ, этотъ американецъ страшно богатъ.

— Милліардеръ.

— У него, я слышала, уже немолодая жена?

— Отцвѣтающая красавица.

— Это хорошо... — камеристка блеснула глазами и выразительной улыбкой.

— Вы думаете?

— Не мнѣ учить мадамъ. — Марта продолжала улыбаться. Она знала интимную жизнь своей госпожи до мельчайшихъ подробностей и, когда требовалось, умѣла быть полезной. Берта цѣнила ея услуги и баловала ее.

Въ гостинной раздался звонокъ телефона.

— Если это онъ, то скажите, что я прошу подняться.

Черезъ нѣсколько минутъ мистеръ Руллеръ, стягивая съ крѣпкихъ, сильныхъ пальцевъ желтой замши перчатки, стоялъ въ гостинной Берты передъ большой картиной въ золоченой рамѣ и пристально и сосредоточенно разглядывалъ ее, пока ни послышался шелестъ шелка. Онъ неторопливо повернулся, положилъ перчатки на стулъ рядомъ со шляпой и, переведя пристальный взглядъ съ картины на фигуру Берты, направился къ ней.

— Очень рада васъ видѣть, — смѣло выдерживая присталный взглядъ, улыбаясь и блестя зубами, проговорила Берта.

— Вы сегодня прекрасны какъ ангелъ, — не измѣняя сосредоточеннаго, серьезнаго выраженія лица, проговорилъ Руллеръ.

— О, нѣтъ, я очень далека отъ неба. Я вся земная и не хочу быть иной.

— А-а-а... — протянулъ онъ, и нельзя было разобрать, одобрялъ, удивлялся или порицалъ онъ.

— Вы очень, очень красивы и очень интересны, мадамъ Креллинъ, — повторилъ онъ, медленно опуская свое тяжелое тѣло въ золоченое кресло, обитое штофомъ.

— Я знаю, — спокойно отвѣтила Берта. — Въ Парижѣ это всѣ говорятъ.

— А я вамъ это говорю въ Нью-Іоркѣ.

— Вы часто повторяли это и другимъ женщинамъ?

— Да, когда онѣ этого заслуживали. Я всегда говорю, что думаю.

— Я тоже говорю то, что думаю.

— Нѣтъ, этому я не вѣрю.

— Почему? Развѣ на право говорить то, что думаешь, вы имѣете особенную монополію?

— Почти.

— Это очень забавно. Можетъ быть, вы объясните мнѣ. — Берта, постукивая носкомъ о коверъ, съ задоромъ смотрѣла въ серьезные, пристально смотрящіе на нее, глаза американца.

— Пока я не былъ слишкомъ богатъ, я иногда скрывалъ свои мысли, теперь же я купилъ право не скрывать ихъ, и это единственная цѣнность, которую могутъ дать мужчинѣ деньги. Женщина не можетъ говорить все, что она думаетъ.

— Берегитесь: я буду говорить вамъ все, что придетъ мнѣ въ голову.

— Well, я васъ слушаю.

— Нѣтъ, не сейчасъ. Однако, уже пора подумать объ ужинѣ. Надѣюсь, мы ужинаемъ вмѣстѣ?

— Я расчитывалъ на это.

Берта, задрапированная въ черное манто, благоухающая ей одной извѣстной эссенціей смѣшанныхъ духовъ, наэлектризованная перспективой интереснаго tête à tête входила въ привилегированный, не всѣмъ доступный ресторанъ, гдѣ заранѣе былъ заказанъ столикъ. Парижскимъ шикомъ и великолѣпными бриллiантами на шеѣ, Берта обратила на себя вниманіе публики. Мистеръ Руллеръ остался этимъ доволенъ, такъ какъ онъ любилъ давать чувствовать свое умѣнье достойно пользоваться милліардами.

Во время ужина, подъ звуки оркестра, Берта много и оживленно болтала, чувствуя на себѣ настойчивый и одобрительный взглядъ собесѣдника. Онъ давалъ ей короткія реплики и, привыкшій къ тому, чтобы его занимали, снисходительно улыбался ея остротамъ.

Подъ конецъ ужина, слегка разгоряченная виномъ, Берта опустила палецъ, сіяющій дорогими камнями, въ бокалъ съ шампанскимъ и, щелкнувъ имъ въ сторону собесѣдника, обдала брызгами его лицо. Американецъ вынулъ носовой платокъ и невозмутимо обтеръ лицо.

— Этого не слѣдуетъ дѣлать. Могутъ увидѣть.

— Ну, такъ что же? — расхохоталась Берта. — Вы, въ роли милліардера, присвоили себѣ монополію говорить, что вамъ нравится, а я — въ роли интересной женщины, — дѣлаю то, что мнѣ вздумается.

— Yes, you are charming, exceedingly charming*) — убѣжденно проговорилъ Руллеръ.

— И что же вы рѣшили? — Берта съ задоромъ смотрѣла ему въ глаза.

— Я рѣшилъ вамъ это сказать.

— Для чего?

— Чтобы вы знали, что я могу быть не только во власти моихъ дѣлъ, но и во власти красивой женщины.

— А я недавно еще слышала, что вы никогда не тратите время на флертъ.

---

*) Да, вы прелестны... чрезвычайно прелестны...

— Это вѣрно. Мнѣ некогда. Женщинѣ, которая мнѣ нравится, я могу предложить все, что она захочетъ, если она въ то же время захочетъ меня.

Берта, сдерживая неопредѣленную улыбку, закусивъ губу и опустивъ глаза, перебирала длинную золотую цѣпочку, на которой висѣло маленькое, эмалью крытое, зеркальце. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Руллеръ отпилъ изъ бокала шампанское, неспѣша обрѣзалъ острый конецъ сигары, зажегъ ее, потянулъ теплую струю, медленно выпустилъ, прослѣдилъ за расплывшимся въ воздухѣ голубоватымъ дымкомъ и перевелъ взглядъ на Берту.

— Я сейчасъ думала о томъ, что эта цѣпочка была бы гораздо красивѣе, если бы она была длиннѣе и не золотая, а составленная изъ крупныхъ брилліантовъ.

— Very Well... — коротко отвѣтилъ американецъ.

— Я собиралась на дняхъ оставить Нью-Іоркъ, — помолчавъ проговорила Берта.

— Но вы перемѣните ваше рѣшеніе.

— Вы этого хотите? — Берта перегнулась впередъ и обдала Руллера огнемъ блещущихъ глазъ.

— Я этого очень желалъ бы.

— Very Well, — передразнивъ интонацію американца, кратко отвѣтила Берта и протянула ему руку.

Онъ взялъ ее, подержалъ въ своихъ короткихъ, сильныхъ пальцахъ, поднесъ къ губамъ и поцѣловалъ.

На слѣдующій день баронъ Фошаръ вошелъ въ комнату Берты въ ту минуту, когда она захлопывала продолговатый кожаный футляръ, внутри обитый бѣлымъ бархатомъ, на которомъ переливалось и сверкало длинное, баснословной цѣны, брилліантовое ожерелье, только что присланное ей отъ ювелира.

Она спрятала футляръ съ драгоцѣннымъ подаркомъ въ ящикъ письменнаго стола и повернула къ барону довольное лицо.

— Поѣдемте куда нибудь подальше, къ океану.

Она надѣла маленькую шляпку съ длинными, изъ легкаго газа, широкими концами, которые завязала большимъ бантомъ сбоку.

— Вы узнали насчетъ отъѣзда Арчевскаго?

— Узналъ. Онъ уѣзжаетъ въ понедѣльникъ, съ пароходомъ въ Геную.

— Въ этотъ понедѣльникъ? Черезъ четыре дня?

— Да.

— Какая поспѣшность! — Берта саркастически улыбнулась.

— Вѣроятно, и вы ускорите свой отъѣздъ? — Фошаръ лукаво посмотрѣлъ на Берту.

— Какъ разъ обратное: я задержусь дольше, чѣмъ я предполагала. Нью-Іоркъ и американскіе мужчины мнѣ начинаютъ нравиться.

— Я имъ очень благодаренъ.

— Какая кротость! — расхохоталась Берта, легко и быстро сбѣгая по широкимъ ступенямъ лѣстницы.

Вернувшись съ продолжительной прогулки, она передъ обѣдомъ имѣла съ мистеромъ Руллеромъ по телефону короткій разговоръ, изъ котораго онъ понялъ, что она осталась довольна его подаркомъ, и потому онъ просилъ разрѣшенія быть у нея къ десяти часамъ.

Въ тотъ же вечеръ Берта написала два письма, поручивъ Мартѣ отправить ихъ заказной почтой.

Въ письмѣ, адресованномъ мужу, она между прочимъ писала:

«Хотя я здѣсь очень много выѣзжаю, веселюсь и въ водоворотѣ шумной жизни не замѣчаю какъ бѣгутъ дни, однако, о тебѣ, мой милый другъ, думаю часто и жалѣю, что мы разстались съ такимъ нехорошимъ другъ къ другу чувствомъ. Пріѣхавъ сюда, я поняла, что мой капризъ испарился вмѣстѣ съ пароходнымъ дымомъ надъ волнами океана. Этотъ пѣвецъ оказался для меня менѣе интересенъ, чѣмъ даже мой смѣшной «Фигаро» — баронъ Фошаръ, который ходитъ за мной по пятамъ и никому не даетъ ко мнѣ близко подойти. На дняхъ слышала, что предметъ нашей съ тобой недомолвки уѣзжаетъ изъ Нью-Іорка въ Италію, что, впрочемъ, меня мало интересуетъ. Тебѣ будетъ пріятно узнать, что я подружилась съ семьей извѣстнаго милліардера Руллера, о которомъ мы слышали въ Парижѣ. У него красавица жена, и онъ до сихъ поръ влюбленъ въ нее по уши. Ты знаешь, что когда это нужно, то я умѣю быть ловкой, и потому, если хочешь, я постараюсь забрать его насколько возможно въ руки, чтобы привлечь въ наши дѣла. Онъ такъ страшно богатъ, что даритъ дамамъ брилліанты вмѣсто конфетъ. На дняхъ я съ нимъ подержала пари, онъ проигралъ и прислалъ мнѣ черезъ жену недурные брилліан-

ты. Это было очень мило. Напиши когда соскучишься по мнѣ и захочешь меня видѣть. Баронъ Фошаръ каждый день катаетъ меня за городъ въ своемъ щегольскомъ автомобилѣ, кормитъ конфетами, находитъ, что я очень похорошѣла и тяжело вздыхаетъ»...

Другое письмо было адресовано въ Италію на имя Сандры. На листкѣ, переданномъ ей барономъ Фошаромъ, было набросано рукой Берты всего нѣсколько словъ, но такъ, что подпись Арчевскаго и ея собственная вполнѣ естественно заканчивали короткое посланіе:

«Изъ отдѣльнаго кабинета, въ угарѣ вина и веселья, шлемъ Вамъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и пьемъ Ваше здоровье, милая свѣтлоокая наяда. Атмосфера Нью-Іорка имѣетъ какія то чары; словомъ, у насъ произошелъ неожиданный и взаимный coup de foudre. Я хочу подѣлиться съ Вами моимъ неожиданнымъ счастьемъ. Быть можетъ потому, что я много выпила, мнѣ кажется, что Вы порадуетесь за насъ обоихъ.

Всегда Вашъ искренній другъ Берта».

Ниже стояла подпись Арчевскаго.

Камеристка исполнила пунктуально отданное ей наканунѣ приказаніе: утромъ она сдала на почту оба письма. Одно изъ нихъ въ этотъ же день пошло во Францію; другое — черезъ день пошло въ Италію съ тѣмъ же пароходомъ, на которомъ Юрій Арчевскій, въ лихорадочномъ ожиданіи уже близкаго свиданія, сокративъ свои сборы, уѣзжалъ на два дня раньше назначеннаго срока.

XVII

Арчевскій высадился на берегъ Италіи съ мучительнымъ припадкомъ мигрени. Поручивъ комиссіонеру весь свой багажъ, онъ, съ пожелтѣвшимъ отъ нестерпимой боли лицомъ, сѣлъ въ отельную, ожидавшую пассажировъ у пристани, каретку и, закрывъ глаза и стиснувъ зубы, ждалъ минуты, когда онъ протянется на кровати въ темной одинокой комнатѣ.

Наконецъ, передъ нимъ открылась дверь номера. Спущенныя жалюзи не пропускали, назойливо бившихъ въ глаза, яркихъ солнечныхъ лучей; въ комнатѣ была прохлада и благодатный полумракъ. Арчевскій протяги-

ваясь на свѣжей постели, застоналъ отъ нестерпимой головной боли, однако, облегчаемой сознаніемъ, что кончилось длинное путешествіе, что нога его вступила на землю, гдѣ совсѣмъ близко живетъ любимая женщина, не подозрѣвающая, что онъ уже здѣсь, что часъ свиданія уже у порога.

Передъ его закрытыми глазами плыли темные круги. Онъ хотѣлъ ни о чемъ не думать, чтобы заснуть, но взволнованное воображеніе рисовало ему дорогой образъ, къ которому онъ стремился столько мѣсяцевъ, съ такой мучительной, настойчивой жаждой сердца. Онъ проклиналъ припадокъ мигрени и звалъ спасительный покой сна. Мало по малу мысли стали расплываться, неясныя очертанія образовъ сливались и таяли, переплетая недавнее съ давно прошедшимъ. Кровать тихо заколыхалась, почудился равномѣрный плескъ волнъ, ударявшихъ въ круглое оконце пароходной каюты. Вмѣстѣ съ рокотомъ волнъ откуда то ворвалась арія донъ Хозэ... блеснули подведенные охрой глаза Карменъ... оркестръ игралъ дуэтъ Ромео и Джульетты... публика рвалась къ рампѣ... изъ за кулисъ выглядывала Берта Креллинъ и истерично и зло хохотала, поднявъ до самыхъ колѣнъ розовую газовую юбку... Онъ бросился къ рампѣ, требуя, чтобы оркестръ игралъ арію Тореадора. На мѣстѣ дирижера опять увидѣлъ насмѣшливое и злое лицо Берты Креллинъ. Публика что то кричала, кто то бросалъ ему цвѣты. Онъ кинулся за кулисы. Передъ дверью его уборной стояла Сандра и, закрывъ лицо руками, тихо и горько рыдала. Онъ упалъ передъ ней на колѣни, застоналъ и открылъ глаза.

Комната тонула въ томъ же благодатномъ полумракѣ и тишинѣ. Голова была налита свинцомъ, но сдавливавшіе ее обручи ослабѣли. Онъ облегченно вздохнулъ, осторожно повернулся на бокъ, вспомнилъ обрывки сна, сейчасъ-же забылъ ихъ и мгновенно заснулъ крѣпкимъ, оздоровляющимъ организмъ, сномъ.

Въ то время, какъ проходили часы дня, и Арчевскій, погруженный въ крѣпкій сонъ, не участвовалъ въ стремительномъ оборотѣ жизненнаго колеса, — Сандра проснулась поздно, вспомнила, что наканунѣ пріѣхалъ изъ Château d'Aiglon ея мужъ, вспомнила его трогательную, нѣжную къ себѣ ласку и, думая о немъ, медлила вставать съ кровати, вокругъ которой спускался

изъ подъ рѣзного бронзоваго балдахина, широкими складками голубой шелкъ, защищавшій отъ яркихъ лучей солнца и отъ укусовъ назойливыхъ москитовъ.

Съ каждымъ днемъ она ощущала все больше и больше тяжесть младенца. Ноги опухали и тяжелѣли, часто болѣла поясница, трудно было, не измѣняя безпрестанно положенія, сидѣть и лежать. До родовъ оставалось менѣе мѣсяца, и хотя вся фигура сильно отяжелѣла и измѣнилась, однако, лицо, не утерявъ чистоты линій, оставалось не только такимъ же прекраснымъ, но новое выраженіе сосредоточенной, въ себѣ углубленной мысли, дѣлало его еще болѣе привлекательнымъ.

На звонокъ Сандры, вошедшая горничная отдернула драпировки и распахнула стекляныя двери, выходившія на террасу. Сразу вся комната какъ бы вспыхнула отъ яркаго солнца, наполнилась ароматами растеній, моря и ритмичнымъ плескомъ прибрежныхъ волнъ.

Отъ горничной Сандра узнала, что ея мужъ всталъ рано, купался и, выпивъ кофе, отправился на лодкѣ въ море, просивъ ей передать, что къ завтраку онъ будетъ дома.

Она протянула руку къ ночному столику, на которомъ лежалъ только-что привезенный ей мужемъ подарокъ — ручное овальное зеркало, оправленное въ художественной работы чеканное золото. Она стала внимательно разглядывать свое лицо, ища въ немъ измѣненій, но зеркало отразило ей чистой линіи овалъ съ нѣжной кожей, синеватыми жилками на вискахъ, съ нетронутымъ ни одной морщинкой лбомъ, увѣнчаннымъ раскинутыми по подушкѣ густыми, блестящими, переливающимися золотомъ длинными волосами. Синіе глаза подъ темной дугой смотрѣли сосредоточенно, что то затаивъ въ своей глубинѣ. Линія рта оставалась яркой. Ей не хотѣлось дурнѣть, не хотѣлось, чтобы ея мужъ — этотъ arbitrer eleganziarum, видѣлъ бы ея лицо, ея глаза не такими, какими онъ рисовалъ ихъ, какіе смотрѣли на него изъ золоченой рамы на стѣнѣ его кабинета.

Съ пріѣздомъ Вернэ вся вилла пріобрѣтала для Сандры иной, болѣе значительный видъ. Дни протекали быстрѣе и ярче; комнаты оживали, окрашивались инымъ колоритомъ, вмѣщая въ себѣ величественную фигуру

съ орлинымъ профилемъ и строгими глазами, отражавшими свѣтлую душу.

Лежа въ кровати и прислушиваясь къ плеску волнъ, Сандра съ удовольствіемъ думала о томъ, что черезъ два-три часа она будетъ сидѣть рядомъ съ мужемъ, будетъ слушать его разсказы о жизни въ Château d'Aiglon будетъ слышать его низкій мягкій голосъ.

Пріѣздъ Вернэ живой нитью связывалъ ее съ оставленнымъ гнѣздомъ, гдѣ протекло столько годовъ, спаявшихъ тѣснымъ кольцомъ ея жизнь съ жизнью ея мужа.

Набросивъ на плечи пенюаръ, она спустила съ кровати ноги и продѣла ихъ въ шелковыя туфли.

— А Юрій? Какъ-же Юрій?.. — опять затревожились назойливыя мысли. Она опустила голову и задумалась.—Господи, Ты знаешь мое сердце, Ты научишь меня...

Изъ-за кустовъ розоваго олеандра мелькнулъ зонтикъ Мари.

Сандра обозвала ее:

— Съ добрымъ утромъ, Мари! Если вы еще не пили кофе, то подождите меня, я скоро выйду.

— Конечно, подожду. Какъ вы спали, Сандра?

— Отлично. Вы видѣли Андрея?

— Да. Онъ очень счастливъ, что вы бодры и хорошо выглядите.

Сандра, забывъ тягостныя мысли раздвоенія своего я, съ лицомъ, озареннымъ радостью, стала съ помощью горничной поспѣшно одѣваться.

Въ столовой, со спущенными рѣшетчатыми ставнями, было прохладно. Мари укладывала въ хрустальныя вазы только что принесенные фрукты. Она перекладывала зеленымъ листомъ огромныя, коралловаго цвѣта, упруго глянцевитыя черешни, тяжелые, толстокожіе ярко оранжевые громадные апельсины и желто-зеленоватые изогнутые бананы.

— Что за чудесные фрукты! — Сандра подошла къ столу и стала ѣсть изъ плетеной корзинки черешни, нанизанныя тяжелыми гроздьями на гибкіе короткіе стебли.

На порогѣ двери, ведущей на террасу, появилась мощная фигура Андрея. Строго пропорціональный, атлетическаго сложенія, на яркомъ фонѣ солнечнаго дня

и блещущаго синевой моря, Вернэ непреодолимо воскрешалъ воспоминанія о мифическихъ богахъ.

— Андрэ! — радостно произнесла Сандра, подымаясь съ кресла и идя навстрѣчу мужу.

Она улыбалась ему, и въ глубинѣ голубыхъ глазъ онъ читалъ неподдѣльную радость и ласку. Она взяла его руку, хотѣла поднести къ губамъ, но присутствіе Мари удержало ее. Она прижалась къ нему и услышала хорошо знакомый ей запахъ тонкой сигары, смѣшанный съ запахомъ сильнаго одеколона, которымъ онъ для своего туалета пользовался какъ водой. Съ этимъ запахомъ сливалось все то, что составляло ея многолѣтнюю интимную жизнь съ мужемъ. Однимъ полетомъ мысли она мгновенно проникнулась сознаніемъ, что безъ этого человѣка ея жизнь потеряетъ основныя краски.

Въ ту минуту, какъ Сандра въ ласковомъ порывѣ вся прижалась къ мужу, онъ почувствовалъ ея выдавшуюся полноту. Сложное чувство волненія, безпокойства и еще чего-то, къ чему онъ не хотѣлъ прислушиваться охватило его. Онъ осторожно усадилъ ее въ кресло.

— Садись, тебѣ не хорошо стоять.

— Андрэ, какое сегодня чудное море, не правда ли?

— Чудесное. Если захочешь, то подъ вечеръ мы поѣдемъ на лодкѣ?

— Конечно, хочу. Мари такъ боится этихъ моихъ прогулокъ, что я, въ угоду ей, не подхожу больше къ лодкѣ.

Окончивъ кофе, Сандра отправилась въ кабинетъ мужа. Всегда пустая комната сразу ожила, и каждый предметъ получилъ иной, болѣе значительный видъ оттого, что былъ нарушенъ ея неподвижный порядокъ, оттого, что Андрей Вернэ какъ бы заполнилъ ее своей громадной, значительной фигурой, своими значительными мыслями. Письменный столъ ожилъ, въ большой хрустальной пепельницѣ были свѣжіе окурки сигаръ.

Сандра, сидя въ креслѣ, съ ногами, покоившимися на плюшевой подушкѣ, и мелькая иголкой надъ крошечной батистовой рубашечкой, то и дѣло взглядывала въ сторону мужа. Она испытывала чувство радостнаго успокоенія; какъ будто своей громадной фигурой онъ заслонилъ ее отъ всего, что вносило сомнѣніе въ ея душу.

Вернэ, сосредоточенный надъ дѣловыми письмами, все-же ни на минуту не забывалъ о присутствіи Сандры, о томъ сложномъ, странномъ чувствѣ, пережитомъ имъ въ то мгновенье, когда она прижалась къ нему. Напряженно работающая надъ самоанализомъ мысль уже выяснила, что между имъ и ею легла черта. За этой чертой была атмосфера ея материнства, которому онъ былъ чуждъ. Вернэ прочелъ въ себѣ эти мысли, какъ бы прочелъ ихъ въ книгѣ, которую онъ немедля закрылъ и отложилъ въ сторону.

Часы яркаго дня быстро промелькнули.

Послѣ завтрака сидѣли на террасѣ. Опустивъ на колѣни работу, Сандра, смотря на безконечную голубую даль моря, неизмѣнно думала о томъ близкомъ будущемъ, которое рѣшающимъ концомъ должно направить ея жизнь въ ту или иную сторону.

— О чемъ ты такъ задумалась?

Голосъ Вернэ вернулъ ее къ дѣйствительности.

— Я хотѣлъ спросить тебя, есть ли что-нибудь новое въ тетрадкѣ твоихъ стиховъ.

Она встрепенулась.

— О, да, есть.

Она принесла толстую тетрадь.

Въ изящной простотѣ лились строфы, ритмично-музыкальныя, ярко-картинныя.

Вернэ слушалъ, улавливая въ мысляхъ и образахъ нѣчто новое, созрѣвшее, какъ дань пережитыхъ смятеній души и горѣній сердца.

— Я правъ, — думалъ онъ. — Пусть жизнь обвѣваетъ ея душу бурными вѣтрами; пусть зрѣетъ сила духа въ борьбѣ, поискахъ счастья и правды. Какъ маякъ, близкій или далекій, я буду свѣтить ей и не дамъ потонуть.

Въ унисонъ музыкальнымъ рифмамъ ритмично и сонно ударялись о мраморъ ступеней, голубыя окаймленныя пѣной волны. Налеталъ вѣтеръ, неся соленый, влажный запахъ моря и ароматы сада съ олеандрами, густо осыпанными розовыми цвѣтами, съ миртами и темными, неподвижными кипарисами, что-то затаившими, что-то стерегущими между небомъ и землей.

XVIII

Солнце, ослѣпительно багряное, клонилось къ горизонту, заливая пурпурно-огненной полосой сливающуюся съ далекими небесами часть моря и оставляя другую его часть — бирюзово голубой. Сандра и Мари стояли на террасѣ, ожидая Андрея, чтобы ѣхать на лодкѣ. Казалась неосуществимой сказкой возможность скользить по залитой багрянцемъ, манящей переливающейся дали.

— Une lettre pour madame.

Горничная протянула на хрустальномъ подносикѣ письмо.

Продолговатый конвертъ съ тонкимъ размашистымъ почеркомъ показался Сандрѣ знакомымъ; однако, письма со штемпелемъ Нью-Іорка она получала только отъ Арчевскаго. Съ тревожнымъ чувствомъ она вскрыла конвертъ.

...«Изъ отдѣльнаго кабинета, въ угарѣ вина и веселья, шлемъ Вамъ»... начала читать Сандра и въ недоумѣніи перевернула страницу, чтобы узнать подпись.

...«Искренній другъ Берта... Юрій Арчевскій»... стояли одна подъ другой двѣ подписи.

Какъ молніей, стремительной предвѣстницей неожиданно налетающей бури, обожглось ея сердце. Она положила руку на грудь, тяжело перевела дыханіе и, съ испуганнымъ сердцемъ, перевернула страницу обратно, чтобы прочесть письмо.

Въ ту же минуту Мари услышала за своей спиной короткій жалобный стонъ. Она быстро обернулась: Сандра медленно опрокидывалась, хватаясь ослабѣвающими руками за края мраморной балюстрады. На полу подлѣ нея лежало письмо. Мари не успѣла добѣжать. Сандра упала, задѣвъ плечомъ и головой небольшой столикъ, на которомъ стояла ваза съ цвѣтами. Фарфоръ, съ чистымъ яркимъ звономъ, разлетѣлся на нѣсколько осколковъ.

— Андрэ, Андрэ!... Скорѣе сюда!.. — услышалъ Вернэ отчаянный призывъ Мари.

Однимъ движеніемъ онъ поднялъ потерявшую сознаніе жену и легко опустилъ на плетеную кушетку.

— Что случилось?

— Не знаю, — растерянно отвѣтила Мари.

— Подберите, другъ мой, это письмо и спрячьте его. Вызовите по телефону доктора. Поскорѣе воды и нашатырнаго спирта.

До прихода доктора привести Сандру въ чувство не удалось. Вернэ перенесъ ее въ спальню и, поручивъ ее заботамъ доктора и Мари, удалился на террасу.

— Вотъ онъ, первый ударъ грома, первый порывъ жизненной бури... — думалъ онъ, спускаясь къ самому морю, подставляя лобъ вѣтру и глядя на далекій горизонтъ, гдѣ уже поблѣднѣлъ далекій закатъ. Онъ не сомнѣвался, что письмо было отъ Арчевскаго или имѣло связь съ его именемъ.

Сандра съ помощью врача очнулась отъ глубокаго обморока. Изъ подъ опущенныхъ вѣкъ медленно скатывались слезы. Мари, склонясь надъ ней, молча гладила ей руку.

— У васъ что нибудь болитъ? — спросилъ докторъ.

— У меня болитъ душа. — Слезы потекли обильнѣе, смѣнились тихими рыданіями.

Врачъ вышелъ на террасу, намѣренно оставивъ больную наединѣ съ Мари. Сандра обняла ее и прижалась лицомъ къ ея груди.

— Какъ мнѣ тяжко!.. Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжко!.. Гдѣ это страшное письмо?

— Я его спрятала.

— Вы его прочли?

— Конечно, нѣтъ.

— Прочтите... Вѣдь вы догадываетесь обо всемъ.

Мари прочла и, съ чувствомъ негодованія, отбросила письмо.

— Ложь! Этого не можетъ быть.

— Однако, вы видите его подпись. Мари, милая, я не переживу этого ужаса. Гдѣ же его сердце, его безграничная любовь?! Значитъ, ничего не было... Значитъ, всѣ его письма, обманъ... Ужасъ, ужасъ! Зачѣмъ онъ послалъ мнѣ это письмо! Вѣдь мы оба можемъ погибнуть: и я, и его дитя... — рыдала Сандра.

— Сандра, успокойтесь хоть на минуту. Попробуйте хладнокровно все взвѣсить. Когда вы имѣли отъ него послѣднее письмо?

— Три дня тому назадъ. Такое же, какъ и всегда, чудесное, полное любви. Неужели онъ могъ такъ страшно обманывать мою любовь?! Мари, я сойду съ ума.

— Нѣтъ, нѣтъ, возьмите себя въ руки. Я не сомнѣваюсь, что тутъ что-то не такъ. Несмотря на очевидность письма, я не вѣрю тому, что тамъ написано. Арчевскій не способенъ на подобную подлость; что же касается Берты, то она всегда казалась мнѣ мало доброй, способной на зло.

— Что же дѣлать, Мари? Помогите, ради Бога, помогите какъ нибудь.

— Я пошлю сейчасъ Арчевскому срочную телеграмму. Черезъ нѣсколько часовъ у насъ будетъ отвѣтъ.

— Гдѣ Андрей?

— Я позову его къ вамъ. Его присутствіе вамъ поможетъ. Постарайтесь успокоиться, это необходимо для васъ и для малютки.

Когда море начало темнѣть, подергиваясь сгущающимися сумерками и сливаясь на горизонтѣ съ небесами, посылавшими землѣ первыя ночныя тѣни, изъ комнаты Сандры раздался, остро прорѣзавшій наступающую тишину ночи, протяжный, жалобный стонъ.

Въ бѣлой виллѣ началась тревожная суета.

Мари, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и сосредоточеннымъ испуганнымъ взглядомъ, безшумно и точно исполняла приказанія врача.

Вернэ, сидя вплотную подлѣ кровати жены, сжималъ въ своей силной рукѣ ея похолодѣвшіе пальцы. Между его бровей выступила, никогда не появлявшаяся до тѣхъ поръ, грозная складка. Онъ проклиналъ имя того, кто, онъ не сомнѣвался, былъ виновникомъ нагрянувшей катастрофы.

— Не отходи, будь со мной, — прерывисто шептала Сандра, когда боли утихали.

Съ неожиданной быстротой онѣ начали усиливаться и учащаться.

Въ дверяхъ спальни показалась Мари. Незамѣтнымъ движеніемъ руки она вызвала Андрея.

— Другъ мой, происходитъ нѣчто, что заставляетъ меня настоятельно просить васъ немедля прочесть эти оба письма.

Она протянула ему письмо, полученное днемъ и вызвавшее обморокъ Сандры, и второе, только что доставленное съ посыльнымъ.

— Я распечатала и прочла. Что надо дѣлать?

Послѣ прочтенія перваго письма, складка между бро-

вей вздулась еще сильнѣе, глаза грозно блеснули и потемнѣли отъ гнѣва. Онъ прочелъ второе письмо и на секунду задумался.

— Что дѣлать? — повторила Мари.

— Что-жъ, пусть пріѣзжаетъ! — сдерживая накипающій гнѣвъ, проговорилъ Вернэ. — Онъ сообщаетъ, что черезъ полчаса будетъ здѣсь; предупреждаетъ о своемъ пріѣздѣ, чтобы не взволновать неожиданнымъ появленіемъ. Странная предупредительность, совершенно не вяжущаяся съ пьяной откровенностью предыдущаго посланія. Я приму его въ саду...

Вернэ не договорилъ: раздался жуткій, ни на что непохожій, крикъ. Андрей поблѣднѣлъ.

— Идите, идите, вамъ не надо здѣсь оставаться. — Мари взяла его подъ руку и, черезъ террасу, прикрывъ за собой дверь, спустилась въ садъ. Донесся заглушенный не то вопль, не то вой, похожій на вой звѣря.

— Боже, какъ это страшно!.. Идите къ ней... Не отходите отъ нея... Если что нибудь... — Вернэ не договорилъ, — то я буду все время въ саду. Да идите же скорѣе къ ней!.. — нетерпѣливо повторилъ онъ, испытывая жуткое чувство отъ непрекращающагося длительнаго, страшнаго крика, несшагося изъ комнаты его жены.

Мари, подхвативъ спереди длинный подолъ бѣлаго платья, бѣгомъ поднялась по ступенямъ и, въ спускавшихся сумеркахъ, скрылась за дверью.

Вернэ силился сосредоточить свои мысли на предстоящемъ свиданіи съ Арчевскимъ, ища разобраться въ психологіи человѣка, которая казалась ему ясной и послѣдовательной до прочтенія рокового письма. Онъ шагалъ взадъ и впередъ по обсаженной кипарисами аллеѣ, ведущей отъ калитки къ берегу моря. Заложивъ руки за спину, окутанный сумерками, онъ, давно привыкшій къ роли зрителя жизни, впервые почувствовалъ, что ея волны подкатились къ самымъ его ногамъ, и что черезъ нѣсколько минутъ онъ уже не сможетъ быть ея пассивнымъ наблюдателемъ.

Скрытый, глухой гнѣвъ, все болѣе и болѣе обозначавшій глубокую борозду между бровей, искалъ выхода.

Въ наступившей тишинѣ послышался отдаленный шумъ приближавшагося со стороны шоссе автомобиля.

Вернэ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ

калиткѣ. Осторожно пробравшіеся, черезъ гущину вѣтвей, первые лучи мѣсяца бросили колеблющійся узоръ тѣни у его ногъ. Быстро подкатившій автомобиль остановился.

Калитка открылась. Вернэ перевелъ дыханіе, усиліемъ воли закрылъ какой то рвущійся изнутри себя клапанъ и поднялъ глаза: передъ нимъ стоялъ Арчевскій.

— Мосье Вернэ?!... — Голосъ Арчевскаго оборвался. — Я сегодня только пріѣхалъ... здравствуйте...

Волненіе Арчевскаго было такъ велико, что онъ не находилъ, что слѣдовало ему сказать Андрею де Вернэ, котораго онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить у самаго порога жилища, куда столько мучительныхъ мѣсяцевъ стремились всѣ его помыслы.

Вернэ, продолжая глядѣть въупоръ на Арчевскаго, молчалъ, чувствуя, какъ просыпается въ немъ, невѣдомый ему до тѣхъ поръ, бѣшеный звѣрскій гнѣвъ.

Внезапный страхъ, ужасъ чего то неожиданнаго налетѣлъ на душу Арчевскаго. Онъ шагнулъ впередъ и только что хотѣлъ что- то произнести, какъ въ тишину ночи ворвался глухой, страшный вопль.

— Что это? — Арчевскій отшатнулся, потомъ бросился къ Вернэ и схватилъ его за руку.

Тотъ съ силой отдернулъ руку.

— Это сдѣлали вы! — задыхаясь отъ бѣшенства, переставая владѣть собой, произнесъ Вернэ.

Арчевскій увидѣлъ блѣдное, озаренное луной, искаженное гнѣвомъ, лицо и въ ту же секунду понялъ, что творилось въ бѣлой виллѣ. Онъ схватился за голову. Въ этомъ жестѣ было столько ужаса и отчаянія, что Вернэ, за секунду передъ тѣмъ чувствовавшій непреодолимое желаніе опустить на эту голову свой мощный кулакъ, пересилилъ себя и, вынувъ изъ кармана письмо, полученное Сандрой, протянулъ ему.

— Перечтите. Что может заслуживать человѣкъ, подписавшійся подъ этой подлостью?! — Голосъ Вернэ былъ полонъ гнѣва и презрѣнія.

Арчевскій, весь обратившійся въ комокъ нервовъ и ужаса отъ дикаго, несовмѣстимаго съ образомъ Сандры, звѣринаго крика, пронизывавшаго его сердце страхомъ и желаніемъ броситься туда, откуда доносились эти нечеловѣческіе звуки, схватилъ дрожавшей рукой

протянутый ему листокъ. Шагнувъ всторону, онъ подставилъ его подъ лучи мѣсяца.

Письмо упало на землю. Арчевскій пошатнулся, съ глухимъ стономъ охватилъ руками стволъ кипариса и, обезсилѣвъ, прижался къ нему головой.

Клапанъ, готовый взорваться отъ гнѣва, мгновенно пересталъ биться въ сердцѣ Вернэ. Туго надувшаяся жила поперекъ лба начала опадать. Онъ вспомнилъ письмо безъ подписи, полученное имъ однажды, и уже началъ отгадывать истину.

— Она повѣрила!.. она могла повѣрить!.. я сойду съ ума!.. — стоналъ Арчевскій, прижимаясь гловой къ стволу кипариса, по которому, все ниже и ниже захватывая весь стволъ, медленно скользилъ лучъ мѣсяца.

— Я виноватъ передъ вами, но, видитъ Богъ, я не виноватъ передъ ней даже мыслію. Я жизнь, я душу готовъ отдать за нее!..

— Но это письмо?

Онъ оторвался отъ ствола и схавитилъ руку Вернэ:

— О, я понялъ, теперь я понялъ, кому и для чего нуженъ былъ мой автографъ... Страшная женщина!.. Она отомстила мнѣ за отвергнутое чувство, не пощадивъ святыню сердца.

Опять ворвался въ тишину страшный крикъ. Арчевскому показалось, что крикомъ этимъ охваченъ весь садъ, море, небо, весь міръ, вся вселенная; что въ этомъ крикѣ онъ слышитъ приговоръ себѣ чего то ужаснаго, что не можетъ вмѣстить въ себя ни его мозгъ, ни сердце, ни душа. Обезумѣвшій отъ горя, съ перекошеннымъ блѣднымъ лицомъ, онъ съ силой отстранилъ заграждавшаго ему путь Вернэ и бросился къ дому, чтобы ворваться къ ней, чтобы сказать ей, что онъ неповиненъ.

— Остановитесь! — крикнулъ ему Вернэ, но онъ, не слушая, обогнулъ по аллеѣ уголъ дома, взбѣжалъ на террасу, открылъ ее и, не зная куда бѣжать дальше, остановился.

Въ ту же минуту открылась дверь изъ сосѣдней гостиной. Мари, стремительнымъ шагомъ, вошла въ комнату, держа флаконъ съ одеколономъ и чистое полотенце.

— Гдѣ она?.. гдѣ она? Ради Бога, пустите меня къ ней... я неповиненъ ни въ чемъ! — бросился къ ней Арчевскій, хватая ее за руки. — Пустите меня къ ней... я

схожу съ ума!.. Письмо — сплошная ложь и подлость. Она должна узнать правду сейчасъ-же.

Арчевскій былъ непохожъ на себя: лицо его выражало высшую степень отчаянія и ужаса. Онъ тяжело дышалъ, губы вздрагивали и кривились.

— Это невозможно. Ей очень трудно, она ничего не пойметъ.

— Я молю васъ... я требую!.. — Арчевскій, внезапно охваченный гнѣвомъ, злобно сжалъ зубы.

— Мой другъ, это невозможно — васъ не пуститъ докторъ. Нуженъ полный покой, такъ какъ, повторяю, ей очень трудно. Сейчасъ, кромѣ доктора, ей никто помочь не можетъ.

— Не вынесу... не выдержу!.. — застоналъ Юрій.

Въ то же мгновенье откуда-то совсѣмъ близко ворвались и заполнили всѣ углы дома страшные звуки, отъ которыхъ у Арчевскаго помертвѣло сердце. Онъ упалъ на колѣни и, уткнувъ голову въ уголъ кресла и мотая ею какъ раненый звѣрь, началъ стонать глухимъ и протяжнымъ стономъ.

За его спиной стоялъ Вернэ, со страннымъ выраженіемъ всегда непроницаемыхъ глазъ. Новыя, глубокія и сложныя мысли, разрушавшія давно продуманную систему о строительствѣ человѣческаго счастья, сами собой рождались въ его мозгу.

Онъ нагнулся къ Арчевскому и тронулъ его за плечо:

— Встаньте. Пойдемте въ садъ.

Но Арчевскій не слышалъ его. Вся его страстная натура, весь темпераментъ, вся импульсивная сила сплелись въ одинъ комокъ страданія.

Мари дрожавшей рукой налила въ стаканъ воды.

— Пусть онъ выпьетъ. Я спѣшу туда.

— Что говоритъ докторъ? — спросилъ Вернэ.

— Онъ очень озабоченъ. Сейчасъ дадутъ наркозъ.

Вернэ взялъ Арчевскаго за плечи, заставилъ подняться, выпить воды и выйти въ садъ. Они опустились на скамейку. Арчевскій сидѣлъ согнувшись, охвативъ всклокоченную голову обѣими руками. Изъ бѣлой виллы больше не доносились крики. Все было тихо, и Арчевскому эта тишина казалась еще страшнѣе.

— Курите, — предложилъ Вернэ.

— Не могу... Вы ненавидите меня? — глухо спросилъ онъ, послѣ долгаго молчанія.

— Мнѣ жаль васъ, — просто отвѣтилъ Вернэ, не отрывая взгляда отъ разорванныхъ легкихъ облаковъ, медленно скользившихъ подъ яркой луной.

Арчевскій почувствовалъ, какъ нервный клубокъ подкатился къ самому горлу. Передъ этимъ большимъ, съ желѣзной волей, человѣкомъ онъ показался самому себѣ слабымъ и больнымъ. Въ душѣ поднялась волна стыда за обманъ.

— Послушайте... я долженъ сейчасъ-же объясниться съ вами... мнѣ стыдно... Какъ могъ я такъ долго молчать? Мы должны рѣшить...

— Не мы должны рѣшать. Рѣшитъ сама жизнь. Вы видите, что жизнь сильнѣе насъ.

Луна выплыла изъ ряда густо засаженныхъ кипарисовъ, стоявшихъ неподвижными, темными-безмолвными стражами, и ударила матово голубымъ свѣтомъ въ лицо Вернэ и Арчевскаго.

— Если можете, — простите обманъ,— глухо проговорилъ Арчевскій.

— Обмана не было... я зналъ.

— И вы молчали?! — вырвалось у Арчевскаго.

— Цѣль жизни — найти возможно высшую гармонію своего внутренняго я и помочь ближнему въ достиженіи счастья. Это сложнѣе и труднѣе, чѣмъ быть помѣхой, чѣмъ вести счеты съ личнымъ самолюбіемъ и эгоизмомъ.

Арчевскій былъ пораженъ. Нервный клубокъ сильнѣе сдавилъ горло. Охваченный стыдомъ и горемъ, онъ готовъ былъ броситься къ Вернэ, обнять его, искать въ его силѣ поддержку и утѣшеніе, но взглядъ, сосредоточенный на медленно плывущихъ подъ луной облакахъ, окаймленныхъ перламутромъ, былъ строгъ и далекъ отъ него.

— Идите къ себѣ. Когда кончится, я вамъ сообщу по телефону, — послѣ долгаго молчанія произнесъ Вернэ.

— Я не въ силахъ уйти. Если я вамъ мѣшаю, то я могу уйти за рѣшетку сада и буду ждать у калитки.

Арчевскій поднялся, но Вернэ удержалъ его за рукавъ:

— Вы мнѣ не мѣшаете. Я думалъ о васъ, а не о себѣ.

Прошло много времени, мучительнаго, безконечно тянувшагося. Нѣсколько разъ Вернэ вставалъ, черезъ

террасу шелъ въ бѣлую виллу и возвращался обратно съ болѣе и болѣе строгимъ лицомъ. Жизнь Сандры была въ опасности. Арчевскій метался, начиналъ безсвязный разговоръ, умолкалъ на полу-фразѣ, стоналъ, хватался за терявшую мысли, обезумѣвшую голову.

Сіяніе мѣсяца совсѣмъ поблѣднѣло. Надъ горизонтомъ порозовѣло нѣжное продолговатое облако. Голубая даль посвѣтлѣла. Открылась дверь террасы, и Мари, съ осунувшимся пожелтѣвшимъ лицомъ и потухшими, опухшими отъ слезъ, глазами, тихо позвала Вернэ, спускаясь со ступеней въ садъ.

— Она спасена, но ребенокъ погибъ.

— Спасена!!... — съ воплемъ вырвалось изъ груди Арчевскаго. Онъ схватилъ руки Мари и, плача и цѣлуя ихъ, прижималъ ихъ къ своему лицу.

— Скажите, скажите же ей, когда можно будетъ, что я готовъ умереть за зло, причиненное ей этой страшной женщиной.

— Успокойтесь, поѣзжайте къ себѣ и ложитесь спать. Утромъ я позвоню вамъ, — проговорилъ Вернэ, кладя руку на плечо Арчевскаго.

Не въ силахъ справиться со страшной нервной реакціей, Арчевскій бросился къ нему и зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Бѣдное человѣческое счастье!... — подумалъ Вернэ и, полный состраданія, обнялъ вздрагивающія плечи приникшаго къ нему человѣка.

XIX

Прошла недѣля, мучительная, безсонная для Арчевскаго. Сандра была такъ слаба, такъ сильно было нервное потрясеніе, что, боясь осложненій, врачъ строжайше предписалъ полный покой. Вернэ и Мари, смѣняясь, дежурили подлѣ нея.

Блѣдная, неподвижная, Сандра лежала съ ослабѣвшими протянутыми поверхъ одѣяла руками, съ закрытыми глазами, изъ которыхъ часто скатывались тихія слезы матери, утерявшей счастье и радость материнства.

Вернэ клалъ ей на голову руку и, въ сосредоточен-

номъ молчаніи, напряженіемъ воли посылалъ ей волну успокоенія. Окутанная этой волной, она иногда засыпала.

Когда Мари сообщила ей о пріѣздѣ Арчевскаго и о подложномъ письмѣ, Сандра перекрестилась и молитвенно сложила руки.

— Это намъ обоимъ наказаніе за грѣхъ противъ мужа, — произнесла она и больше не заговаривала и не спрашивала объ Арчевскомъ, который каждый день долгими часами безцѣльно бродилъ взадъ и впередъ по шоссѣ мимо бѣлой виллы.

Когда докторъ установилъ процессъ выздоровленія, Вернэ объявилъ о необходимости его возвращенія въ замокъ, съ тѣмъ, что онъ вернется, какъ только Сандра этого захочетъ.

Арчевскій въ день его отъѣзда получилъ изъ бѣлой виллы письмо:

«Сандра выздоравливаетъ. Дѣла вызываютъ меня въ замокъ, и сегодня я уѣзжаю. Я думаю, что теперь вы могли бы навѣстить больную. Вернэ».

У Арчевскаго задрожали руки. Со спутанными мыслями, не находя себѣ мѣста, онъ едва дожилъ до слѣдующаго дня, едва не заболѣлъ, ожидая изъ бѣлой виллы телефона въ отвѣтъ на посланное утромъ письмо.

Наконецъ, его вызвали къ аппарату. Черезъ Мари Сандра звала его къ себѣ.

Стоялъ жаркій день. Яркія краски били въ глаза, искрилось голубое море. Ничего этого Арчевскій не видѣлъ. Стремительный ходъ автомобиля по опустѣвшему въ знойный часъ шоссе, казался ему недостаточно быстрымъ. Воспаленными, отъ долгихъ безсонныхъ ночей, глазами онъ отсчитывалъ виллы, хорошо заученныя имъ за эти дни безцѣльнаго взадъ и впередъ хожденія по шоссѣ. Моторъ еще работалъ, когда онъ, рискуя сломать ноги, выскочилъ передъ рѣшеткой виллы и, сунувъ шофферу первую попавшуюся въ портмонэ бумажку, взялся за ручку калитки.

— Signor, signor, è tropo pocco! (слишкомъ мало) — негодующе обозвалъ его шофферъ, глядя на скомканную бумажку въ двѣ лиры.

Арчевскій, не глядя, вынулъ бумажку въ сто лиръ, сунулъ въ руку удивленнаго шоффера и бросился къ калиткѣ.

— E un pazzo! (это сумасшедшій). — Шофферъ повертѣлъ пальцами передъ собственнымъ лбомъ и медленно поѣхалъ обратно.

Мари ждала Арчевскаго на террасѣ:

— Постарайтесь быть спокойнымъ. Докторъ разрѣшилъ вамъ пробыть у нея не больше десяти минутъ. Она еще очень слаба, и нервы у нея сильно напряжены. Идите, она ждетъ васъ.

Въ полусвѣтѣ спущенныхъ жалюзи, Арчевскій увидѣлъ блѣдное лицо, большіе, казавшіеся еще больше отъ исхудавшаго лица, голубые глаза, грустные и строгіе, и золотую волну любимыхъ волосъ, падавшую съ подушки къ полу. Силясь сдержать подступавшія къ горлу рыданія, онъ опустился передъ кроватью на колѣни и прижался лбомъ къ протянутой ему блѣдной, дорогой, тоже похудѣвшей рукѣ.

— Родная моя!.. родная моя!.. любимая!.. единственная! — шепталъ онъ, орошая ея руку слезами и прижимая къ губамъ.

— Бѣдный, какъ вы измѣнились, — проговорила она, проводя пальцами по его волосамъ.

Арчевскій вздрогнулъ, поднялъ голову. Въ глазахъ его было выраженіе испуга и отчаянія.

— Сандра, ты мнѣ говоришь — вы?

Она вздохнула и устало закрыла глаза.

— Потомъ, милый, потомъ... теперь ничего не надо говорить.

— Ты разлюбила меня, Сандра?

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый, но я многое поняла.

— Я твой рабъ, я твой слуга; приказывай, что хочешь требуй, но не гони меня отъ себя. Я не вижу жизни безъ тебя. Поправляйся скорѣе, я на рукахъ унесу тебя далеко, далеко, я заставлю тебя въ лучахъ и краскахъ моей любви забыть весь міръ. Милая, родная, мы будемъ счастливы, вѣдь ты моя святыня, моя неугасаемая лампада... Если бы ты не выжила, я ушелъ бы за тобой, мой ангелъ, мой нѣжный, благоуханный цвѣтокъ...

Нѣжныя слова любви текли и текли потокомъ изъ устъ Арчевскаго.

Сандра молчала и, тихо проводя рукой по его волосамъ, неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла передъ собой.

Сандра, ты слышишь меня? Скажи мнѣ, что скоро мы будемъ опять вмѣстѣ и навсегда.

— Потомъ, милый, потомъ... — продолжая упорно смотрѣть въ одну точку, проговорила Сандра.

Онъ увидѣлъ строгій, что-то таившій въ себѣ взглядъ и почувствовалъ въ сердцѣ холодъ. Онъ понялъ, что въ душѣ ея происходило что-то сложное и новое, зрѣло какое-то рѣшеніе суровое и страшное для него. Онъ поднялся съ колѣнъ, сѣлъ подлѣ кровати на кресло и опустилъ голову, зажавъ ее между ладоней.

— Ты разлюбила меня, — уныло прошепталъ онъ, послѣ долгихъ минутъ молчанія. — Ты отошла отъ меня. За что? Я пережилъ за эти мѣсяцы разлуки столько страданій, столько горя.

— Отца моего погибшаго дитяти я не могу разлюбить.

— Да благословитъ тебя Господь за эти слова.

За дверью послышались шаги. Вошла Мари и движеніемъ головы дала понять Арчевскому, что ему надо уходить.

— Когда мнѣ можно прійти? — тревожно спросилъ онъ.

— Мари позвонитъ вамъ. Я очень устала, мой милый. — Сандра закрыла глаза.

Арчевскій печально вышелъ изъ комнаты. Ему казалось, что вслѣдъ за нимъ вышелъ кто-то молчаливый, сурово- угрожавшій и, не отставая отъ него ни на шагъ, послѣдовалъ за нимъ.

Опять началась мука томительнаго ожиданія призывнаго звонка изъ бѣлой виллы. Мари, по его просьбѣ, звонила ему утромъ и вечеромъ, сообщая о состояніи здоровья больной, и каждый разъ просила повременить еще нѣсколько дней, подождать, пока Сандра окрѣпнетъ и встанетъ съ кровати. Безконечное количество нестройныхъ мыслей, мучительныхъ вопросовъ, сомнѣній и надеждъ проносилось въ воспаленномъ, усталомъ мозгу Арчевскаго. Онъ приходилъ въ отчаяніе, плакалъ, молился то съ тоской, то съ надеждой. Все, что не было связано съ именемъ Сандры, поглотилось во тьму, точно вычеркнулось изъ памяти. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней, мимолетно стремительныхъ для жизни, мучительно долгихъ для Арчевскаго, его позвали въ бѣлую виллу. Въ подсознаніи былъ страхъ, что тотъ кто-

то, кто слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, уже подошелъ вплотную, чтобы выполнить какую-то страшную угрозу. Онъ отправился пѣшкомъ, инстинктивно отдаляя этотъ страшный моментъ, который, онъ предчувствовалъ, ждетъ его въ бѣлой виллѣ, въ той комнатѣ, изъ которой онъ унесъ гнетущее, неотступное воспоминаніе большихъ, печально и строго глядѣвшихъ, глазъ.

Сандра сидѣла въ креслѣ подлѣ открытаго окна, изъ котораго была видна безконечная даль моря и небесъ. Подлѣ нея стояла ваза съ густо-алыми розами, которыя каждое утро ей посылалъ Арчевскій. Въ бѣломъ кружевномъ одѣяніи, съ подхваченными въ тяжелый узелъ волосами, сильно похудѣвшая, она имѣла видъ хрупкаго дѣвственнаго мрамора, только что вышедшаго изъ подъ рѣзца. Она встрѣтила его тихой улыбкой.

— Вотъ видите, я уже почти здорова.

Онъ сѣлъ совсѣмъ близко подлѣ нея и, взявъ ея руки, цѣловалъ и гладилъ ихъ, смотря въ ея свѣтлые глаза, ставшіе для него загадочными.

— Я счастливъ, что тебѣ лучше.

— Какъ вы плохо выглядите, милый. — Она грустно вздохнула.

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ — вы?! Вѣдь я страдаю отъ этого.

— Иначе нельзя, Юрій... Я все передумала, все поняла...

— Не надо, не надо... не продолжай... — въ страхѣ протянулъ къ ней руку Арчевскій.

— Милый, надо все сказать. Будемъ сильны духомъ.

— Что можемъ мы говорить, когда жизнь уже все сказала, когда страданія закрѣпили и освятили чувство?!

— Нѣтъ, Юрій, страданія, можетъ быть, отчасти искупили грѣхъ, но не больше.

Арчевскій поднялся съ кресла.

— Я предчувствовалъ, что иду на смерть: ты разлюбила меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, Юрій, — она протянула къ нему обѣ руки. — Я никогда не разлюблю тебя, вѣдь ты отецъ моего дитяти, но эта любовь должна быть теперь совсѣмъ другая: чистая, хорошая, безъ обмана, безъ сомнѣній и раздвоенія души, безъ низкой страсти, — любовь души.

— Да вѣдь это же не любовь!! Зачѣмъ ты говоришь мнѣ такія страшныя вещи?! Я такъ изстрадался въ этомъ

проклятомъ Нью-Іоркѣ вдали отъ тебя, напряженно живя только ожиданіемъ твоихъ писемъ... Затѣмъ ужасъ сознанія, что ты могла повѣрить жестокой клеветѣ на мое святое къ тебѣ чувство... муки ожиданія увидѣть эти милые, родные глаза, услышать ласковое слово... Всей этой мукой сердца, мыслей и души — неужели я не искупилъ грѣхъ, если ты считаешь грѣхомъ нашу святую любовь?!

— Да, можетъ быть, мы и искупили страданіемъ нашу любовь, но грѣхъ обмана лучшаго и чистѣйшаго человѣка остался на насъ. Мы не должны больше обманывать его.

— Конечно, не должны. Я просилъ твоего мужа простить меня...

— А-а!.. и что-же?

— Онъ все зналъ, онъ все понималъ. Онъ сказалъ, что твое счастье, какъ и твоя жизнь принадлежатъ одной тебѣ. Милая, все будетъ такъ, какъ ты захочешь. Я не сомнѣваюсь, что онъ уѣхалъ, чтобы дать тебѣ полную свободу видѣться со мной. Онъ прислалъ мнѣ записку, что уѣзжаетъ, что я могу видѣть тебя. Онъ знаетъ, что мы должны съ тобой рѣшить...

— Уже все рѣшено, — прошептала Сандра.

Въ ея воображеніи образъ мужа выросъ еще больше во всей силѣ и глубинѣ его душевныхъ качествъ.

— Все рѣшено... Я не могу, не должна отдѣлить свою жизнь отъ жизни моего мужа. Вдумайтесь, поймите меня душой большого артиста: уйти отъ Андрея невозможно. Вы сами видите, какъ велико благородство его души. Вы чувствовали раздвоеніе моей души даже въ самые острые моменты нашихъ переживаній. Я нарушала въ себѣ равновѣсіе, гармонію чувствъ и мыслей. Не можетъ быть двухъ правдъ: правда только одна.

— А я? Что же я былъ для васъ? За что же вы сломали мою жизнь? Какъ вы безъ Вернэ, такъ я безъ васъ существовать не могу.

— Юрій, вы были для меня такъ много, что я, несмотря на всю силу непроизвольнаго вліянія Вернэ, пошла за вами и должна была быть матерью вашего ребенка.

— Тогда вы оставили бы вашего мужа и пошли бы за мной?

— Я не знаю... не знаю... Мой дорогой другъ, простите меня. Я знаю, что сейчасъ вы не можете понять ме-

ня. За эти двѣ недѣли я много, много молилась и многое поняла. Нельзя нарушать законы сердца — они святы. Я виновата больше васъ, и я больше васъ наказана. Я несу тяжесть обмана передъ моимъ мужемъ, страданіе потери любимаго дитяти и тяжесть причиненныхъ вамъ страданій.

— И поэтому ты хочешь еще болѣе увеличить и свои и мои страданія?! Мнѣ кажется, что все это говоришь не ты, а какая-то другая женщина. Прежняя Сандра не могла бы произносить такихъ страшныхъ словъ. Что съ тобой сдѣлалось? За что ты разлюбила меня? Сандра, Сандра, вспомни нашу чудесную любовь, вспомни все, что пережито, счастливаго и прекраснаго, вспомни, что я измученъ разлукой, измученъ всѣмъ пережитымъ за это время. Нѣтъ, ради всего святого, не говори мнѣ этихъ чудовищныхъ, страшныхъ вещей. Я не хочу вѣрить.

Арчевскій опустился на колѣни подлѣ ея кресла и, сжимая ея дрожащія отъ волненія и слабости руки, умоляюще смотрѣлъ ей въ глаза, ища въ нихъ отвѣта на свою мольбу; но печальные глаза были опущены. Изъ нихъ тихо катились слезы.

Она тяжело вздохнула и устало откинулась на спинку кресла.

— Ну, скажи же, скажи мнѣ, Христа ради, что нибудь, — умолялъ Арчевскій, чувствуя смертельную тоску, обволакивавшую его сердце.

— Дорогой мой, я не смѣю поступить иначе. Въ моихъ молитвахъ я обѣщала Богу.

— О, Господь благостенъ: Онъ видитъ и мою муку, и мою любовь къ тебѣ!

— Я не могу бросить Андрея, я не могу заплатить зломъ за его благородство души по отношенію насъ обоихъ.

— Значитъ, ты его любишь больше меня?

— Ахъ, я не знаю, не знаю... но я знаю, что я должна быть съ нимъ. Не мучь меня, — я должна.

Арчевскому показалось, что ледяная рука сжала его сердце и остановила стремительное сумбурное теченіе, лихорадочно переплетавшихся мучительныхъ, мыслей. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился среди комнаты, съ чувствомъ огромной пустоты внутри и вокругъ себя.

— Что ты сдѣлала со мной?! Но, ничего... ничего... я

совершенно спокоенъ, — страннымъ голосомъ проговорилъ Арчевскій. Его блѣдное лицо, съ глазами, окруженными тѣнью, съ пересохшими губами, какъ бы застыло. Онъ хотѣлъ еще что то сказать, но вмѣсто этого слабо пожалъ плечами, махнулъ рукой и пошелъ къ двери.

— Юрій, Юрій, что съ вами? — Сандра въ испугѣ поднялась съ кресла.

Арчевскій остановился.

— Не безпокойтесь... Я... ничего.

Въ голосѣ и въ отсутствіи всякаго выраженія на помертвѣвшемъ лицѣ было что-то жуткое. Она бросилась къ нему:

— Ради Бога, что съ вами?

— Да ничего-же! — Неестественная, кривая улыбка застыла на его губахъ.

— Я ухожу, прощайте. Благославляю васъ за прошлое счастье и за пережитыя страданія. Пустите, я долженъ итти. — Онъ отстранилъ Сандру и шагнулъ къ двери.

Она схватила Арчевскаго за рукавъ:

— Поклянитесь мнѣ памятью нашего погибшаго ребенка, что вы ничего не сдѣлаете съ собой.

— Пустите меня. Не надо ничего говорить.

Въ неподвижномъ, потухшемъ взглядѣ, въ вяломъ, безразличномъ движеніи руки, отстранявшемъ ее, Сандра прочла подтвержденіе страшной мысли. Еще не окрѣпшія ноги сами собой согнулись: она опустилась на колѣни, схватила обѣими руками дрожавшими и похолодѣвшими отъ страха, руку Арчевскаго, прижалась къ ней лицомъ и заплакала. Онъ остановился и устало закрылъ ладонью глаза.

— Прости, прости меня! Я не виновата... Я такъ нѣжно его любила, я такъ ждала его... Своей смертью онъ открылъ мнѣ правду... Господь отнялъ его у меня въ наказаніе... Я не могу, не могу итти напротивъ Его воли. Ты же самъ видишь, чувствуешь, что Андрей необычайной души человѣкъ. Я не могу топтать эту душу. У него стальная воля, но сердце его такое же, какъ и у насъ съ тобой. Если я уйду съ тобой, все равно счастія не будетъ. Юрій, дорогой, другъ мой, несчастный, измученный... прости меня за всю эту муку.

— Нѣтъ, я не виню тебя... я совсѣмъ не виню... — тускло глядя передъ собой, произнесъ Арчевскій.

— Поклянись мнѣ, поклянись нашей любовью, ребенкомъ нашимъ, что... что... ты не сдѣлаешь этого грѣха.

Онъ молчалъ.

— Боже мой. Что же мнѣ дѣлать? Научи меня, Господи!

Сандра въ отчаяніи заломила руки и совсѣмъ опустилась на полъ.

Арчевскій, безмолвный, со сдвинутыми бровями и сжатыми зубами, стоялъ подлѣ нея, безстрастный, отсутствующій.

— Господи, если бы я могла найти слова, чтобы ты понялъ, что творится во мнѣ! — упавшимъ голосомъ проговорила Сандра.

— Что тебѣ до меня! — слабо пожалъ плечами Арчевскій.

— Будемъ молиться, Юрій, будемъ просить Господа помочь намъ!

— Нѣтъ, я больше не могу молиться. Я такъ молилъ Его сохранить мнѣ тебя, и Онъ не услышалъ — отнялъ.

— Значитъ, такъ надо для насъ же самихъ, для нашего счастья. Давай, давай молиться вмѣстѣ!..

Арчевскій отрицательно покачалъ головой и сдѣлалъ легкое движеніе въ сторону двери. Сандра, уловивъ это движеніе, въ страхѣ стремительно поднялась, охватила его шею руками, припала на грудь и тихо горько заплакала.

— Боже, сколько горя! — съ тяжелымъ вздохомъ произнесъ Арчевскій и слабо прижалъ къ груди голову Сандры.

— Что намъ дѣлать, милый? Я не вѣрю больше въ жизнь. Для меня нѣтъ больше счастья.

Арчевскій пожалъ плечами съ усталымъ, безразличнымъ жестомъ.

— Если ты лишишь себя жизни, то я сейчасъ же пойду въ монастырь замаливать этотъ грѣхъ, клянусь тебѣ!

Арчевскій опустилъ руки:

— Значитъ, я долженъ жить, чтобы страдать?!

— Я уѣду, тебѣ будетъ легче.

— Не надо, ты еще слишкомъ слаба.

Въ ласковомъ тонѣ, Сандра опять услышала голосъ прежняго Арчевскаго и почувствовала, что страшный моментъ миновалъ.

— Ну, вотъ такъ, вотъ такъ, мой милый... будемъ сильны душой. Жизнь такъ коротка... все пройдетъ... — Она плакала и ласкала дрожащей рукой его густые, темные волосы.

— Сандра... — онъ взялъ въ обѣ руки ея голову, приблизилъ къ своему лицу ея лицо и, напряженно глядя въ глубину ея свѣтлыхъ глазъ, произнесъ тихо и раздѣльно съ глубокой скорбью:

— Неужели, я долженъ потерять тебя?! Неужели это безповоротно?!

Ея большіе заплаканные глаза смотрѣли на него съ тоской, губы дрожали.

— Сандра, вѣдь это не можетъ быть!

— Милый, такъ надо, мы должны...

Арчевскій продолжалъ смотрѣть въ глубину ея глазъ, силясь на всю жизнь запечатлѣть это милое, блѣдное, прекрасное лицо. Тихо, тихо изъ его глазъ скатились двѣ слезы. Онъ поцѣловалъ долгимъ медленнымъ поцѣлуемъ одинъ за другимъ оба глаза, опустился на колѣни и склонился къ самымъ ея ногамъ:

— Прощай, Сандра!... — онъ поднялся и, не оборачиваясь, вышелъ.

Сандра, закрывъ ладонями лицо, прислонясь къ стѣнѣ, плакала долго, беззвучно. Нить оборвалась. Клубокъ минувшаго откатывался все дальше и дальше, опустошая сердце и душу.

...«Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ — все суета и томленіе духа», — пронеслось въ мысляхъ ея.

Въ окно вливались краски и ароматы, вливалось солнце и тепло, синѣло море и небеса, доносился монотонноритмичный плескъ прибрежной волны. Въ природѣ все было какъ вчера, какъ было сто лѣтъ и тысячелѣтія тому назадъ, какъ было и будетъ всегда.

XX

Прошло цѣлыхъ десять лѣтъ, грозныхъ, историческихъ, незабываемыхъ. Надъ Европой пролетѣлъ ураганъ войны, вырвавшій изъ бытія сотни тысячъ жизней. Когда Европа, вышедшая изъ береговъ нормальной жизни, мало-по-малу начинала входить въ теченіе прежняго русла, ураганъ междуусобной войны еще упорнѣе забушевалъ въ Россіи, порождая все новыя и новыя бѣдствія, опустошая, ломая, коверкая, сметая съ лица земли все новыя и новыя жертвы и весь укладъ жизни прежнихъ поколѣній. Разрозненные члены русскихъ дворянскихъ семей, если не были уничтожены, то, какъ оторванные ослабѣвшіе листья вырваннаго съ корнемъ могучаго дерева, метались и кружились по волѣ вѣтра изъ страны въ страну, всюду чуждые, одинокіе, покрытые сѣрой пылью бродячей жизни. Мало по малу выдыхалась яркая сила русской души, измѣнялась ея психологія, линяли краски индивидуальности. Сперва близость ежечасной угрозы смерти, страданіе за близкихъ, невѣдомо куда безслѣдно исчезающихъ дорогихъ людей, затѣмъ неустанная борьба изъ-за куска хлѣба среди чужихъ и чуждыхъ душѣ людей, сознаніе своего безправія, всегда обостренное самолюбіе въ виду внѣзаконности положенія, трудъ простолюдина въ сознаніи наличности образованія и культуры, — утомили русскую многогранную душу, и она, опустивъ крылья, начала чахнуть. Мало по малу въ ней стали просыпаться забытые въ быломъ блескѣ и буряхъ жизни — голоса, присущаго русской натурѣ, мистическаго стремленія ввысь.

Съ того момента, какъ Арчевскій, въ состояніи омертвѣлости всѣхъ чувствъ, вышелъ изъ комнаты любимой имъ женщины, для него началась жизнь, полная величайшихъ испытаній. Вернувшись въ Генную въ свой отель, онъ, какъ автоматъ, сложилъ вещи и, безъ мыслей, безъ желаній, какъ будто безъ страданій, отправился покупать билетъ, самъ не зная куда.

— Дальше, какъ можно дальше — твердилъ онъ самъ себѣ.

Въ желѣзнодорожномъ бюро онъ въ раздумьи остановился, не зная куда ѣхать.

— Въ Парижъ? Нѣтъ, нѣтъ не туда... На него нахлынули воспоминанія; онъ мысленно отъ нихъ отмахнулся. Въ Римъ?.. Въ Неаполь?.. Во Флоренцію?.. Передъ нимъ замелькали знакомыя во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ лица, и онъ почувствовалъ почти физическую боль при мысли, что ему придется съ ними встрѣчаться, принимать участіе въ ихъ жизни и, что всего страшнѣе, — пѣть. Пѣть, то есть каждымъ звукомъ рождать воспоминаніе о ней. Это было бы самой ужасной мукой. Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно дальше, дальше, чтобы не вспоминать, чтобы уйти отъ жизни прошлаго и настоящаго.

— Къ себѣ домой... въ имѣніе подъ Тулу... Туда, къ роднымъ полямъ и лѣсамъ... туда, въ большой помѣщичій домъ съ бѣлыми колоннами, гдѣ, въ старинной гостиной, освѣщенной лампами и свѣчами, мать читаетъ послѣ вечерняго чая полученную днемъ газету, а сестра съ черной густой косой, похожая на него, вышиваетъ въ громадныхъ пяльцахъ пестрый коверъ и шалитъ и дразнитъ любимаго кота. Неожиданно всѣ эти картины пронеслись въ воображеніи Арчевскаго и потянули къ себѣ, какъ ласково протянутыя дорогія, родныя руки матери. Ему показалась мучительно долгой предстоящая дорога. Увидѣть мать, услышать ласковый голосъ, почувствовать ея руки, всегда неизмѣнно любящія и нѣжныя вокругъ своей усталой, измученной головы, — казалось ему началомъ душевнаго успокоенія. Въ открытое окно ворвется ароматъ густого сада и обширныхъ полей, волнующихся золотомъ колосьевъ... Любимая аллея орѣшника... тѣнь раскидистаго вяза... маленькая купаленка на рѣкѣ у крутыхъ береговъ сада... надъ рѣкой плакучія ивы, будто въ скорби, склонившіяся надъ зеленой тихой водой... Раннимъ утромъ звукъ пастушьей свирѣли... Подъ праздникъ отдаленный, тягучій и благостный звонъ скромной церковки ближайшаго села... Туда, туда скорѣе въ эту колыбель лучшихъ и чистѣйшихъ воспоминаній перваго дѣтства и переживаній отрочества и ранней юности.

Всю дорогу Арчевскій не позволялъ себѣ ни о чемъ думать кромѣ того, что ожидало его въ родномъ гнѣздѣ.

Первые дни принесли радость и успокоеніе, окутавъ сердце и душу лаской родного міра. Однако, вскорѣ начала просыпаться и тихо проползать въ сердце тоска,

начали рисоваться картины покинутаго счастья, близкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ далекаго, ушедшаго за горизонтъ жизни, отошедшаго навсегда. Арчевскій пугался того страшнаго, что начинало опять заливать его мысли, сердце и душу. Онъ хватался за книги, за хозяйство, но уйти отъ самого себя не могъ. Тоска и воспоминанія оживали, росли, окутывали его и все, что его окружало. Онъ не могъ пѣть, боялся музыки, терялъ равновѣсіе. Душа его начала метаться. Въ одинъ изъ такихъ приступовъ сильнѣйшей тоски, онъ написалъ Сандрѣ отчаянное письмо. Его мозгъ клокоталъ, голова горѣла, невозможное опять казалось возможнымъ.

Въ залѣ онъ встрѣтилъ мать. Въ только-чте выглаженномъ бѣломъ полотняномъ платьѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ, она направлялась къ террасѣ.

— Юрочка, ты пойдешь со мной въ садъ? — остановили она его.

— Въ садъ? — разсѣянно переспросилъ онъ. — Да, хорошо... Я хотѣлъ было на станцію съѣздить, письмо отправить.

— Развѣ нельзя послать? — не глядя на сына, чувствуя его страданіе, спросила мать.

— Да, конечно можно...

— Хочешь, я сейчасъ распоряжусь?

— Не стоитъ... — упавшимъ голосомъ, неожиданно для самого себя, рѣшилъ онъ, прошелъ къ окну, молча постоялъ, безцѣльно, посмотрѣлъ въ окно, опустился на рядомъ стоявшій стулъ, склонилъ голову и задумался.

Мать, сдерживая тяжелый вздохъ, положила руку на его голову. Онъ взялъ эту руку и закрылъ ею свои глаза.

— Милый мой Юра!.. ты страдаешь?

— Ужасно... — прошепталъ онъ.

Она сѣла рядомъ съ нимъ, какъ ребенку, тихо гладила ему голову и щеки.

— Пойдемъ въ садъ. Я тебѣ все скажу. Можетъ быть, мнѣ будетъ легче.

Спустились по террасѣ въ садъ. Молча, идя подъ руку, прошли вдоль широкой главной аллеи, засаженной тополями, свернули въ длинную, узкую, тѣнистую куполообразную орѣшниковую аллею и опустились на скамью.

— Говори, я все пойму. — Мать положила на его колѣни нѣжную руку, съ сѣтью голубыхъ жилокъ.

Арчевскій съ трудомъ началъ горестную исповѣдь, но, вскорѣ, слова потекли сами собой. Прорвалась долго сдерживавшая ихъ плотина, и онъ, хватаясь за голову, вскакивая, съ горячностью и страстностью, изливалъ передъ матерью свое сердечное страданіе.

— Изъ-за этого ты бросилъ пѣніе?

— Не изъ-за этого, а изъ-за того, что каждый звукъ моего голоса мнѣ кричитъ о ней, о той, къ которой неслись мои пѣсни. Я вижу эти чудесные, глубокіе, загадочные глаза, эту размашистую линію темныхъ бровей, это милое лицо, вижу всю ее. Какъ я могу пѣть, когда вокругъ меня пусто,когда она уже не со мной?!

— Она съ тобой.Вѣрь мнѣ, я знаю сердце женщины. Она ушла отъ твоей страсти, но ея сердце съ тобой. Ты мнѣ достаточно разсказалъ о ней: это честная и глубокая натура. Она тоже страдаетъ, она любитъ тебя. Нѣтъ ни времени, ни разстоянія для большихъ и глубокихъ чувствъ.

Долго сидѣли они въ орѣшниковой аллеѣ. Мать, въ простотѣ глубокой всеобъемлющей материнской любви, нашла слова, которыми смягчила, убаюкала сердечную боль. Она не совѣтовала ему посылать Сандрѣ письмо, и онъ послушно разорвалъ его.

Потянулись монотонно тоскливые дни.Арчевскій не находилъ себѣ мѣста отъ тоски, обвившей ледянымъ кольцомъ его сердце. Какъ вдругъ, неожиданно для всей Россіи, была объявлена война. Обрадованный неожиданному исходу для своего тягостнаго душевнаго состоянія, онъ записался добровольцемъ и пошелъ въ первые ряды арміи, въ надеждѣ быть освобожденнымъ отъ жизни, въ которой онъ больше не видѣлъ для себя цѣли. Въ имѣніи осталась мать съ юной сестрой.

Чѣмъ болѣе Юрій рисковалъ своей жизнью, поражая храбростью, не знающей предѣла и, въ минуты смертельной опасности, — безпечностью и хладнокровіемъ, какъ бы лишеннымъ сознанія близости смерти, тѣмъ болѣе судьба щадила его. Рискъ жизни онъ обратилъ въ спортъ и, несмотря на это, остался невредимымъ.

Унесенная потокомъ разложенія, армія очистила поля сраженій. Оскорбленный въ лучшихъ чувствахъ солдата и патріота, Юрій Арчевскій оказался въ Россіи по-

слѣ революціи, закончившейся торжествомъ большевиковъ. Рѣшивъ бѣжать на Донъ, гдѣ группировались, оставшіеся въ живыхъ, вѣрные сыны отечества и, гонимаго вглубь страны, несчастнаго Царя со всей его кроткой семьей, Юрій пробрался въ Тулу, чтобы повидать мать и сестру и убѣдить ихъ черезъ югъ бѣжать заграницу. Предвѣстники начинавшагося общаго разрушенія страны уже грозили терроромъ всему, что не соотвѣтствовало разнуздавшимся грубымъ инстинктамъ систематически деморализуемой толпы.

Въ Тулѣ, ища возможности пробраться въ имѣніе, Арчевскій узналъ, что вся усадьба разгромлена, мать и сестра — убиты крестьянами, всегда обласканными помѣщичьей семьей. Какъ бы обезумѣвъ отъ горя и безсильной ярости, онъ добрался къ Дону и сталъ въ ряды бѣлой арміи. Весь во власти злобнаго чувства мести, онъ, съ холодной и безстрашной отвагой, уничтожалъ большевиковъ до тѣхъ поръ, пока послѣдняя горсть бѣлой арміи, лишенная всякой поддержки, должна была эвакуироваться изъ Крыма въ Константинополь, откуда, мало по малу, разбрелась по всѣмъ концамъ земли, безъ отечества, безъ дома, безъ надеждъ, полуголодная, матерьяльно и морально обнищавшая.

Арчевскій пріѣхалъ въ Римъ. Капиталъ, хранившійся въ заграничныхъ банкахъ, давалъ ему возможность на нѣкоторое время спокойно существовать.

Съ усталой душой и опустошеннымъ сердцемъ, онъ ничего не желалъ, ничего не искалъ кромѣ покоя, сторонился людей, боялся женщинъ. Пережитыя страданія наложили на него глубокій отпечатокъ: онъ разлюбилъ жизнь, которую прежде такъ неудержимо и страстно любилъ. Въ черныхъ волосахъ было много сѣдины, глаза утеряли яркій огонь; взглядъ ихъ сталъ сосредоточенъ и задумчивъ. Пережитыя страданія сердца хотя и потускнѣли подъ налетомъ пыли пролетѣвшихъ грозныхъ годовъ, отодвинулись въ даль прошлаго, однако онъ мысленно какъ бы обходилъ ихъ, боясь къ нимъ прикасаться. Къ славѣ и деньгамъ онъ сталъ абсолютно безразличенъ, утерявъ любовь къ жизни.

Въ Римѣ, возлѣ площади Св. Петра, онъ снялъ небольшую квартирку, гдѣ проводилъ дни за книгой или же подлѣ пьянино, перелистывая оперныя партитуры. Когда охватывала тоска, — онъ уходилъ въ храмы и, оди-

нокій, подолгу сидѣлъ въ тихихъ, прохладныхъ базиликахъ, ища таинственныхъ путей для сліянія, хотя бы на мгновенье, своей души съ душой отошедшей въ иной міръ любимой матери и сестры, — милой, рѣзвой, нѣжно любившей его.

Въ этихъ торжественныхъ и тихихъ храмахъ онъ научился молиться простой и проникновенной молитвой, которой молился въ дѣтствѣ, стоя на колѣняхъ, подлѣ матери. Очерствѣвшая въ бояхъ и страданіяхъ душа смягчалась въ молитвѣ. Въ какихъ то далекихъ, затаенныхъ нѣдрахъ ея иногда вспыхивала слабой зарницей надежда, что, можетъ быть, онъ еще нуженъ для жизни, и жизнь нужна ему.

XXI

Сандра, какъ была въ дорожномъ костюмѣ, волнуясь и радуясь, подъѣхала къ скромной гостиницѣ на одной изъ узкихъ, идущихъ въ гору, улицъ Рима. Она бѣгомъ направилась по темноватому корридору, съ пыльнымъ, затрепаннымъ и заплатаннымъ ковромъ.

— Войдите, — раздался изъ-за двери голосъ брата, котораго она не видала съ начала войны.

У зеркала, завязывая галстухъ, стоялъ ея братъ — Кириллъ, выше средняго роста брюнетъ, съ остро очерченнымъ профилемъ, очень похожій на нее, съ блѣдноватымъ бритымъ лицомъ, въ которомъ красота возмѣщалась выразительностью крайне подвижныхъ чертъ и умнымъ взглядомъ близорукихъ глазъ.

— Кира! — Сандра стремительно бросилась къ брату. Онъ сейчасъ же узналъ ее и, съ разгорѣвшимися радостью глазами, обнялъ ее, смѣясь и повторяя:

— Вотъ такъ сюрпризъ!

— Милый, наконецъ-то! Ты не ожидалъ, что я такъ быстро пріѣду? Какъ получила письмо, сейчасъ же все бросила и помчалась. Какъ ты похудѣлъ, милый! Страшно похудѣлъ! Ахъ, какъ я рада! Вѣдь цѣлыхъ восемь, нѣтъ — почти девять лѣтъ. Я просто не знала, что думать, гдѣ искать тебя! Одни говорили, что ты погибъ въ Россіи, что тебя разстрѣляли, другіе — что ты бѣжалъ и гдѣ то умеръ. Сколько мы съ Андреемъ ни наводили справокъ, ничего не могли добиться.

— Я только теперь выкарабкался изъ Совдепіи. Они меня долго держали въ тюрьмахъ и въ концентраціонномъ лагерѣ, потомъ выпустили, спутали мою фамилію и объявили, что я разстрѣлянъ. Такъ я и оставался подъ чужой фамиліей, такъ и до границы добрался. Только благодаря одному, поистинѣ, святому человѣку, съ которымъ мы почти годъ просидѣли въ одной камерѣ, я могъ уѣхать: онъ устроилъ мнѣ паспортъ и въ дорогу деньгами снабдилъ. А ты, Сандра, мало измѣнилась. Молодцомъ выглядишь. А Андрей какъ?

— Андрей здоровъ. Онъ очень радъ, что ты пріѣхалъ и просилъ передать, что ждетъ тебя въ замокъ.

— Ну, объ этомъ мы потомъ, — улыбнулся Кириллъ.

— Какъ ты плохо одѣтъ! — покачала головой Сандра, оглядывая брата.

— Я къ этому давно привыкъ. Вѣдь теперь я совсѣмъ нищій.

— Нѣтъ, Кира, ты не нищій, потому что у меня коечто еще есть. Хотя наше состояніе во время войны очень разстроилось, но все-же на насъ съ тобой достанетъ изъ моего приданаго капитала.

— Къ денежному вопросу я отношусь вполнѣ хладнокровно. Буду работать, здоровье еще есть.

— Неужели это вѣрно, что папа погибъ? — съ тревогой спросила Сандра. — До насъ дошли слухи, но я не знаю...

— Да, нашъ чудесный отецъ погибъ.

— Они его убили?!

— Отца разстрѣляли въ имѣніи. Онъ умеръ съ молитвой, какъ истинный христіанинъ, безъ страха, съ достоинствомъ и покорностью волѣ Божіей. Мнѣ разсказывалъ очевидецъ.

Сандра, прижавъ платокъ къ губамъ, глотала слезы.

— Что дѣлать! Много, много крови пролито на Руси, многимъ мученикамъ открылось Царствіе Небесное. Теперь они тамъ за насъ молятся. Помнишь Васю Шевелева, — сосѣда по имѣнію?

— Конечно. Блондинъ, высокій, вѣчно съ цыплятами возился; выводилъ ихъ въ инкубаторахъ.

— Нѣтъ, это Костя. А Вася игралъ хорошо на роялѣ и влюбленъ былъ въ мадемуазель Жанъ, гувернантку младшихъ сестеръ.

— Ахъ, помню, помню! Такой славный, добродушный толстякъ.

— Крестьяне подожгли ночью флигель, и онъ несчастный сгорѣлъ тамъ; а Костя замученъ въ «чрезвычайкѣ».

— Какой ужасъ!.. Скажи мнѣ, ты ничего не слыхалъ... — Сандра на секунду запнулась, — объ Арчевскомъ? Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ изъ моей комнаты въ бѣлой виллѣ, съ тѣхъ поръ я ничего не знаю о немъ. Живъ ли онъ?

— Объ Арчевскомъ я знаю, что онъ передъ самой войной жилъ у себя въ имѣніи, потомъ былъ на войнѣ и очень храбро сражался. Это я слышалъ отъ раненыхъ офицеровъ въ моемъ отрядѣ краснаго креста. Потомъ, совершенно случайно и неожиданно, мы столкнулись съ нимъ въ Тулѣ, вскорѣ послѣ большевистскоѣ революціи. Онъ хотѣлъ пробраться къ себѣ въ имѣніе, но на мою долю выпала горестная необходимость сообщить ему о трагической смерти его матери и сестры, убитыхъ крестьянами, и объ опасности, какъ для него, такъ и для меня, оставаться въТулѣ. Несчастный человѣкъ! Онъ окаменѣлъ тогда отъ горя. Я боялся за его разсудокъ и рѣшилъ не оставлять его, но меня арестовали на улицѣ и отправили въ тюрьму. Я сидѣлъ долго въ Тулѣ, потомъ перевели въ Москву. Тамъ я слышалъ, что онъ благополучно выбрался изъ Тулы, хотя держалъ себя такъ, что удивлялись, какъ его не разстрѣляли. Вотъ все, что я о немъ знаю. Слышалъ еще, что онъ пробрался на Донъ.

— Неужели тоже погибъ?!

— Кто знаетъ!

— Я тоже не мало пережила за эти годы. Сейчасъ же послѣ объявленія войны, мужъ организовалъ свой отрядъ краснаго креста и уѣхалъ на фронтъ, гдѣ приносилъ громадную пользу. Пройдя фельшерскіе курсы, я тоже уѣхала на фронтъ, гдѣ два года провела въ его отрядѣ и поняла еще больше, что Андрей совершенно особенный человѣкъ. Для него слова «нельзя» — не существовало. Во врмя самыхъ жаркихъ боевъ онъ, какъ простой санитаръ, отправлялся на поле сраженія и, весь на виду, часто подъ ревъ снарядовъ и свистъ пуль, собиралъ на носилки раненыхъ или тащилъ ихъ на своихъ плечахъ. Сколькимъ онъ спасъ жизнь и сколькихъ поддержалъ морально и матерьяльно! Конечно, отрядъ по-

глотилъ большую часть нашего состоянія, и теперь мы живемъ гораздо скромнѣе. У меня въ Парижѣ есть небольшой складъ для помощи русской эмиграціи. Но это капля помощи въ морѣ нищеты. Въ замкѣ у насъ царитъ тишина. Я тамъ мало принимаю, такъ какъ Андрей совсѣмъ ушелъ отъ жизни. Иногда мнѣ кажется, что въ Château d'aiglon живетъ только духъ Вернэ. — Сандра опустила голову и, перебирая длинную бахрому, перекинутаго черезъ руку, чернаго шарфа задумалась.

Кириллъ понялъ, что она думала о своей жизни, и что мысли ея были печальны.

— Знаешь, Кирюша, я думаю, что не столько война, сколько пережитое передъ войной повліяло на полное отчужденіе Андрея отъ жизни и отъ меня. Не подумай, что онъ сталъ неласковъ ко мнѣ; нѣтъ, совсѣмъ не то. Мнѣ иногда думается, что онъ относится ко мнѣ, какъ ученый къ своему неудавшемуся изысканію: онъ хотѣлъ дать мнѣ наибольшую сумму счастья, а вмѣсто этого жизнь моя сдѣлалась такая пустая, такая никому ненужная.

— Господь съ тобой, развѣ можно имѣть такія мысли! Жизнь каждаго человѣка включаетъ въ себѣ разумную цѣль, имѣетъ свое предназначеніе. Иногда мы идемъ по одному пути, ищемъ, добиваемся, достигаемъ, а потомъ оказывается, что все это было ошибкой, заблужденіемъ, которое ведетъ насъ къ пути настоящему. Всякое перерожденіе, всякое откровеніе на путяхъ истины дается путемъ страданія. Иначе и быть не можетъ. Чтобы понять, постигнуть, надо, чтобы тяжелый жерновъ жизни утопилъ бы насъ въ самую ея глубину. Тамъ, постигнувъ тайну ея сокровеннаго дна, мы освобождаемся отъ тяжелаго жернова, всплываемъ наверхъ преображенные мыслями и чувствами, спсобные къ полетамъ ввысь. Я благославляю Господа за два года тяжелой тюрьмы со всѣми ея униженіями и близостью смерти, ибо я переродился въ ней. Я увѣренъ, что не даромъ тебѣ дано было пережить многое, не даромъ и теперь ты, очевидно, что то переживаешь.

— Не сердцемъ, нѣтъ, — мыслями, душой.

— Вотъ это и есть начало углубленія. Ты молишься, Сандра?

— Да, конечно.

— Ищи въ молитвѣ, и тебѣ будетъ дано найти себя

и свой путь. Какая радость, что мы снова свидѣлись съ тобой!

— Какъ ты это хорошо сказалъ, и улыбнулся совсѣмъ по-прежнему. Въ тебѣ такъ много новаго, Кира.

— Да, другъ мой, я чувствую себя совсѣмъ инымъ. Хоть я и потерялъ состояніе, карьеру, потерялъ все, чѣмъ я раньше дорожилъ, но Господь далъ душѣ моей столько вѣры и силы, что это новое и великое не сравнится съ тѣмъ, что Онъ отъ меня отнялъ.

— Какъ я рада видѣть тебя бодрымъ душой. Я пугалась мысли, что ты опустился, ослабѣлъ, безъ вѣры и безъ энергіи, какъ большая часть нашей несчастной эмиграціи.

— Я обнищалъ, но не опустился, духомъ не ослабѣлъ и энергіи не утерялъ. Тюремный режимъ, конечно, подорвалъ организмъ, но, въ общемъ, я здоровъ и хочу жить, то есть творить волю Его.

— Ты гдѣ собираешься обосноваться?

— Не знаю, другъ мой, еще ничего не знаю. — Кириллъ, что то обдумывая, посмотрѣлъ на сестру, продолжая ходить взадъ и впередъ по узкой, мало комфортабельной комнатѣ съ запыленнымъ выцвѣтшимъ ковромъ, съ полуопущенной зеленой рѣшетчатой ставней открытаго окна, въ которое то и дѣло врывался звонъ трамвая, проходившаго по узкой улицѣ, подъ самыми окнами скромнаго отеля.

— Прежде всякихъ твоихъ дѣлъ, ты со мной поѣдешь въ Château d'aiglon Я обѣщала Андрею вернуться съ тобой.

— Что-жъ, поѣдемъ. Я очень радъ повидать Андрея, только... — Кириллъ весело подмигнулъ, указывая на свой старенькій, съ чужого плеча, пиджакъ. — Какъ на это посмотрятъ твои лакеи и камеристка? Виржиль, если онъ все еще состоитъ при особѣ Андрея, не проститъ мнѣ такого легкомысленнаго туалета.

— Виржиль до сихъ поръ у насъ. Состарился и часто бываетъ несносенъ, но преданъ и честенъ по прежнему. Послушай, Кирюша, я привезла тебѣ денегъ, такъ что ты пожалуйста, не безпокойся.

— Ну, это не дѣло...

— Что ты, что ты, Кира, — перебила Сандра. — Вѣдь ты потерялъ всю свою долю въ землѣ, а моя осталась нетронутой въ приданомъ капиталѣ; неужели же ты отка-

жешь мнѣ въ радости подѣлиться съ тобой хоть частью?! Ради Бога, не обижай меня. Пока ты найдешь себѣ дѣло, ты долженъ жить, тебѣ надо прилично одѣться. Этотъ костюмъ ни на что не похожъ; онъ тебя, по правдѣ сказать, сильно уродуетъ.

— Это не важно: я выучился быть не требовательнымъ. Посмотрѣла бы ты, въ какой кацавейкѣ я ходилъ по Петербургу цѣлыхъ полгода! А ужъ каковы ботинки были! — Кириллъ добродушно разсмѣялся. — Да, да, мой другъ, отъ прежняго блестящаго дипломата ничего не осталось, развѣ только чистый французскій прононсъ.

— Одѣнься прилично и опять будешь тѣмъ же.

— Вотъ ужъ абсолютно не стремлюсь и не желаю быть тѣмъ же.

Сандра подошла къ зеркалу, чтобы надѣть шляпу.

— Скажи, я очень постарѣла?

— Да нѣтъ, ты почти не измѣнилась. А Андрей?

— Онъ постарѣлъ и такъ замкнулся, такъ безнадежно ушелъ весь въ себя! Можетъ быть, твой пріѣздъ оживитъ его немного. — Сандра вздохнула.

— И скучно, и грустно, и некому руку подать въ минуту душевной невзгоды...— продекламировала она, печально опустивъ руки.

— Вижу, что и тебя жизнь обманула.

— И какъ еще! Ничего не есталось, кромѣ воспоминаній. Настоящее такъ пусто и холодно. Ну, объ этомъ въ другой разъ. Пойдемъ.

— Постой минутку. Я не сказалъ тебѣ самаго главнаго, чте произошло въ моей жизни. Я перешелъ въ католичество.

Сандра, въ изумленіи, посмотрѣла на брата.

— Что-о?! Кирюша, да ты шутишь!

— Нѣтъ, я сказалъ правду.

— О-о!... Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Этого я никакъ не ожидала! — Сандра съ укоризной смотрѣла на брата.

— Какъ не ожидала? Развѣ ты не помнишь моихъ споровъ съ отцомъ? Я давно былъ склоненъ признать правоту католической церкви.

— Да, но мало ли что можно признавать въ теоріи! Все таки я никакъ не могу понять, какъ ты могъ измѣнить нашему православію? Въ нашей религіи столько глубины, столько чистоты, столько мистическаго.

— Ну, оставь, оставь, пожалуйста, повторять эти, ни на чемъ не обоснованныя, сантиментальныя заученныя слова, — замахалъ руками Кириллъ. — Глубина, мистицизмъ... Въ чемъ глубина? Въ чемъ мистицизмъ? Одинъ Богъ — одна должна быть религія. Что касается мистики, въ ея глубокомъ значеніи, то не меньше ее, если не больше, и въ Церкви Католической. Кто хочетъ знать истину, долженъ обратиться къ Отцамъ Церкви и вѣрить ихъ свидѣтельству больше, чѣмъ тому, что говоритъ восточное духовенство — послѣдователи горестнаго раскола. Когда русскіе люди будутъ меньше враждовать, а больше читать и вникать, тогда откроются глаза и сердца, и всѣ будутъ принадлежать къ единой католической церкви.

— Ну, ужъ этого никогда не будетъ, это невозможно, — со спокойнымъ убѣжденіемъ отрицательно покачала головой Сандра.

— Это невозможно для тѣхъ, кто свои взгляды на Церковь строитъ на ложныхъ положеніяхъ и подчиняетъ простую объективную истину своимъ сложнымъ субъективнымъ и ошибочнымъ симпатіямъ, личнымъ или національнымъ. Тотъ, кто доказываетъ, что вопросъ о соединеніи Церкви неразрѣшимъ и невозможенъ, — доказываетъ только свою неспособность или нежеланіе воспринять истину Христовой Церкви. Кромѣ того, запомни, другъ мой, вотъ что: чѣмъ настойчивѣе упорствуетъ въ своемъ упрямомъ невѣдѣніи большинство, тѣмъ вѣрнѣе побѣда прокладывающаго путь къ истинѣ — меньшинства. Ты столько лѣтъ живешь съ мужемъ-католикомъ, у тебя подъ рукой богатѣйшая библіотека, и тебѣ не пришло до сихъ поръ въ голову протянуть руку къ книгамъ по исторіи Церкви, чтобы знать, какъ слѣдуетъ, что такое католичество и что такое наше православіе и въ чемъ разница?

— Я и безъ того хорошо знаю, что очень большая разница.

Кириллъ улыбнулся.

— Плохо ты знаешь, ибо, какъ разъ, никакой разницы въ основныхъ догматахъ нѣтъ. Вся помѣха для сліянія церкви — это признаніе главенства папы. Гордыня разъединила церковь, гордыня же мѣшаетъ ея сліянію.

— Что бы сказалъ отецъ, если бы услышалъ тебя сейчасъ?! — Сандра укоризненно покачала головой.

— Если бы отецъ былъ живъ, то, въ концѣ концовъ, понялъ бы меня и, вѣроятно, задумался бы надъ тѣмъ, о чемъ судилъ поверхностно.

— Ну, хорошо, Кирюша, ты счастливъ, и этого достаточно. Я рада, что ты попрежнему горячій, а не теплый, что въ тебѣ, несмотря на все пережитое, бьется жизненная энергія и горитъ душа.

Они вышли изъ отеля и пѣшкомъ прошли къ «Піацца дель Попо́ло».

— Вотъ онъ, Святой городъ, къ которому такъ стремилась моя душа!

Кириллъ, широкимъ жестомъ, указалъ передъ собой на прекрасную площадь съ зеленѣющимъ надъ ней громаднымъ паркомъ — «пинчіо».

— Вотъ онъ «Рома-аморъ», вотъ онъ Римъ-миръ!

Начинало вечерѣть. Сандра, взволнованная свиданіемъ, послѣ многолѣтней разлуки, съ единственнымъ любимымъ братомъ, направлялась къ своему отелю. Пересѣкая площадь «Треви», она спустилась къ громадному бассейну фонтана, подлѣ кото́раго играли и плескались дѣти и полулежали лѣнивые итальянцы, переговариваясь на яркомъ, звучномъ нарѣчіи, гармонирующемъ съ такой же ярко-звучной природой.

Во́кругъ исполинской фигуры Нептуна, окруженнаго тритонами и морскими лошадьми, безостановочно лились шумливые потоки подлѣ стѣнъ стариннаго мраморнаго́ «палаццо» князей Піомбини.

Сандра, стоя на нижней ступени подлѣ плещущаго каскада, задумчиво смотрѣла передъ собой. Мысли, навѣянныя свиданіемъ съ братомъ, ласкали далекое свѣтлое прошлое, оторвавшееся отъ ея жизни и соскользнувшее безслѣдно въ потокъ вѣчности. Россія!.. жизнь весной и лѣтомъ въ имѣніи, гдѣ стоялъ большой помѣщичій домъ со множествомъ удобныхъ, уютныхъ комнатъ, съ большимъ голубымъ, въ два свѣта, зало́мъ, гдѣ висѣли портреты предковъ въ бѣлыхъ парикахъ съ косичками и кружевными жабо, съ лентами черезъ плечо и звѣздами на цвѣтныхъ камзолахъ, гдѣ, приподнявъ бѣлый тяжелый шелкъ надъ стройной ножко́й, обутой въ атласную туфлю, выступала изъ большой золоченой рамы улыбающаяся красавица-пробабка, съ падающими на уши и на бѣлыя мраморныя плечи черными локонами; гдѣ, въ громадныхъ севрскихъ вазахъ,

круглый годъ смѣнялись цвѣты изъ оранжерей, помѣщавшихся за паркомъ; гдѣ, ранней весной, въ открытыя окна, вливались первые ароматы набухшихъ древесныхъ почекъ, зеленѣющихъ травъ и нагрѣвающейся подъ солнцемъ жирной земли; гдѣ, въ густыхъ аллеяхъ парка, подлѣ любимой бесѣдки, обсаженой сиренями, въ матовомъ сіяніи лунныхъ ночей, пѣлъ соловей о любви и ея обманчивыхъ радостяхъ... Ярко и отчетливо всталъ въ памяти образъ отца съ его худощавой высокой фигурой, сѣдоватой бородой, добрыми, немного прищуренными глазами, любившаго свое дворянское гнѣздо, какъ нѣчто дорогое, близкое, незамѣнимое. Отецъ-романтикъ и мистикъ съ благородной душой своего прадѣда-декабриста. Сандра видитъ его долгими часами за книгой, въ глубокомъ креслѣ обширной деревенской библіотеки. Онъ пишетъ прекрасные стихи и съ увлеченімъ переводитъ французскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ. Отъ него она унаслѣдовала талантъ поэзіи. Мать, — живая свѣтская женщина, любившая въ деревнѣ хозяйство, въ столицѣ — выѣзды и пріемы, умѣвшая вмѣщать любовь къ семьѣ съ любовью къ жизни, ко всему прекрасному. Братъ Кириллъ, унаслѣдовавшій отъ матери живость характера и любовь къ свѣтской жизни, старшій и нѣжный другъ своей сестры, съ блестящей карьерой дипломата. Отъ этого дворянскаго гнѣзда остались одни обломки, отъ всей жизни въ немъ — одни воспоминанія, похожія на воспоминанія о красивомъ, яркомъ неуловимо-промелькнувшемъ снѣ. Братъ Кириллъ уже не блестящій, грассирующій французскія фразы дипломатъ, а разоренный, горящій внутреннимъ огнемъ, плохо одѣтый, счастливый въ своей нищетѣ, радостный сердцемъ, искатель Бога. Какая то часть его существа умерла, народилось нѣчто новое, значительное. Что, — Сандра не понимала. Она никогда не задумывалась надъ духовной личностью брата. Онъ былъ старше ея и, съ дѣтства, импонировалъ ей блескомъ, который всегда окружалъ его. Теперь она видѣла передъ собой совершенно иного человѣка, мало похожаго на прежняго брата. Хотя она и помнила его горячіе споры съ отцомъ на темы о католичествѣ, однако, никогда не придавала имъ глубокаго значенія. Что произошло въ его духовной жизни, что заставило оторваться отъ своей родной церкви? Почему онъ это сдѣ-

лалъ? Что толкнуло его? Зачѣмъ это было нужно? Развѣ не все равно, быть вѣрующимъ въ православіи или въ католичествѣ?..

Вопросы, которые никогда раньше не приходили ей въ голову, начали гурьбой осаждать ее, и она, путаясь въ нихъ и недоумѣвая, сидѣла долго, подъ шумъ фонтана, забывъ о времени.

XXII

Прошло болѣе двухъ недѣль. Ежедневныя свиданія съ братомъ вливали въ душу Сандры живительную струю бодрости, новыхъ надеждъ, новой вѣры въ жизнь, въ себя и свои силы. Храмы Рима, съ ихъ святынями, благоговѣйной, благостной тишиной рождали въ ней новыя мысли, оживляли источники для молитвы.

Кириллъ, часто сопровождавшій ее, прекрасно знавшій Римъ и всѣ его историческія и религіозныя цѣнности, всѣ сокровища искусства, не разъ, въ тишинѣ многоколонныхъ базиликъ, раскрывалъ передъ ней полноту и божественность религіозной поэзіи, вливая въ ея чуткое, воспріимчивое къ глубокой красотѣ, сердце свѣтлыя струи, которымъ въ будущемъ суждено было разлиться въ широкій потокъ.

— Знаешь, Кирюша, — говорила она брату, — съ тѣхъ поръ какъ я тебя вновь обрѣла, мнѣ кажется, что однотонные будни моей жизни начинаютъ смѣняться тихимъ праздникомъ. Я слышу ароматъ грядущихъ весеннихъ нарождающихся почекъ, вижу глубину весенняго свѣтлаго неба. Моя душа помолодѣла. «И въ небесахъ я вижу Бога»... Этему возрожденію я обязана тебѣ.

— Не мнѣ, а молитвѣ. Въ этомъ святомъ городѣ многимъ открывается сила молитвы.

Сандра остановила на братѣ внимательный взглядъ.

— Перемѣна, происшедшая въ тебѣ, мнѣ кажется сномъ. Скажи, Кира, развѣ ты былъ всегда такъ религіозенъ?

— О, нѣтъ. Я мало молился и потому не понималъ, не видѣлъ темноты, въ которой жилъ, но тотъ, кому хоть одинъ разъ блеснетъ лучъ изъ сердца Спасителя, тетъ не можетъ забыть этого мгновенія и тянется къ

свѣту небесъ. Апофеозомъ моего просвѣтленія былъ переходъ въ католичество. Какъ былъ бы я счастливъ, если бы и ты узнала эту радость души.

— Нѣтъ, Кира, я останусь въ той церкви, въ которой родилась, въ которой похоронены наши родители. Мнѣ кажется, что я считала бы себя измѣнницей. Ради Бога, не подумай, что я тебя осуждаю; я знаю, что ты всегда былъ и остался честенъ во всѣхъ своихъ побужденіяхъ, а тѣмъ болѣе въ такомъ святомъ вопросѣ.

— Я былъ бы нечестенъ, если бы поступилъ иначе, да я и не могъ бы иначе поступить; это была бы для моей души мука гораздо болѣе тяжелая, чѣмъ борьба и страданія, черезъ котерыя она прошла въ періодъ сомнѣній передъ окончательнымъ рѣшеніемъ. Между прочимъ, обрати вниманіе на то, что нельзя принадлежать къ Церкви безо всякаго сознанія, лишь потому, что ты въ ней родилась и что къ ней принадлежали твои родители. Мы обязаны быть сознательны, обязаны искать Истину. Приверженность къ своей Церкви не можетъ основываться на слѣпомъ довѣріи въ правоту вѣры нашихъ предковъ. Ни одинъ язычникъ не позналъ бы Истиннаго Бога, если бы разсуждалъ какъ ты.

Такіе разговоры часто повторялись. Сандра, хотя и не раздѣляла католическихъ вѣрованій брата, однако, его горячая вѣра, его пылкая, радостная готовность служить Богу, наполняли ея сердце чувствомъ глубокаго къ нему уваженія. Раньше она гордилась имъ передъ блестящимъ парижскимъ обществомъ, когда онъ пріѣзжалъ повидать ее; ей нравилось входить съ нимъ подъ руку въ нарядные салоны, видѣть благосклонно-ласковые взгляды парижанокъ, которыми онѣ встрѣчали и провожали его высокую, всегда элегантную фигуру; теперь она горячѣе любила его; она чувствовала, какъ горѣла его душа, какъ пылало любовью къ Богу, открывшему ему какія то прекрасныя тайны, — его пламенное сердце. Она чувствовала въ немъ новую силу, видѣла, какъ выростала его душа, какъ неслись ввысь его мысли.

Стояло чудесное сентябрьское утро. Площадь Св. Петра — это торжественно грандіозное преддверіе торжественно грандіознаго храма, изумительнаго по размѣрамъ, красотѣ и гармоніи линій, — вся сіяла, ослѣпляя яркостью разлитыхъ по ней солнечныхъ лучей. Лег-

ко и стройно высились, съ двухъ сторонъ охватывающія площадь, въ четыре ряда колонны; надъ ними, на фонѣ голубого небеснаго купола, четко и легко вырисовывался длинный полукругъ статуй. Среди площади, по обоимъ бокамъ обелиска, два фонтана, далеко разбрасывающіе пыльную влагу, какъ исполинскія перья райской птицы, дополняли красоту площади.

Вся въ черномъ, съ венеціанской шалью на плечахъ, обрамленной тяжелой длинной бахромой, поднималась по отлогимъ ступенямъ храма женская фигура. Арчевскому, съ конца площади, казалось, что этотъ легкій женскій силуэтъ какъ бы купается въ солнечномъ сіяніи. Щуря глаза отъ слѣпящихъ лучей, онъ видѣлъ, какъ она опустила зонтикъ и скрылась за громадной бронзовой дверью. Живя подлѣ площади Св. Петра, онъ часто заходилъ въ соборъ, навѣвавшій спокойствіе на его душу.

Въ это утро, озабоченный только что полученнымъ изъ Милана письмомъ, онъ, выйдя изъ дому, по привычкѣ пересѣкъ площадь, чтобы зайти въ храмъ. Его бывшій «маэстро» настойчиво призывалъ его возобновить артистическую карьеру и торопилъ пріѣздомъ въ Миланъ, чтобы пройти нѣсколько новыхъ оперныхъ партій. Арчевскій вошелъ въ храмъ, сразу охватившій его прохладой, тишиной и торжественностью бѣлаго мрамора. Таинственно и свято мерцали подъ гигантскимъ балдахиномъ девяносто три бронзовыхъ лампады вокругъ мраморныхъ ступеней, ведущихъ въ нижнюю священную часть храма-склепъ, гдѣ покоятся останки Святого Апостола Петра.

Арчевскій, остановясь у колонны и, скользя взглядомъ по хорошо знакомымъ мраморнымъ фигурамъ папъ, останки которыхъ покоятся подъ сводами храма, погрузился въ атмосферу тишины и святости, далекую отъ мірскихъ дѣлъ, но въ то же время, обрывками мыслей, онъ думалъ о старикѣ профессорѣ пѣнія и о своемъ рѣшеніи опять выступать передъ публикой.

— Напишу ему, что недѣли черезъ двѣ пріѣду въ Миланъ, — думалъ Арчевскій, отдѣляясь отъ колонны и направляясь къ кругу таинственно сіяющихъ золоченыхъ лампадъ. Его нагнала группа туристовъ. Проводникъ, заученными фразами, пояснялъ художественныя достопримѣчательности. Арчевскій остановился, чтобы

дать имъ пройти: они нарушали стройность настроенія.

Онъ подошелъ къ сіяющимъ лампадамъ. Прямо передъ нимъ, склонивъ голову на руки, стояла на колѣняхъ женская фигура. Черная венеціанская шаль тяжелой бахрамой лежала вокругъ нея на мраморныхъ плитахъ. Изъ подъ небольшой соломенной шляпки видны были золотистые волосы, толстымъ узломъ подхваченные на затылкѣ. Въ позѣ было много мягкой женственной граціи. Лица, низко склоненнаго, видно не было. Арчевскій подошелъ вплотную къ баллюстрадѣ: внизу, между двухъ крыльевъ мраморной лѣстницы, видна была великолѣпная статуя колѣнопреклоненнаго папы Пія VI, со сложенными, въ благоговѣйной молитвѣ, руками, въ длинной, складками ниспадающей, мантіи. Эта, почти живая, вдохновленная рѣзцомъ Кановы, молящаяся фигура каждый разъ притягивала къ себѣ взгляды Арчевскаго и внушала ему молитвенное настроеніе.

Женщина въ венеціанской шали медленно поднялась и, не оборачиваясь, направилась подъ куполъ базилики. Едва уловимая тонкая и нѣжная линія профиля мелькнула передъ глазами Арчевскаго. Онъ подался впередъ.

— Какое сходство! Тотъ же ростъ... та же фигура... тотъ же цвѣтъ волосъ... та же легкая походка... Но не можетъ быть!.. Мнѣ показалось...

Въ волненіи, онъ направился въ противоположный конецъ базилики. Недалеко отъ выходныхъ дверей, онъ остановился у колонны. Черезъ нѣсколько минутъ къ нему приближалась воскресшая сказка прошлаго, сказка всѣхъ пережитыхъ страданій, радостей, восторговъ и мукъ: къ нему приближалась Сандра. Онъ уже ясно различалъ ея глаза, раскидистую темную линію бровей. Ему казалось, что онъ начинаетъ задыхаться, что въ груди вмѣсто сердца ударяетъ молотъ. Онъ стоялъ не шевелясь, опираясь о колонну.

Сандра подняла глаза, вздрогнула и, съ расширенными зрачками, остановилась, не спуская глазъ съ Арчевскаго.

— Сандра!..

Онъ подошелъ къ ней.

— Сандра, это не сонъ? Это вы?

— Боже мой... Юрій!.. — Она протянула ему руку. — Я не знала, что вы въ Римѣ.

— Вѣрьте мнѣ, я тоже не зналъ, что вы тутъ. Не отнимайте руки... я не могу собрать мыслей... Разрѣшите мнѣ выйти съ вами...

— Конечно, Юрій, конечно... — Она замолчала. Лицо ея было блѣдно, она съ трудомъ переводила дыханіе.

Арчевскій держалъ ея дрожавшіе пальцы, опиравшіеся о его руку. Они вышли молча, молча спустились по отлогимъ ступенямъ, ничего не видя, не слыша назойливыхъ предложеній продовца мелкихъ украшеній изъ голубой и бѣлой мозаики.

Яркій свѣтъ солнца, отраженный громаднымъ пространствомъ бѣлой площади, залилъ ихъ, слѣпилъ имъ глаза. Они пошли черезъ площадь. Волненіе было такъ велико, встрѣча была такъ неожиданна, что мысли путались, уста нѣмѣли, не находя словъ. Арчевскій крѣпко сжималъ въ своей рукѣ ея пальцы и, глядя на ея опущенный тонкій профиль, чувствовалъ подступавшій къ горлу нервный клубокъ.

Сандрѣ казалось, что подъ ея ногами уплывала площадь, мысли какъ бы перепрыгивали одна черезъ другую. Волненіе наростало.

Однимъ взмахомъ крыла, жизнь перенесла ее отъ настоящаго въ міръ прошлыхъ переживаній. Опять она шла рядомъ съ Арчевскимъ, съ этимъ горячимъ бурнымъ, полнымъ радостей и страданія, короткимъ, безконечно дорогимъ, прошлымъ, поглотившимъ большую часть ея сердца.

Подлѣ фонтана, Арчевскій остановился. Радужныя брызги обдали ихъ свѣжей влагой.

— Сандра, посмотрите на меня. Та же, все та же... Прошло девять лѣтъ! цѣлыхъ девять ужасныхъ лѣтъ! Сколько пережито!.. Пойдемте, пойдемте...

— Куда же мы пойдемъ?

— Куда попало. Лишь бы найти уголокъ, чтобы никто не мѣшалъ. Дайте вашу руку: мнѣ кажется, что это сонъ, что я проснусь, и вы опять исчезнете.

Они прошли черезъ площадь, свернули влѣво и въ углу, за колоннадой, вошли въ ресторанчикъ, отдѣлен-

ный отъ улицы большими кадками съ пальмами. Кромѣ нихъ никого не было за покрытыми чистыми скатертями столиками.

Онъ сѣлъ противъ Сандры и снялъ шляпу.

Она, силясь побѣдить волненіе, дрожащими пальцами снимала вуалетку и, улыбаясь, смотрѣла на Арчевскаго.

— У васъ сѣдина...

— Я давно посѣдѣлъ... еще тогда. А потомъ еще больше, послѣ ужасной смерти мамы и сестры.

— Да, я знаю.

— Откуда вы знаете?

— Мнѣ недавно разсказалъ братъ Кириллъ.

— Какъ, онъ живъ?! Мнѣ говорили, что его убили въ Тулѣ, гдѣ мы неожиданно встрѣтились и провели два ужасныхъ дня.

Онъ долго сидѣлъ въ тюрьмѣ и только недавно пріхалъ сюда — въ Римъ.

— Какъ я радъ! Я непремѣнно хочу увидѣть его.

— Онъ очень измѣнился, вы не узнаете его. Онъ перешелъ въ католичество.

— Вашъ братъ, Кириллъ? Это невѣроятно! Господи, что съ нами сдѣлала война и эта ужасная революція!

— Братъ счастливъ. Счастливѣе насъ съ вами.

— Сейчасъ, въ эти минуты — самый счастливый человѣкъ, — это я. У меня нѣтъ словъ. Я хотѣлъ бы опуститься передъ вами,положить голову на ваши колѣни, долго, долго плакать. Чтобы выплакать все пережитое страданіе, посеребрившее мои волосы и опустошившее сердце въ такой мѣрѣ, что я разлюбилъ жизнь.

— И я ее разлюбила, Юрій.

— Быть можетъ, теперь вы понимаете, дорогая, что вы сдѣлали, прогнавъ меня, разбивъ вдребезги наше сказочное счастье, нашу великую любовь. — Онъ закрылъ ладонью глаза и стиснулъ зубы, чувствуя въ груди накипавшія слезы, которыхъ онъ давно не зналъ.

— Мы одинаково страдали... Я не могла поступить иначе. Счастья не было бы, вѣрьте мнѣ.

— А теперь оно есть, по крайней мѣрѣ, у васъ?

Сандра отрицательно покачала головой.

— Я былъ въ этомъ почти увѣренъ, я такъ боялся этого! Такъ много горя и такъ мало счастья.

— Но оно было такое ослѣпительное... — тихо произнесла Сандра.

— Благодарю васъ за эти чудесные слова.

— Юрій, отчего въ газетахъ нѣтъ вашего имени? Гдѣ вы пѣли это время?

— Нигдѣ. Во-первыхъ, еще нѣтъ году, какъ я добрался сюда, а во-вторыхъ, съ того дня, какъ я вышелъ изъ вашей комнаты, я больше пѣть не могъ.

У Сандры испуганно расширились глаза.

— Вы потеряли голосъ?!

— Нѣтъ, голосъ въ порядкѣ, но я потерялъ любовь къ нему, потерялъ радость его обладанія.

— Это ужасно! Какъ могли вы разлюбить такой чудесный даръ Божій?!

Арчевскій пожалъ плечами:

— Въ омертвѣломъ и опустошенномъ сердцѣ не можетъ быть источниковъ ни любви, ни радости.

Сердце Сандры сжалось отъ тоски. Вглядываясь въ лицо Арчевскаго, въ глубокой задумчивости смотрѣвшаго въ одну точку, она замѣтила нѣсколько морщинокъ подлѣ глазъ, замѣтила, что глаза его не излучались прежней жизнерадостной, какъ бы побѣдоносной, энергіей, не вспыхивали обжигающимъ, спалившимъ ея сердце, огнемъ. Въ нихъ что-то притухло, какъ бы подернулось невыплаканной слезой. Волосы, серебрившіеся на вискахъ, были такъ же густы, въ линіи рта что-то слегка измѣнилось, какъ будто затвердѣло, зубы такъ же ярко блестѣли, но улыбка, широкая, торжествующая, побѣждающая — отлетѣла съ устъ. Лицо утеряло какъ бы праздничность бытія, но въ выраженіи его появилось нѣчто новое, менѣе блестящее, но болѣе глубокое. Все то, что прежде въ немъ было торжествующаго и сіяющаго, теперь подернулось неуловимо-тонкимъ налетомъ того, что пережила душа, что было передумано за протекшіе девять лѣтъ.

Арчевскій оторвался отъ своихъ мыслей, вздохнулъ, перевелъ глаза на Сандру, встрѣтилъ ея пристальный взглядъ, улыбнулся и положилъ руку на ея руку, лежавшую на столѣ.

— Что: постарѣлъ?

— Нѣтъ, измѣнились немного; такъ тоже хорошо, очень хорошо.

Опять замолчали. Онъ тихонько гладилъ ея руку. Ему хотѣлось прильнуть къ этой рукѣ и, закрывъ глаза, долго, долго цѣловать. Она, опустивъ вѣки, силилась скрыть внезапно нахлынувшее, безудержно-радостное волненіе отъ сознанія, что Арчевскій, тотъ самый Юрій Арчевскій, какъ волшебствомъ заворожившій ее съ первой же встрѣчи, пробудившій въ ней горячую, безудержную, страстную любовь, отецъ ея мертворожденнаго ребенка, біеніе котораго она съ трепетной радостью ощущала въ себѣ,—опять съ ней, опять всколыхнулъ все прошлое, похожее на странный, полный восторговъ и слезъ, — сонъ; опять въ его рукѣ ея рука, опять ихъ сердца бьются ускоренно отъ счастья нежданнаго свиданія. Теплая волна заволакивала ее, уносила въ прешлое, забѣгала въ будущее. Въ сердцѣ опять начинала звучать, отдаленнымъ, сладкимъ звукомъ, яркая струна, ускоренно приливала кровь, пробуждались заглушенныя пѣсни минувшаго. Она подняла глаза. Опять ихъ взгляды встрѣтились.

— Юрій... — прошептала она.

Въ ея, подернувшихся слезой, глазахъ онъ прочелъ то, что жадно и безуспѣшно искалъ въ минуты послѣдней встрѣчи.

— Мой ангелъ!.. — Онъ хотѣлъ вслухъ докончить свою мысль вопросомъ: любишь ли ты еще меня? Но что-то удержало его. Онъ оглянулся: въ полусвѣтѣ маленькаго кафэ было пусто. Хозяинъ изъ-за стойки вышелъ на улицу. Онъ нагнулся къ ея рукѣ и прильнулъ нѣжнымъ, долгимъ поцѣлуемъ.

— Юрій, милый мой... — произнесла она измѣнившимся голосомъ, хотѣла еще что-то сказать, но только вздохнула. Подъ его долгимъ поцѣлуемъ она повернула руку ладонью кверху, такъ что пальцы ея съ тихой лаской дотронулись до его щеки.

Въ открытую дверь и окна маленькаго кафэ внезапно ворвались съ улицы смѣющіяся, заполнившіе всѣ углы, звуки шарманки. Неаполитанская «канцонета» какъ будто разсыпала въ воздухѣ пригоршню переливчатаго жемчуга. Мысли радостно вспорхнули, отогнавъ прочь печальныя тѣни. Почудилось, что, вмѣстѣ со смѣющимися звуками «канцонеты», въ дверь и въ окно вливались

призывные къ счастію, обѣщающіе радость жизни,—голоса.

— Знаете, Юрій, что мнѣ сейчасъ припомнилось? — съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ, заговорила Сандра, — я почему то вспомнила вашъ первый пріѣздъ къ намъ въ замокъ. Помните, вы пріѣхали къ завтраку; былъ такой чудесный солнечный день.

— Помню, помню... все помню.

— Вы и не знаете, что я караулила вашъ пріѣздъ, забравшись на самую вышку башни. Вижу, какъ сейчасъ, слѣпящую глаза, линію шоссе, и вынырнувшій изъ-за рощи автомобиль... ближе, ближе... Когда вы въѣхали подъ своды аллеи, я бросилась по винтовой лѣстницѣ внизъ; у меня такъ страшно билось сердце, что я вбѣжала въ свою комнату, захлопнула дверь, упала ничкомъ на диванъ, зарылась лицомъ въ подушки и не рѣшилась выйти вамъ навстрѣчу.

— А я въ это время обмѣнивался первыми привѣтствіями съ вашимъ мужемъ, и мнѣ казалось, что передо мной воскресъ античный богъ. Онъ привѣтливо довелъ меня до дверей моей комнаты. Я увидѣлъ большой букетъ алыхъ розъ и одинокую, полную для меня дорогого значенія, алую розу на ночномъ столѣ. Она хранилась въ моемъ бумажникѣ долго, долго. На Дону она еще существовала и пропала вмѣстѣ съ уворованнымъ бумажникомъ, когда эвакуировались изъ Севастополя.

— А потомъ, вечеромъ вы сказали, что будете пѣть для меня. Я сидѣла на террасѣ... весь паркъ былъ полонъ звуками вашего голоса. Вы помните, что вы пѣли?

— Еще бы! Я никогда не забуду бури, клокотавшей въ моей груди. Каждый звукъ вырывался словно изъ вулкана. О, какъ я любилъ васъ, Сандра!.. «Тебя я, вольный сынъ эфира, возьму въ надзвѣздные края... и будешь ты царицей міра, подруга вѣчная моя»... — тихонько запѣлъ Арчевскій. Мягкіе и глубокіе звуки коснулись сердца Сандры.

— Я чувствовалъ въ тѣ минуты за спиной своей крылья, я дѣйствительно чувствовалъ себя вольнымъ сыномъ эфира, имѣющимъ власть унести васъ въ надзвѣздные края...

— И вы уносили, Юрій... Въ какіе чудные надзвѣздные края вы уносили меня! Вашъ голосъ всѣхъ съ ума сводилъ, — добавила она.

Арчевскій пренебрежительно пожалъ плечами:

— Что толку!

— Что вы говорите, Юрій?! Вѣдь это счастье, громадное счастье такъ владѣть толпой.

— Что мнѣ за дѣло до чуждыхъ, ненужныхъ мнѣ, людей, когда та одна, которую я звалъ, не захотѣла улетѣть со мной. — Закрывъ ладонью глаза, онъ вздохнулъ. Оба умолкли, оба ушли отъ настоящаго.

— Какъ это все было давно, и, въ то же время, мнѣ сейчасъ кажется, что это было такъ недавно. Юрій, когда вы опять начнете пѣть?

— Я пою, уже вся душа моя поетъ. Вы исчезли, и все во мнѣ замолкло. Вы появились, и звуки уже рвутся стремительнымъ потокомъ, чтобы окутать васъ, чтобы напомнить вамъ то, что вы забыли.

— Я ничего не забыла, я все помню.

— Скажите мнѣ, прошу васъ, умоляю васъ, скажите мнѣ правду: вы еще любите меня?

— Я ни на минуту не переставала любить васъ.

У Арчевскаго кровь отъ сердца прилила въ голову. Онъ сидѣлъ нѣсколько минутъ съ закрытыми глазами, съ опущенной, между ладонями сжатой, головой.

— Юрій, да неужели вы могли сомнѣваться въ этомъ? Неужели вы не чувствовали, что, разставаясь съ вами, я сознательно шла на страданіе?!

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы такъ жестоко поступили?

— Потому что счастья все равно не было бы, и страдало бы не двое,а трое, то есть кромѣ насъ страдалъ бы и мой мужъ. Этого я не могла. Оставимъ прошлое; не будемъ его тревожить. Видите, Господь захотѣлъ, и мы еще разъ встрѣтились, чтобы подтвердить другъ другу, что пережитое было велико, потому что до сегодняшняго дня мы донесли въ цѣлости то, что было дорого девять лѣтъ тому назадъ.

Звуки шарманки замолкли. Вошелъ хозяинъ кафэ и началъ возиться у стойки. Они вышли, завернули за уголъ и молча, крѣпко держась за руку, прошли нѣсколько кварталовъ.

— Вотъ въ этомъ домѣ я живу. Прошу васъ, Сандра, переступите черту, отдѣляющую насъ отъ прошлаго: войдите въ мое одинокое гнѣздо.

Онъ уловилъ въ ней легкое нерѣшительное движеніе.

— Сандра, будьте спокойны: вы для меня были и останитесь святыней. Развѣ я не доказалъ вамъ, что все во власти только вашей. Но сейчасъ мы не должны разстаться: намъ надо такъ много сказать другъ другу.

— Да, милый, да...

— Я буду опять пѣть для васъ одной, какъ бывало раньше... Подождите меня нѣсколько минутъ у этого магазина. Я сейчасъ вернусь за вами.

Арчевскій сдѣлалъ вдоль улицы нѣсколько шаговъ и вдругъ быстро вернулся обратно.

— Мнѣ стало страшно, что вы уйдете и опять бросите меня.

Въ лицѣ Арчевскаго Сандра уловила то же выраженіе испуга, которое было въ роковой день ихъ послѣдняго свиданія, когда она произнесла первое слово рѣшенія остаться съ мужемъ.

— Полноте, другъ мой, я не способна на такой поступокъ.

— Да, я такъ и зналъ, — облегченно вздохнулъ онъ. — Но страхъ потерять этотъ чудесный сонъ оказался сильнѣе разсудка. Мнѣ надо было услышать отъ васъ успокоительное слово.

— Если вы такъ боитесь, то пойдемте вмѣстѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь я спокоенъ...

У Арчевскаго кружилась голова. Мысли неслись вихремъ, счастливыя, свѣтлыя, поглощающія въ своей радости все его существо. Передъ нимъ какъ будто рухнула громадная стѣна, за которой сіялъ и торжествующе ликовалъ яркій, теплый, солнечный день новой жизни, съ яркими красками, съ далекимъ свѣтлымъ горизонтомъ.

— О, Господи, какъ хорошо!.. Благодарю Тебя!... — повторялъ онъ про себя, стремительнымъ шагомъ направляясь къ цвѣточному магазину. — Та же, все те же, милая, родная...

XXIII

Сандра, стоя передъ магазиномъ, ожидала Арчевскаго. Мысли ея неслись стремительно и были далеко отъ всего, что ее окружало. Она хотѣла дать себѣ ясный отчетъ того, что происходило въ ея душѣ, въ слож-

ныхъ чувствахъ, порожденныхъ внезапной встрѣчей. Оставшись нѣсколько минутъ наединѣ, она успѣла уяснить себѣ лишь то, что Арчевскій дорогъ ей не только памятью прошлаго, но что въ сердцѣ ея живетъ къ нему любовь, не потускнѣвшая за долгое время разлуки. Теперь къ этой любви примѣшивалось теплое чувство жалости при видѣ посѣдѣвшихъ висковъ и грустныхъ глазъ, затаившихъ тоску пережитыхъ страданій. Она вспомнила, какимъ острымъ страданіемъ было переполнено ея сердце, когда она узнала, что онъ покинулъ Генуую. Она была глубоко тронута той молчаливой покорностью, свидѣтельствовавшей о неисчерпаемой глубинѣ отчаянія, съ которымъ онъ ушелъ съ ея пути. Она ждала письма, хотя-бы записки, хотя-бы двухъ словъ. Съ тѣхъ соръ, онъ, поглощенный невѣдомымъ пространствомъ и годами, оставался для ея сердца все такимъ-же дорогимъ и близкимъ Юріемъ, которому она съ террасы бѣлой виллы посылала ежедневныя письма, ребенокъ котораго уже шевелился тогда подъ ея сердцемъ. Она чувствовала непреодолимое желаніе узнать какъ можно скорѣе и со всѣми подробностями все, что пережилъ онъ за эти долгіе девять лѣтъ.

— Прошелъ тяжелый сонъ, — подумала она, съ радостно забившимся сердцемъ, — начинается другой, ласковый, радостный сонъ. Опять красота чувствъ... опять яркое солнце и сіяніе звѣздъ, хотя бы лилъ дождь, и небо было обложено тучами, опять яркіе, чарующіе звуки его пѣсенъ... И въ ту же секунду передъ ней всталъ образъ ея мужа, молчаливый, углубленный, съ утра до ночи, въ науки. Какъ будто тѣнь прошла по яркимъ краскамъ, которыми были окрашены ея мысли.

Она не слышала приближавшихся къ ней шаговъ Арчевскаго.

Молча, онъ взялъ ея руку, молча поднялись они по лѣстницѣ его дома.

На столѣ, посреди небольшой передней комнаты, въ фарфоровой вазѣ стоялъ букетъ темно-алыхъ розъ. Съ ихъ ароматомъ на Сандру пахнуло далекими, милыми сердцу, пережитыми радостями любви.

Въ слѣдующей комнатѣ на столѣ и на пьянино, передъ зеркаломъ, были букеты тѣхъ же розъ.

Взволнованная и умиленная, она опустилась на диванъ. Длинная тяжелая бахрома венеціанской шали разсыпалась по полу у ея ногъ.

Онъ смотрѣлъ на нее, радостный и счастливый.

— Измѣнилась? — спросила она.

— Что-то въ глазахъ, въ уголкахъ рта...

— Постарѣла?

— Нѣтъ, не постарѣла, но какія то новыя черточки въ лицѣ, милыя, родныя душѣ моей. Та же прическа. Вотъ и улыбка та-же, и жилки на вискахъ.

Она посмотрѣла на него снизу вверхъ счастливыми свѣтлыми глазами.

Онъ осторожно провелъ рукой по ея волосамъ, вдоль ея лба, будто хотѣлъ удостовѣриться, что она — не сонъ.

— Сандра, моя прежняя Сандра! — проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, опустился передъ ней на колѣни и положилъ голову на ея ладони.

— Вотъ такъ, вотътакъ... — повторялъ онъ, сильнѣе прижимая лобъ къ ея рукамъ. — Вотъ такъ, чтобы все забыть, ничего не помнить, кромѣ счастья, что, наконецъ, ты подлѣ меня. Я изстрадался, сердце мое высохло и очерствѣло. Согрѣй его, милая, приласкай. Ты прогнала меня, я ушелъ въ темноту и муку и захолодѣлъ въ ней. Послѣ смерти матери ни одна женская рука не гладила этихъ волосъ.

Сандра, проводя ладонью по его волосамъ съ серебристыми нитями, почувствовала, какъ на ладонь другой руки скатились двѣ слезы. Она опустила голову и беззвучно заплакала отъ боли за прошлое, отъ счастья за настоящее.

Вокругъ нихъ было тихо. Въ этой тишинѣ, въ волнѣ переживаемыхъ сложныхъ чувствъ, что то очищалось, свѣтлѣло, утончалось въ ихъ душахъ. Она помнила Арчевскаго-бурнаго, съ горячими, страстными порывами пылкой любви. Теперь, склонясь передъ ней, стоялъ иной Арчевскій, въ которомъ она чувствовала болѣе глубины, болѣе духовности. Тотъ былъ бы ей теперь болѣе чуждъ, чѣмъ этотъ,—пережившій, какъ и она, надломъ души, страданіями углубившійся въ себя.

Въ жизни каждаго человѣка бываютъ моменты, заключающіе въ себѣ громадную силу просвѣтленія души; это — моменты осознанія отвѣтственности въ каждомъ

нашемъ поступкѣ; какъ бы молніеносный пробѣгъ всего пройденнаго жизненнаго пути и жажда не отягощать своей совѣсти новыми заблужденіями; жажда большого и свѣтлаго, хотя бы и труднаго, движенія впередъ къ всегда мерцающимъ, задуваемымъ вихремъ жизни, свѣтильникамъ чистыхъ идей и свѣтлыхъ высокихъ идеаловъ. Въ эти моменты все нечистое, весь соръ земныхъ помысловъ и соблазновъ какъ бы сдувается, и жизнь, руководимая только голосомъ совѣсти, кажется простой и ясной.

— Юрій, какое счастье, что мы встрѣтились съ тобой!

— Да, да, большое счастье, — не подымая головы, отвѣтилъ онъ, нисколько не удивленный ея обращеніемъ на ты; какъ будто бы въ эти минуты иного обращенія и не могло быть.

— Теперь намъ будетъ легче жить въ сознаніи нашей настоящей большой любви, корни которой не только въ сердцѣ, но еще глубже, въ какихъ то чистыхъ и свѣтлыхъ тайникахъ.

— Съ тобой все чисто и свѣтло.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори такъ. Мы должны помогать другъ другу.

— Въ чемъ помогать, милая? — убаюканный лаской любимой руки, спросилъ онъ.

— Чтобы любовь наша своей силой укрѣпила бы насъ, была бы нашимъ чистымъ маякомъ.

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней на диванъ.

— То есть?Я не совсѣмъ понимаю.

— Пусть каждый нашъ поступокъ будетъ свѣтелъ, какъ свѣтла сейчасъ наша любовь. Мы столько перестрадали съ тобой. Смотри, Господь опять соединилъ насъ этой чудесной встрѣчей, сохранивъ въ каждомъ изъ насъ взаимное большое чувство. Будемъ же осторожны, чтобы не создать новой муки.

— Сандра, ты единственный во всемъ мірѣ оставшійся для меня дорогой, близкій мнѣ человѣкъ. Кромѣ тебя у меня никого больше нѣтъ. Повторяю тебѣ, мое сердце захолодѣло, и жизнь потеряла всякую цѣнность и всякій интересъ. Но опять ты подлѣ меня, и сердце уже отогрѣвается, жизнь кажется свѣтлѣе. Я прошу тебя, скажи мнѣ, пообѣщай мнѣ всей силой души, что ты не порвешь больше этой связи сердца, которую, ви-

дишь сама, не порвало ни страданія, ни разлука, ни даже желаніе забыть, уничтожить ее.

— Никогда, никогда я не разлюблю тебя, ты видишь, это невозможно. Я буду молиться, и Господь научитъ насъ, какъ быть.

— Все будетъ такъ, какъ ты скажешь. Я счастливъ, что опять могу быть съ тобой, слышать тебя, держать эти милыя руки.

— А теперь ты будешь мнѣ пѣть, и мы забудемъ все минувшее горе. Какъ ты могъ не пѣть, какъ ты могъ разлюбить свой голосъ, — такой совершенный инструментъ?!

— Я его боялся. Я уже готовился къ тому, что мнѣ придется опять выступать передъ толпой; это значило для меня опять переживать все минувшее. Ахъ, Сандра, Сандра, сколько ты дала мнѣ счастья и сколько муки!

Они подошли къ піанино и стали перебирать кипу нотъ.

— Вотъ это! Ради Бога, это, — она положила на пюпитръ тетрадь съ нотами.

Арчевскій, перебирая клавиши, взялъ нѣсколько тихихъ аккордовъ, на минуту задумался и запѣлъ:

«Былъ у Христа младенца садъ,
И много розъ взрастилъ Онъ въ немъ.
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплесть вѣнокъ себѣ потомъ.
Когда же розы расцвѣли,
Дѣтей еврейскихъ созвалъ Онъ.
Они сорвали по цвѣтку,
И садъ былъ весь опустошенъ...» раздалась тихая, чистая, торжественно проникновенная мелодія. Звуки ея дѣйствовали захватывающе, потому что голосъ, исполнившій ее, былъ совершеннѣйшимъ, когда либо созданнымъ природой, инструментомъ.

Окутанная чарующими звуками, Сандра, вмѣстѣ съ ними, неслась ко Христу, созвавшему въ свой садъ еврейскихъ дѣтей.

Въ голосѣ постепенно наростала трагическая нота:

«Какъ Ты сплетешь себѣ вѣнокъ?
Въ Твоемъ саду нѣтъ больше розъ.
Вы позабыли, что шипы
Остались мнѣ», — сказалъ Христосъ.

И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него...»

У Сандры отъ затылка пробѣжали по спинѣ мурашки. Голосъ звучалъ скорбно, несъ слезы всего міра, допустившаго совершиться этому страшному дѣлу надъ Божественной благой кротостью.

«...И капля крови вмѣсто розъ
Чело украсили Его...» упали послѣдніе звуки горючими, неутѣшными слезами и долго стояли въ воздухѣ, заполнивъ всѣ углы комнаты.

— Развѣ съ очерствѣлой душой такъ поютъ?! — проговорила Сандра, смахивая слезы. — Десять лѣтъ тому назадъ ты не могъ бы такъ спѣть эту вещь.

— Да, это надо было выстрадать.

Она стояла передъ нимъ, тихая, счастливая, въ простомъ шелковомъ черномъ платьѣ, съ опущенными руками. Лицо ея казалось совсѣмъ молодо, фигура, тонкая и стройная, сохранила дѣвичьи линіи.

— Какъ удивительно уберегли тебя годы. Пролетѣли надъ тобой, не коснувшись своимъ разрушающимъ крыломъ.

— Снаружи — да. А внутри я постарѣла. Отлетѣла молодость съ ея безпечностью, съ ея порывами, съ капризами чувствъ и желаній. Да, мы потухли, Юрій, потухли. Какъ это жаль! Мы покрылись пылью земли. Нѣтъ экстазовъ, нѣтъ полетовъ ввысь. А поглядишь кругомъ, и всюду мелькаютъ, скользятъ тѣни минувшихъ вѣковъ, тѣни христіанъ, которые жили, опоенные священными восторгами. Люди безъ колебаній шли на мученія и на смерть, потому что неисчерпаема была сила души. Передъ святыней Христа, прошедшаго въ людской толпѣ, загорались творческіе экстазы геніальной красоты. А мы совсѣмъ обнищали, и стали всѣ такіе сѣрые и мелкіе, съ ничтожными помыслами. Потухли мы, а какъ чудно горѣть!

— Нѣтъ, Сандра, ты не потухла. Я чувствую, что въ тебѣ еще горитъ огонь.

— Нѣтъ, потухла и я. Если въ комъ таится еще яркій огонь, такъ это въ братѣ Кириллѣ. Вотъ, ты увидишь его: наружно постарѣлъ, а душа осталась все та же — молодая; чувствуется, что онъ, несмотря на полное разореніе, несмотря на все пережитое, вполнѣ сча-

стливъ. Слушая его, я вспоминаю слова отца: блаженны, огонь въ душѣ таящіе, ибо они огнемъ истины разгораются.

Яркій день пролетѣлъ незамѣтно.

Римъ, озаренный, только ему присущей въ вечерніе часы, розовато-опаловой яркой и, въ то же время, мягкой окраской, напоминающей какъ бы зарево того грознаго пламени, которымъ любовался Неронъ съ террасы своего пышнаго дворца, — постепенно окутывался безшумно крылатыми, сперва нѣжно-дымчатыми, постепенно сгущающимися тѣнями.

Куполъ базилики Св. Апостола Петра, на фонѣ голубыхъ бездонныхъ небесъ, возглавлялъ Святой городъ, какъ возглавляетъ крестъ девятнадцать вѣковъ весь христіанскій міръ.

XXIV

Для Сандры и Арчевскаго, быстрой чередой, замелькали радостные дни. Имъ казалось, что вернулась ихъ молодость. Все чаще и безпечнѣе былъ смѣхъ Сандры, на лбу Арчевскаго стали сглаживаться морщинки жизненной усталости; страстнѣе звучалъ его голосъ, охватывая восторгомъ слушателей. Хотя онъ и не начиналъ съ ней разговоровъ о ихъ будущемъ, боясь неосторожнымъ словомъ нарушить гармонію своего счастья, однако, понималъ, что послѣ тяжелыхъ испытаній, пережитыхъ имъ за эти десять лѣтъ, она отнесется бережно къ его сердцу, воскресшему для жизни.

Былъ чудесный солнечный день. Они поднялись по отлогимъ ступенямъ въ торжественную базилику Санто Джіовани Латерано. Косые лучи солнца пересѣкли сверху наискось внутренность храма, озаряя, согрѣвая и оживляя грандіозныя мраморныя фигуры двѣнадцати Апостоловъ. Посреди храма, какъ бы послѣднимъ художественнымъ штрихомъ великаго мастера, на свѣтломъ фонѣ мраморныхъ стѣнъ, въ чистомъ золотѣ солнечныхъ лучей, четко и строго вырисовывался силуэтъ колѣнопреклоненной худощаво-стройной фигуры монаха. Склонивъ голову на ладони, онъ, одинокій въ пустомъ храмѣ, горячо молился Тому, Кому отдалъ свою молодую жизнь, какъ залогъ неисчерпае-

мой любви и вѣры, вырвавъ изъ своего сердца всѣ желанія земныхъ радостей, земныхъ стремленій, земной любви. Этотъ, застывшій въ молитвенномъ порывѣ силуэтъ, этотъ нерукотворенный живой храмъ живого Бога, въ торженственной тишинѣ рукотвореннаго храма, рождалъ строгія мысли, сразу отлетавшія отъ мірской суеты.

Арчевскій и Сандра остановились у колонны, охваченные мистической красотой, безсознательно созданной скромнымъ инокомъ-служителемъ Бога. Прошло много минутъ. Онъ поднялся съ колѣнъ и, опустивъ глаза, непроницаемый и чуждый, прошелъ мимо нихъ къ выходнымъ дверямъ.

Они прошли впередъ. Церковный сторожъ открылъ маленькую боковую дверь, и они вошли во внутренность квадратнаго портика древняго монастыря. Дверь закрылась, и они остались одни. Вокругъ нихъ стояла тишина. Божественно прекрасно, по два въ рядъ, частыми пролетами мелькали витыя мраморныя колонки, отдѣляя квадратный сводчатый портикъ отъ зеленаго дворика съ четырьмя пальмами по угламъ, съ опустѣвшимъ водоемомъ въ видѣ обрубленной колонны, съ маленькимъ каменнымъ бассейномъ, гдѣ, беззвучно шевеля плавальцами, двигались золотыя рыбки. Все кругомъ дышало святыней минувшихъ далекихъ вѣковъ, остатки которыхъ рука времени пощадила въ видѣ мраморныхъ обломковъ и стертыхъ, помутившихся отъ времени, фресокъ по стѣнамъ портиковъ.

Они обошли вокругъ дворика, и оба остановились въ молчаніи.

— Суета суетъ, всяческая суета...—тихо произнесла Сандра--Протекли вѣка. Сколько прошло человѣческихъ поколѣній, сколько черныхъ силуэтовъ тихо бродило здѣсь въ сосредоточенномъ молитвенномъ углубленіи... Ничего не осталось, кромѣ этихъ нѣжныхъ колонокъ. Такъ пройдемъ и мы...

— Да, пройдемъ. Пролетимъ, какъ дуновеніе вѣтра, — отозвался Арчевскій.

— Столько стремленій, столько борьбы, надеждъ, горечи и страданій. Стоитъ ли? Ждемъ, ищемъ счастья, а гдѣ оно?! Тотъ, кто сейчасъ такъ горячо молился посреди храма, вѣроятно, нашелъ то, чего мы, безплодно, ищемъ.

Арчевскій замолчалъ. Лицо его, какъ бы, покрылось тѣнью.

— О чемъ ты думаешь? — Сандра положила на его плечо ласковую руку.

— Мнѣ вдругъ стало за себя страшно. Я боюсь, что счастья не существуетъ.

— Какъ: и у того, кто сейчасъ молился?!

— Н-не знаю. Можетъ быть, у него есть вѣра въ достиженіе счастья; конечно, эта вѣра — есть уже начало счастья, а можетъ быть, и само счастье.

— Юрій, а вдругъ все это обманъ жизни, опять обманъ?!

Арчевскій вздрогнулъ.

— Оставимъ, не нужно... Пойдемъ отсюда.

Они вышли изъ храма и остановились на паперти. Передъ ними разстилалась громадная площадь.

— Я получила вчера вечеромъ письмо отъ мужа. Онъ спрашиваетъ, почему я такъ долго задержалась. Ему хочется поскорѣе увидѣть Кирилла, котораго онъ всегда очень любилъ.

— И что же? — спросилъ Арчевскій, стараясь не выдать внутренняго волненія.

— Я рѣшила попросить Кирилла поѣхать впередъ и переговорить съ мужемъ.

— Онъ не знаетъ, что я здѣсь?

— Я ничего не писала. Я увѣрена, что теперь это для него не важно.

— Ты его разлюбила, Сандра?

— Мы стали далекіе другъ другу. Послѣ твоего отъѣзда, когда я вернулась изъ Италіи, между нами что то встало, какая то перегородка отдѣлила насъ. Не было сказано ни слова. Молча, мы отходили другъ отъ друга все дальше и дальше.

— Какъ я это зналъ, какъ я это предвидѣлъ, какъ я, страдая, понималъ, что ты напрасно убивала нашу любовь. Ты слишкомъ понадѣялась на себя и ждала отъ Вернэ невозможнаго.

— Въ этомъ невозможномъ я была такъ увѣрена.

— Почему? — Арчевскій, удивленно, вскинулъ плечами.

— Потому что онъ понималъ жизнь гораздо глубже всѣхъ.

— Ахъ, милая моя дѣтка, все это вѣрно въ теоріи, въ разсужденіи; всему этому мы готовы вѣрить, пока жизнь не коснется насъ самихъ. Такъ вышло и съ Вернэ, — ты это сама теперь видишь. Ни одинъ мужчина, если онъ любитъ, никогда не проститъ женщинѣ ея измѣны. Что же будетъ теперь?

— Я не сомнѣваюсь, что теперь мой мужъ разстанется со мной безъ всякаго страданія и боли. Обиды быть не можетъ: онъ выше чувствъ ревности и ложнаго самолюбія.

— Какъ ты странно говоришь: выше чувствъ ревности... — Арчевскій улыбнулся. — Не ревнуетъ тотъ, кто не любитъ.

— Да, такъ утверждалъ и Шазаль. Андрей и Мари доказывали обратное.

— Мари — чудесное существо, но она не отъ міра сего, а твой мужъ... не знаю, зачѣмъ онъ такъ говорилъ, но сомнѣваюсь, чтобы онъ не понималъ, что въ чувствѣ любви заложено чувство собственника, и ревность неминуема тамъ, гдѣ живетъ плоть. Теперь все это не важно. Я хочу, чтобы ты мнѣ договорила свою мысль. — Арчевскій напряженно ждалъ конца ея мысли.

— Развѣ не все ясно? Я хочу, чтобы братъ переговорилъ съ мужемъ; теперь мнѣ нужна свобода, чтобы... Сандра запнулась.

— Чтобы быть моей женой, — договорилъ Арчевскій и глубоко, съ облегченіемъ, вздохнулъ. — Наконецъ-то, Сандра, наконецъ-то! Какъ долго мнѣ пришлось ждать этого момента! Онъ былъ близокъ десять лѣтъ тому назадъ. Сама жизнь даетъ мнѣ его тогда, когда я думалъ, что для меня ничего больше не осталось. Ты вернула мнѣ прежнюю любовь къ жизни. Опять я хочу славы,, денегъ и блеска, чтобы сдѣлать твою жизнь радостной. Опять у меня выросли крылья. Смотри, какъ хорошъ Божій міръ!! — Онъ протянулъ руку впередъ, закинулъ голову и вдохнулъ полной грудью, налетѣвшій изъ-за зеленѣющихъ далей, легкій вѣтеръ. — Смотри, какой чудесной сиренево-розовой дымкой подернулись Албанскія горы. Какъ хороши здѣсь краски, какъ картинны очертанія этихъ древнихъ стѣнъ. Господи, сколько разъ я здѣсь бывалъ безъ тебя и не чувствовалъ такъ, какъ чувствую сейчасъ, всю эту проникновенную святую красоту Рима.

— И мнѣ хорошо, мой милый, потому что я знаю, что мое счастье свободно отъ всякой горечи для сердца Андрея. Я увѣрена, что ничего не убавится и не прибавится въ его настоящей жизни отъ того, что въ нижнихъ аппартаментахъ не будетъ меня. Наука и искусство останутся съ нимъ.

Со ступеней храма они спустились на площадь и сѣли въ пустой трамвай, готовый къ отходу.

— Точно сонъ снится,—помолчавъ, произнесла Сандра.

— Да, точно сонъ, чудесный неожиданный сонъ.

XXV

— Ужасно ты кстати пріѣхала, — встрѣтилъ Кириллъ сестру, едва она перешагнула порогъ его комнаты. — У меня на сорочкѣ разорвались петли; не можешь ли ты аккуратно ихъ зачинить?

— Конечно, могу. Съ удовольствіемъ.

— Ну вотъ, и отлично. Я терпѣть не могу на себѣ рваныхъ вещей. Ужъ въ какомъ нищенскомъ видѣ ходилъ въ Россіи, а все-таки чинилъ какъ умѣлъ. Вотъ тебѣ нитки и иголки. — Кириллъ передалъ сестрѣ круглую металлическую коробочку.

— Какой ты сталъ смѣшной съ этими коробочками, починками и всякими новыми привычками, —улыбнулась Сандра, беря изъ рукъ брата сорочку.

— Всѣ эти жестяныя коробочки, веревочки, обрѣзки бумагъ, — это не что иное какъ признакъ приближающейся старости Что подѣлаешь, приходится и мнѣ старѣть; я отъ души привѣтствую эту гостью нашей осенней жизненной поры, — проговорилъ Кириллъ. — Да ты что: какъ будто грустная? Случилось что нибудь? Онъ внимательно посмотрѣлъ на сестру.

— Я немного озабочена.

— Въ чемъ дѣло?

— У меня къ тебѣ просьба: поѣзжай одинъ въ Château d'Aiglon, переговори съ Андреемъ.

— На счетъ чего?

— Разскажи ему все о встрѣчѣ съ Арчевскимъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ пойметъ мои чувства и не захочетъ быть помѣхой нашему счастью.

— Ты подразумѣваешь разводъ?

— Да, конечно.

— И это ты называешь счастьемъ?! Сандра, другъ мой, вотъ гдѣ разница католическихъ и православныхъ убѣжденій. Для меня — католика, разводъ есть грѣхъ, ибо противорѣчитъ заповѣди Христа о нерасторжимости брака. Ты думаешь, что новый бракъ расторгнетъ предыдущій? Этого быть не можетъ, какъ не можетъ быть измѣнено ни одно слово Спасителя. Православная церковь, въ своемъ заблужденіи, не достаточно сдерживаетъ распущенность нравовъ своей паствы и, въ вопросахъ развода, не руководствуется заповѣдью Христа. Не можетъ быть счастья тамъ, гдѣ есть грѣхъ. Я утверждаю это. Мой долгъ убѣждать тебя не творить противъ воли Христа и, конечно, не я буду способствовать твоему разводу.

— Позволь, Кира, но вѣдь я не католичка! Моя церковь разрѣшаетъ бракъ.

— Никакая церковь не можетъ разрѣшить того, чего не разрѣшилъ Христосъ. Прочти Евангеліе и пойми, что русская церковь беретъ на себя отвѣтственность въ попустительствѣ грѣха ослушанія волѣ Божіей. Конечно, поступай, какъ хочешь, но я, любя тебя, буду горячо молиться, чтобы Онъ открылъ тебѣ глаза и не допустилъ бы до замужества при живомъ мужѣ.

— Ну, хорошо, Кира, оставимъ это. Во всякомъ случаѣ, я еще на нѣкоторое время остаюсь здѣсь, тебя же прошу поѣхать къ мужу, такъ какъ онъ будетъ недоволенъ, что задерживаясь сама, я задерживаю и тебя. Если ты не хочешь переговорить съ Андреемъ, то я напишу ему. Разставшись съ Юріемъ, я отъ всей души хотѣла прежняго счастья, но Андрей отошелъ отъ меня, и я осталась одна съ сознаніемъ, что я потеряла его, несмотря на силу моихъ желаній остаться вѣрной чувству долга. Мы оба замкнулись, и между нами вырылась пропасть.

— Пропасть, потому что ты его разлюбила.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, Кирюша! Развѣ ты забылъ, что я тебѣ говорила еще тогда? У меня, какъ это ни странно, ни на іоту не уменьшалась любовь къ мужу. Я отстранила отъ себя Юрія, я хотѣла вернуть нашу прежнюю жизнь, чтобы забыть, залечить боль сердца. Андрей былъ такъ добръ ко мнѣ во все время моей болѣз-

ни, и я была увѣрена въ томъ, что сердце его, по прежнему, принадлежитъ мнѣ.

— Да, другъ мой, все это такъ, но сердцу вѣдь не прикажешь. Чувства Андрея къ тебѣ, я знаю навѣрное, всегда были очень глубоки; винить его въ охлажденіи я не могу, такъ какъ, вполнѣ, его понимаю. Будь я на его мѣстѣ, вѣроятно, у меня не оказалось бы столько деликатности и тонкости чувствъ какъ у него; Арчевскому не поздоровилось бы, да и тебѣ тоже. — Кириллъ разсмѣялся, но въ глазахъ его мелькнули искорки. — У меня характеръ отца, и въ этихъ случаяхъ je suis intransigeant.

Онъ сѣлъ на диванъ рядомъ съ сестрой и обнялъ ее за плечи.

— «А онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой». Такъ и мы съ тобой: бурлимъ, бурлимъ, цѣлую жизнь бурлимъ. У насъ съ тобой много общаго съ отцомъ. У папы тоже была неугомонная душа. То ли дѣло твой Андрей! Точно корабль—исполинъ: плыветъ по океану жизни, не дрогнувъ, перерѣзываетъ встрѣчные валы и плыветъ все дальше и дальше, въ неизмѣнномъ спокойствіи, по неизмѣнному направленію. Рѣдкій типъ, прекрасный обломокъ мощнаго духа былой Франціи. Не мы одни измельчали: духъ всей Европы измельчалъ и облинялъ.

— О, ужасно облинялъ. Поживешь тутъ дольше, еще болѣе это почувствуешь.

— Ничего, другъ мой. Теперь чередъ новой волнѣ: чистаго романтизма, великаго ренесанса. Мы еще захватимъ съ тобой эту волну.

— Врядъ ли.

— Внѣ всякаго сомнѣнія. Крайность рождаетъ крайность. Міръ скоро изголодается отъ чорствой корки всюду проникшихъ большевистскихъ идей и потянется къ сладкимъ плодамъ яркаго романтизма. Это будетъ самая блестящая страница двадцатаго вѣка. Проснется жажда религіозныхъ подъемовъ, отсюда воскреснутъ похороненные идеалы, воспламенятся творческія фантазіи для чистаго искусства. Будетъ побѣда свѣта надъ тьмой. Міръ живетъ въ непрестанной борьбѣ свѣта и тьмы. Les grands initiés приходили на землю, чтобы дать міру побѣду надъ зломъ. Они уходили, и опять одолѣвала сила тьмы. Жизнь каждаго изъ насъ несетъ

въ себѣ частицы для вѣсовъ одной или другой побѣды. Въ побѣдѣ зла надъ добромъ каждый изъ насъ несетъ великую отвѣтственность. Мы должны быть сознательными въ этой отвѣтственности, а въ особенности теперь, когда міръ тонетъ въ пошлости мѣщанскихъ чувствъ и мыслей, въ черствомъ себялюбіи, аморальности, развратѣ и богохульствѣ. Тюрьма не поглотила всѣхъ моихъ силъ и энергій, и я могу еще быть полезенъ людямъ и послужить во имя Его.

— Я увѣрена, что ты сдѣлаешь много хорошаго.

— Душа моя обновилась, Сандра; ей открылись новые источники свѣта.

Сандра вздохнула:

— Я вѣрю тебѣ, милый, но понять этого не могу.

— Кто знаетъ, можетъ быть и ты когда нибудь поймешь....

— Чего вы не можете понять. Не могу ли я вамъ помочь въ этомъ?

На порогѣ комнаты стоялъ Арчевскій.

— Врядъ ли вы окажетесь полезны въ этомъ случаѣ.—Кириллъ радушно поднялся на встрѣчу вошедшему.

У Сандры радостно блеснули глаза. Съ каждой новой встрѣчей съ Арчевскимъ, волна счастья захватывала ее и уносила все дальше и дальше. Цѣльное большое счастье, которое всю жизнь ускользало отъ нея, начинало казаться возможнымъ. Когда ея сердце принадлежало только мужу, жажда материнства отнимала его полноту; когда радость близкаго материнства наполняла сердце нѣжной радостью, душа ея металась въ мучительныхъ сомнѣніяхъ раздвоенія чувства, и сознанія существующей лжи въ отношенияхъ къ мужу. Теперь, въ поблекшихъ краскахъ домашняго очага, остро мучительный вопросъ казался легко и просто разрѣшимымъ.

Арчевскій опять прочелъ въ ея глазахъ нѣмое подтвержденіе того счастья, которое онъ считалъ похороненнымъ для себя. Въ эту минуту ему казалось смѣшнымъ и глупымъ поддаваться безпричиннымъ настроеніямъ тоски и опасенія, какъ это случилось подъ портиками стариннаго монастыря.

— И такъ, вы сомнѣваетесь, что я могу быть полезенъ?—чувствуя радостный подъемъ отъ близости Сандры, шутливо спрашивалъ Арчевскій.

— Вы еще слишкомъ окутаны жизнью и ея вожделѣніями, чтобы проникаться...

— Не католичествомъ ли?—подсказалъ, смѣясь, Арчевскій.

— Вотъ именно. Сандра этого не понимаетъ, потому что не видитъ пути, а вы не понимаете, потому что для васъ путь еще не открытъ.

— Я сознательно чуждъ ему.

— Если вы сознательно чужды, то это еще не такъ страшно. Когда жизнь потеряетъ въ вашихъ глазахъ всѣ свои attractions, тогда, быть можетъ, вы призадумаетесь надъ тѣмъ, что сейчасъ считаете продуманнымъ и отвергнутымъ.

— Жизнь всѣ эти десять лѣтъ казалась мнѣ такъ безцѣльна, такъ мрачна и такъ лишена всякихъ интересовъ, что достаточно было мѣста для размышленій «по ту сторону», и, увѣряю васъ, Кириллъ, я не только задумывался надъ этими вопросами, но даже нашелъ имъ опредѣленную, ясную для себя, формулу. Вашей психикѣ понадобилось искать точныя формулы истины въ католичествѣ, и вы нашли ихъ, а для моей психики это кажется узкимъ. Я не хочу никакихъ рамокъ въ области вѣрованія.

— Вы ихъ не хотите потому, что отсутствіе рамокъ освобождаетъ васъ отъ всякихъ обязательствъ. Можетъ быть, это происходитъ безсознательно, вытекая изъ источниковъ скрытаго эгоизма, стремящагося во всемъ найти удобную для себя форму.

Кириллъ посмотрѣлъ на Арчевскаго ласковыми глазами, въ глубинѣ которыхъ всегда свѣтилась добродушная, слегка насмѣшливая улыбка.

Арчевскій отвѣтилъ не сразу, какъ будто провѣряя себя.

— Не думаю. Если у васъ есть терпѣніе выслушать меня, то я вкратцѣ набросаю мои мысли на эту тему.

— Съ большимъ интересомъ слушаю васъ.

— Я тоже. Мы никогда съ вами не затрагивали этого вопроса.—Сандра, приготовляясь слушать, посмотрѣла на Арчевскаго взглядомъ, который краснорѣчиво говорилъ, что все будетъ понято ею въ его пользу, что

для ея глубокихъ къ нему чувствъ, слова уже утеряли важность.

— Такъ вотъ видите ли, по моему, истина и не въ католической, и не въ православной церкви. Люди искали ее и до пришествія Спасителя. Спаситель зажегъ свѣтъ истины, зажегъ маякъ, къ которому должна стремиться ладья человѣческой жизни. Онъ образовалъ окружность, въ центрѣ которой находится истина. Мы, находясь на этой окружности, должны двигаться отъ периферіи къ центру. У каждаго народа свой путь, свой радіусъ, по которому онъ идетъ. Этотъ путь и есть церковь—католическая, православная, лютеранская, англиканская, баптистская, штундистская, все равно — какая. Каждая идетъ, каждая ищетъ центра. Какъ не можетъ кругъ имѣть два центра, такъ и не можетъ быть двухъ истинъ. Когда радіусы нашихъ путей будутъ все болѣе и болѣе сближаться, тогда прекратятся споры и различія религій, такъ какъ народы подойдутъ къ общей точкѣ—къ центру. Тогда настанетъ царство Духа, тогда церкви уже не будутъ нужны, и каждый сможетъ поклоняться Христу въ Духѣ и Истинѣ, гдѣ и когда захочетъ. Всякую религіозную форму я считаю декорумомъ, нужнымъ только до времени.

Сандра слушала Арчевскаго полузакрывъ глаза. Звукъ его голоса, мягкій, ласкающій, воскрешалъ въ ея воображеніи картины минувшаго, и сердце ея трепетало отъ радости въ сознаніи, что минувшее опять воскресаетъ въ полной, ничѣмъ не затуманенной, радости. Въ то же время, она, слѣдя за ходомъ его мыслей, не могла отвѣтить себѣ: правъ онъ или нѣтъ.

Кириллъ, вертя между пальцами ножницы, смотрѣлъ на Арчевскаго улыбавшимися глазами, и Сандра не могла отгадать его мыслей.

— Такъ,—помолчавъ проговорилъ онъ.—Вы говорите, что Спаситель, образовавъ окружность, въ центрѣ ея далъ истину. Но вы забываете, что пути къ этой истинѣ Имъ точно опредѣлены. Онъ поручилъ своимъ Апостоламъ вести людей къ этому центру Истины, создавъ для этого Церковь. «Ты еси Петръ, и на семъ камнѣ созижду Церковь мою, и врата адовы не одолѣютъ ее». Спаситель проповѣдывалъ свое ученіе объ истинѣ въ ясныхъ непреложныхъ догматахъ, и кто хочетъ слиться со Христомъ, тому искать нечего, ибо все Имъ указано. Не

можетъ быть разныхъ радіусовъ, ибо мудрость Христа, какъ вы сими сказали, дала истину въ центрѣ, къ которой ведутъ одинаковые радіусы. Зачѣмъ народамъ садиться на невѣдомые челны, когда Великій Кормчій далъ имъ несокрушимый корабль—свою Церковь, которой не страшны никакія житейскія бури. Далѣе, вы говорите, что всѣ Церкви одинаково ведутъ къ истинѣ, но вѣдь Спасителемъ основана «единая» Церковь. Если она раскололась для того, чтобы, по вашимъ словамъ, слиться вновь, то, очевидно, въ этомъ разъединеніи заложено нѣчто, замедляющее движеніе къ истинѣ. Если вы предполагаете, что сліяніе въ центрѣ истины исключаетъ дальнѣйшую необходимость Церкви, то этимъ противорѣчите словамъ Спасителя, что «врата адовы не одолѣютъ ее». Въ единеніи, а не въ упраздненіи Церкви заключается для всѣхъ Царствіе Божіе. Если не будетъ религіозной формы, то будетъ сплошная ересь. Форма есть выраженіе всякой сущности. Я перешелъ въ Католичество, потому что проникся сознаніемъ и вѣрой, что Католическая вселенская Церковь, отъ которой откололись ея вѣтви, имѣетъ въ лицѣ Папы прямого преемника Апостола Петра. Въ теченіи десяти вѣковъ вся Церковь признавала Папу Главой этой Церкви. Раздѣленіе Церквей есть слѣдствіе ересей, вражды или, недостойной для служителей Церкви, гордыни.

Сандра положила руку на руку брата; вниманіе ея всецѣло было сосредоточено на томъ, что онъ говорилъ.

— Насколько я помню, Христосъ одинаково поручилъ всѣмъ Апостоламъ пасти своихъ овецъ и «разрѣшать и связывать».

— Да, достоинства Апостольскіе всѣмъ даны одинаковыя, но, помимо нихъ, Апостолъ Петръ получилъ отъ Христа исключительныя и особенныя преимущества, которыми Онъ отличилъ его отъ остальныхъ Апостоловъ.Онъ переименовалъ его изъ Симона въ Петра, ему одному Онъ сказалъ: «Ты еси Петръ, и на семъ камнѣ созижду Церковь Мою»; ему одному Онъ вручилъ ключи,—символъ высшей власти, въ силу чего онъ и названъ «Ключе-носецъ» Царствія Божьяго и изображается держащимъ въ рукахъ этотъ символъ высшей власти; и, наконецъ, только Апостолу Петру Спаситель, въ присутствіи другихъ Апостоловъ, сказалъ, чтобы Онъ пасъ овцы Его. Признаніе Главенства Папы и есть

тотъ камень преткновенія, который мѣшаетъ единенію Церквей. Конечно, Церковь видимая — какъ общество вѣрующихъ—можетъ заблуждаться и имѣть разногласія, но Церковь невидимая едина; едино пребываетъ благодать, дарованная ей черезъ Духа Святаго Апостолу Петру и его преемникамъ, и вѣра въ эту мистическую Церковную власть не можетъ ни оспариваться, ни доказываться, ибо сила вѣры, заложена въ источникахъ духа нашего, а не въ мозговыхъ центрахъ. Кто увѣровалъ, тотъ и постигъ.

— Въ Богословіи я не силенъ, но разъ ужъ мы коснулись этого вопроса, то разрѣшите мнѣ высказать вамъ свое мнѣніе по поводу вашего перехода въ Католичество. Вѣроятно, я плохой православный, а можетъ быть и плохой христіанинъ, но все же для меня непонятно какъ это вы—человѣкъ съ глубокой душой, могли отойти отъ Россіи въ такую для нея трагическую годину?!—Арчевскій энергично вскинулъ плечами.

Сандра съ удивленіемъ посмотрѣла на него и перевела на брата слегка тревожный взглядъ.

— То есть, какъ это?—встрепенулся Кириллъ и пересталъ вертѣть между пальцевъ ножницы.—Я васъ совсѣмъ не понимаю. Я весь какъ принадлежалъ, такъ и принадлежу моей Родинѣ. Сейчасъ принадлежу еще больше, потому что болѣю сознаніемъ ея Церковной вражды и молюсь о ея возсоединеніи.

— Отойдя отъ Русской Церкви, вы тѣмъ самымъ вливаетесь въ латинство.

— Можно ли говорить такія вещи! Какое невѣжество продолжаетъ царить среди русскихъ въ вопросахъ религіознаго характера! — Кириллъ съ досадой отбросилъ ножницы.—Возможно ли такъ спутывать понятіе о національности съ понятіемъ о вѣрѣ! Католичество не есть латинство. Католическая, то есть кафолическая единая Апостольская Церковь. При чемъ тутъ Россія, при чемъ латинство? Почему—признать главою Церкви Папу, это значитъ впасть въ латинство—ей Богу, я не понимаю.—Кириллъ развелъ руками и разсмѣялся. —Если бы вы сейчасъ не сознались сами, что вы плохой православный, то я понялъ бы ваше недовольство мной, какъ вытекающее изъ сознательной и глубокой вѣры въ свою Національную Церковь; я уважалъ бы ваши убѣжденія, хотя и не раздѣлялъ бы ихъ; но если вы пра-

вославный лишь потому, что родились такимъ, просто по привычкѣ, безъ сознательности и безъ вѣры, то вы не можете ни порицать, ни одобрять мой переходъ въ Католичество. Вѣдь вы, какъ я предполагаю, не интересовались знать, что такое православіе и что такое католичество; вы основываете ваши сужденія на очень смутныхъ понятіяхъ, путая католичество съ латинствомъ и, какъ полагается, безошибочность сужденій Папы въ толкованіи догматовъ вѣры со святостью его особы. Нелѣпица, вбитая въ голову православному необразованію, чтобы поддержать вражду Церквей.

Сандра посмотрѣла на Арчевскаго и разсмѣялась:

— Скажите, Юрій, откровенно: братъ правъ или нѣтъ? Что касается меня, Кирюша, то я чистосердечно расписываюсь обѣими руками, что ты отгадалъ вѣрно: я имѣю весьма скудное понятіе о томъ, какая разница между православіемъ и католичествомъ.

— По крайней мйрй, откровенно, — улыбнулся Кириллъ въ сторону сестры.

Я готовъ въ этомъ же сознаться, но все таки думаю, чте лучше оставаться приверженнымъ къ своей Церкви.

— То есть, мало вѣрующимъ и безсознательнымъ православнымъ, чѣмъ, съ полнымъ сознаніемъ и глубокой вѣрой—католикомъ. Вы это хотѣли сказать?— перебилъ его Кириллъ.—О, стадность, о, слѣпое подчиненіе привычкѣ, о, страхъ плыть противъ теченія даже въ такой глубокой области, какъ религія! — Кириллъ потрясъ руками надъ своей головой.

— Правы, соглашаюсь съ вами, да ничего не подѣлаешь: привычка свыше намъ дана.

— Это стыдно такъ говорить тамъ, гдѣ затрагивается святое святыхъ нашего я,—строго возразилъ Кириллъ.—Конечно, пока со дна души не подымаются сомнѣнія, пока мы съ вѣрой пребываемъ хотя бы въ самыхъ глубокихъ заблужденіяхъ, до тѣхъ поръ мы не несемъ отвѣтственоcти за нихъ, но кто, какъ я, понялъ разумомъ и постигъ вѣрой правоту Церкви Католической, тому нѣтъ оправданія въ упрямствѣ или въ страхѣ передъ мнѣніемъ толпы. Какъ готовъ былъ бы умереть за Царя, такъ готовъ умереть за Церковь, которую исповѣдую и въ Истину которой вѣрую. Я глубоко люблю свою Родину и остаюсь неизмѣнно ея вѣрнымъ сыномъ, но отрицаю націонализмъ, какъ преграду для

сліянія Церкви. Единеніе Церквей есть единеніе вселенское и сверхъ-національное, сознательно и еще болѣе усиливающее любовь къ Родинѣ и жажду горѣнія во имя ее.

Отчего многогранная русская душа обнищала въ такой мѣрѣ, что не можетъ выдѣлить изъ нѣдръ своихъ чистыхъ лучей, которые освѣтили бы ей прямые пути къ правдѣ, къ истинѣ?? Неужели, всѣ пережитыя ею метанія, начавшіяся со второй половины прошлаго столѣтія, завершившіяся скорбной трагедіей развала Родины, не заставятъ эту душу зорко оглядѣться назадъ къ первымъ вѣкамъ Христіанства, не заставятъ ее, всегда черпавшую силы въ мистикѣ, отряхнувъ пыль земли, взлетѣть надъ ней, чтобы подняться въ область чистаго Христіанства?!.. Не восемь, а десятки лѣтъ будемъ скитаться по чужимъ землямъ, пока не смиримся душой, пока не прозрѣемъ, пока отъ вражды не перейдемъ къ миру.

— Но для чего условіемъ этого соединенія предъявляется признаніе Папы?—Арчевскій съ легкой усмѣшкой пожалъ плечами.

— Потому что невозможно принадлежать къ Церкви Вселенской, не подчиняясь ея законной, съ первыхъ же дней, Христомъ установленной, власти. Во всякомъ случаѣ, съ Христовой Святостью, со святостью Церкви, гораздо болѣе согласно католическое начало дѣтскаго покорнаго послушанія единой всемірной власти Папы, нежели возстаніе противъ нея. Сейчасъ вы пожимаете плечами и называете насъ—жаждущихъ мира, бѣгущихъ отъ Церковной вражды и ненависти,—неустойчивыми фантазерами или, еще хуже, ренегатами, но придетъ время, когда мы окажемся первыми ласточками новой, свѣтлой эры—единой Церкви для всего міра. Это будетъ величайшая побѣда добра надъ зломъ, паденіе темныхъ силъ, всемірное торжество Креста надъ усиліями дьявола покорить себѣ людской родъ.

XXVI.

— Благодарю тебя. Я выспался и отдохнулъ отлично. Съ наслажденіемъ взялъ на ночь ванну и спалъ какъ убитый, — говорилъ Кириллъ, подымаясь съ садовой скамьи и пожимая руку Андрею де Вернэ.

— А я спалъ скверно.—Вернэ опустился на скамью, досталъ порт-сигаръ и протянулъ его Кириллу.—Какъ, ты не куришь? Однако, я отлично помню, что ты очень много курилъ и любилъ сигары.

— Это вѣрно, но теперь я бросилъ курить.

— Почему?

— Чтобы не имѣть мучительныхъ привычекъ.

— Ты правъ,—проговорилъ Вернэ раскуривая сигару.—Чѣмъ человѣкъ свободнѣе, тѣмъ счастливѣе, а ненужныя для души привычки, это, своего рода, рабство.

— Тѣмъ болѣе, что главная цѣль моей новой жизни, это свобода духа.

— Какъ это хорошо!—Вернэ внимательно посмотрѣлъ на Кирилла.—Хотя Сандра мнѣ неоднократно писала, что ты очень измѣнился, и я былъ къ этому готовъ, однако, я не предполагалъ, что ты измѣнился въ такой мѣрѣ. Не только наружно, но, я чувствую, что и внутренно.

— Да, во мнѣ многое умерло и многое народилось.

— Теперь мы съ тобой братья и по духу. Я очень этому счастливъ.

Кириллъ удивленно посмотрѣлъ на Андрея.

— Да, да, десять лѣтъ и для моего духа не прошли безплодно. Позитивизмъ мыслителя и ученаго былъ окрещенъ потоками крови; на войнѣ я столько пережилъ и передумалъ, столько было новыхъ прозрѣній, что теперь я отдаю всѣ мои научныя знанія за вѣру во Христа и его ученіе.

— Какое счастіе, въ особенности для тебя, съ твоимъ талантомъ широко и глубоко проникать въ сущность идей. Теперь я тебя люблю еще больше.—Кириллъ ласково положилъ руку на колѣно Андрея.

— Благодарю тебя. Эти теплыя слова для меня большой подарокъ. Я не могу отдѣлаться отъ чувства страшной подавленности вотъ уже три дня, а сегодня это дошло до крайнихъ предѣловъ. Физически я совершенно здоровъ, а между тѣмъ, третью ночь провожу безъ сна. Если бы я былъ мнителенъ и вѣрилъ въ предчувствія, то рѣшилъ бы, что ко мнѣ приближается что то грозное. А можетъ быть, и дѣйствительно оно приближается. Тѣмъ болѣе я радъ, что ты пріѣхалъ.

— Столько пережилось, столько есть о чемъ переговорить, что въ разговорахъ мы прогонимъ твою то-

ску, — проговорилъ Кириллъ. — Какое чудесное утро, и какъ здѣсь хорошо! Я все еще не могу привыкнуть, что попалъ въ Европу, и вокругъ меня бьется пульсъ нормальной жизни. Мнѣ кажется, что паркъ и весь вашъ замокъ стали еще прекраснѣе.

— Я бы этого не сказалъ, — проговорилъ Вернэ, сосредоточенно слѣдя, какъ таяли, въ яркомъ свѣтѣ осенняго теплаго дня, сѣро-прозрачныя, подхватываемыя легкимъ дуновеніемъ вѣтра, кольца сигарнаго дыма.

— Ну, какъ же: посмотри, что за красота эта широкая безконечная аллея, эта круглая колоннада и за ней озеро! А видъ налѣво! А тамъ дальше!

— Не вижу, не вижу я всего этого, — вздохнулъ Вернэ.

— Знаешь, что: поѣдемъ верхомъ. Это прекрасное средство отъ всякой тоски.

— Нѣтъ, постой, — остановилъ его Вернэ, положивъ руку на его обшлагъ. — Сперва мы тутъ съ тобой посидимъ и поговоримъ; вѣдь я увѣренъ, что ты имѣешь мнѣ что то сообщить.

— Почему ты такъ думаешь? — Кириллъ слегка смутился.

— Я въ этомъ увѣренъ. Скажи мнѣ правду, отчего Сандра осталась въ Римѣ? — обычнымъ спокойнымъ голосомъ спросилъ Вернэ.

— Сандра осталась въ Римѣ, потому что тамъ Арчевскій.

— Вотъ въ чемъ дѣло! Опять Арчевскій...

— Встрѣча эта неожиданна. Все это произошло при мнѣ.

— Ну, конечно, неожиданна. Ни минуты не сомнѣваюсь. Дальнѣйшее мнѣ ясно. — Вернэ далеко отбросилъ недокуренную сигару, сплелъ пальцы, съ усиліемъ потеръ ладонь о ладонь и, всѣмъ корпусомъ, повернулся въ сторону Кирилла.

— Пожалуйста, напиши ей, что она какъ были, такъ и есть свободна.

Кириллъ былъ удивленъ невозмутимому наружному спокойствію Вернэ. На его лицѣ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ.

Андрей, въ глубокой задумчивости, слѣдя за облаками, какъ бы забылъ о присутствіи Кирилла, который,

чтобы не мѣшать его мыслямъ, разсѣянно пробѣгалъ, перелистывая, страницы маленькаго томика Бодлера.

— Скажи мнѣ, онъ измѣнился? — неожиданно прервалъ молчанiе Вернэ. Кириллъ сразу понялъ, что онъ спрашивалъ объ Арчевскомъ.

— Душевно постарѣлъ, какъ то притухъ. Видно, что много перестрадалъ.

— Ну, хорошо, довольно объ этомъ. Теперь разскажи о себѣ. Какiе у тебя планы? Вѣдь надо строить жизнь сызнова.

— Тутъ внутри она уже построена. — Кириллъ указалъ на свою грудь. — А о другой жизни я не забочусь. Вѣроятнѣе всего, я приму священическiй санъ. Мнѣ кажется, что такимъ путемъ я смогу быть наиболѣе полезенъ той идеѣ, которая привела меня къ алтарю Като лической Церкви: идея служенiя человѣчеству, въ раскрытiи передъ нимъ свѣта истины, и молитва Богу.

— Въ моей библiотекѣ ты найдешь большой выборъ книгъ по богословiю. Есть очень рѣдкiе экзепляры. Священство?! Что же, это хорошо. Подъ скромной сутаной будетъ биться горячее пламенное сердце въ любви къ Богу и человѣчеству. Ты былъ отличнымъ дипломатомъ и, не случись всей этой катастрофы, сдѣлалъ бы блестящую дипломатическую карьеру; у тебя тонкое знанiе людской психологiи, въ соединенiи съ большимъ тактомъ и чувствомъ мѣры. Эти качества, освященныя благодатью Духа Святого, для совершеннаго священно-служителя необходимы, такъ какъ человѣчество требуетъ переработки, и одного лишь кроткаго сердца для рясы мало. Господь тебѣ поможетъ.

Вернэ поднялся. Его атлетическая фигура была попрежнему могуча, и классическiй профиль по прежнему строгъ, но, при яркомъ свѣтѣ дня, Кириллъ замѣтилъ, что въ движенiяхъ, въ линiяхъ тѣла что то ослабѣло, чувствовалась усталость жизни, замѣтная и въ глазахъ.

— Ты, пожалуйста, Кириллъ погости у меня подольше. Я очень радъ твоему прiѣзду. Мы съ тобой будемъ о многомъ говорить. Я давно живу отшельникомъ, мыслей у меня накопилось много. Сейчасъ я тебя оставляю, а къ завтраку увидимся. — Онъ пересѣкъ главную аллею и свернулъ въ боковую. Кириллъ долго видѣлъ,

какъ мелькала его громадная фигура среди оголявшихся деревьевъ рѣдѣющаго парка.

Глядя ему вслѣдъ, онъ силился отгадать, что таилось въ сердцѣ и мысляхъ этого большого сильнаго человѣка, подчинившаго свои чувства въ такой мѣрѣ, что для окружающихъ, все, что творилось въ немъ, оставалось непроницаемымъ.

Былъ поздній вечерній часъ, когда въ библіотеку, гдѣ сидѣлъ Кириллъ, погруженный въ чтеніе, вошелъ Вернэ.

— Какъ, ты еще не спишь? — удивился Кириллъ.

— За это время многое измѣнилось, измѣнились и мои привычки. Прежде я ложился въ десять и до пяти спалъ какъ убитый; теперь же я стараюсь сократить, слишкомъ для меня длинную, безсонную ночь. Если тебѣ все равно, пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ.

Въ кабинетѣ Кириллъ опустился въ кресло подлѣ камина, въ которомъ пылалъ радостный огонь.

Вернэ придвинулъ небольшой столикъ съ виномъ, наполнилъ имъ два стакана и сѣлъ по другую сторону камина.

— Ты живешь точно въ заколдованномъ царствѣ, — произнесъ Кириллъ.

— Жизнь души лучше и прочнѣе жизни суетной земли.

Оба умолкли и сидѣли неподвижно, устремивъ взглядъ въ пылающій каминъ, въ которомъ пламя творило причудливую сине-алую сказку. Въ ничѣмъ не нарушаемую тишину былъ погруженъ замокъ, съ его обширнымъ паркомъ и далеко раскинувшимися лугами, рощами и лѣсами. Изрѣдка доносился пролетавшій надъ паркомъ вѣтеръ, шумѣли оголявшіяся верхушки старыхъ деревьевъ, ронявшихъ на влажную, холодную, покрытую ночнымъ туманомъ, землю, свою умиравшую послѣднюю красу.

— Какая благодатная тишина,—подумалъ Кириллъ.

Погруженный въ царившій вокругъ него покой, онъ, глядя на алыя узоры пламени, съ необычайной остротой чувствовалъ, что въ двухъ шагахъ отъ него творится нѣчто большое и сложное, замкнутое въ мощной физической оболочкѣ.

— О чемъ ты думаешь Андрей?

— Я ни о чемъ не думаю. Въ этой тишинѣ звучатъ голоса прошлаго, мелькаютъ картины....

Кириллъ ожидалъ, что Вернэ еще что то скажетъ, но онъ опять умолкъ, и опять ихъ окутала тишина, нарушаемая неяснымъ шумомъ вѣтра въ оголенныхъ деревьяхъ парка.

Склонивъ голову на облокоченную о кресло руку, утомленный слишкомъ долгой дневной прогулкой, убаюканный тишиной, Кириллъ началъ дремать. Ему казалось, что онъ опять ѣдетъ по желѣзной дорогѣ и, сидя въ купэ, смотритъ въ окно. Сквозь полуопущенныя отяжелѣвшія вѣки, онъ смутно видѣлъ пылающій каминъ и не могъ понять, почему такимъ яркимъ цвѣтомъ окрашивается паръ, выбрасываемый локомотивомъ. Вѣки сомкнулись: кто-то быстро задернулъ штору окна въ купэ.... поѣздъ помчался быстрѣе....

— Налить тебѣ вина?—осторожно,чтобы не нарушить тишины, спросилъ Вернэ. Отвѣта не послѣдовало. Онъ глубоко вздохнулъ, наполнилъ свой стаканъ и залпомъ осушилъ. Скрестивъ на груди руки, онъ опять отдался теченію мыслей. Въ тишинѣ молчаливаго замка, изо всѣхъ угловъ выплывали тѣни минувшихъ годовъ, толпились, оживали, обступали все тѣснѣе и тѣснѣе. Онъ углублялся вмѣстѣ съ ними въ анфиладу минувшихъ годовъ, уходилъ все дальше и дальше отъ настоящаго.

Онъ видѣлъ себя пылкимъ красавцемъ юношей, съ жаждой знанія, съ горячими порывами, съ вѣрой въ себя и свои силы. Затѣмъ налетѣвшій шквалъ трехъ безумныхъ годовъ, въ которыхъ, казалось, потонули всѣ цѣнности духа, давъ мѣсто разгулу страстей. Карты, вино, женщины, безсонныя ночи, вихри чувствъ въ туманѣ мыслей. Сознаніе власти своей красоты, своего обаянія, въ соединеніи съ властью громаднаго капитала. Онъ видѣлъ себя богомъ веселой толпы, подчинявшейся его прихотямъ. О немъ говорилъ Парижъ, его имя повторялось всюду. И вдругъ, однажды, среди разгара ночного кутежа, онъ отрезвился. Какъ будто чья то невидимая рука встряхнула его за плечи. Онъ долго и внимательно оглядывалъ кутившую съ нимъ компанію, точно впервые увидѣлъ нескромныя позы, услышалъ разнузданныя рѣчи опьяненныхъ виномъ и страстями женщинъ. Ему сталъ противенъ фальшивый

блескъ безконечнаго количества огней, угарный чадъ крикливой оргіи, которой не можетъ быть мѣста въ яркихъ лучахъ дня, въ ароматахъ лѣсовъ, рощъ и полей, далеко раскинувшихся вокругъ стариннаго родного замка, гдѣ онъ провелъ все дѣтство и отрочество, гдѣ зарождались и крѣпли чистые идеалы, высокія стремленія, вѣра въ себя, увѣренность въ достиженіи далекихъ, прекрасныхъ цѣлей. Пьяный угаръ отлетѣлъ. Онъ поднялся, ни на кого не глядя, вышелъ и на другой же день уѣхалъ въ «château d'aiglon»

Прошли годы. Въ молчаливомъ старинномъ замкѣ появилась бѣлокурая голубоглазая женщина, съ береговъ Невы, русская женщина, съ ея загадочной страстной натурой, глубокой и легкомысленной, съ ея неуловимой зыбкостью смѣняющихся настроеній, съ ея русалочьими глазами, прекрасной сказкой въ жизни и дѣтской любовью къ жизни въ сказкѣ... Замокъ ожилъ, зажглись по всѣмъ комнатамъ и заламъ яркіе огни, запестрѣли въ ваэахъ цвѣты, зазвенѣли многочисленные голоса.... Смѣхъ, радость, праздникъ жизни. Изъ оконъ своихъ верхнихъ аппартаментовъ Андрей наблюдалъ, какъ жадно пила изъ кубка жизни женщина, которой онъ давалъ радость. Ея счастьемъ онъ былъ полонъ самъ. Онъ писалъ книгу о человѣческомъ счастіи, писалъ книгу о жизни, которая расцвѣтала на его глазахъ. Весь замокъ, со всѣми окрестными лугами, рощами и лѣсами какъ бы звучалъ непрестаннымъ аккордомъ полной гармоніи. И вдругъ, въ этотъ аккордъ ворвалась мощная, страстная, призывная пѣсня русскаго пѣвца. Все кругомъ замолкло, завороженное сѣверной сказкой. Страстныя пѣсни наполнили паркъ, рощи и лѣса, заполнили сердце голубоглазой русалки.

Вернэ очнулся, тяжело вздохнулъ и тоскующимъ взглядомъ обвелъ комнату: тѣни испуганно метнулись прочь въ темные углы. Пламя въ каминѣ поблѣднѣло, и кабинетъ выглядѣлъ мрачно. Неясными очертаніями громоздилась въ полутьмѣ старинная тяжелая обстановка. Въ глубинѣ ниши слабыми очертаніями выступала изъ золотой тяжелой рамы, въ легкой сиреневой дымкѣ бальнаго платья, его жена — Сандра. Тоска сильнѣе сжала сердце Вернэ; тоска, которой нѣтъ названія, которая какъ клещами впивается въ сердце и мозгъ.

Крадучись, тѣни минувшаго опять стали обступать кресло, окружать склоненную голову Вернэ.

У потухавшаго камина царила жуткая, тоскливая тишина.

На слѣдующее утро Кириллъ всталъ поздно и только что собирался выйти изъ своей комнаты, какъ до него донеслись голоса что то кричавшіе, кого то торопливо звавшіе. Онъ распахнулъ окно и увидѣлъ бѣжавшую дворню замка. Кириллъ ихъ окрикнулъ.

— Лошадь расшибла мосье Вернэ... Онъ лежитъ на дорогѣ недалеко отъ первой рощи, — запыхавшись прокричалъ старый камердинеръ и, съ трудомъ переводя дыханіе, побѣжалъ дальше.

Несмотря на высоко расположенное окно нижняго этажа, Кириллъ выпрыгнулъ и бросился вслѣдъ за бѣжавшими. Онъ ихъ быстро нагналъ и узналъ, что Андрей часа два тому назадъ уѣхалъ верхомъ, велѣвъ осѣдлать недавно пріобрѣтеннаго кровнаго жеребца, горячаго и мало ходившаго подъ сѣдломъ. Крестьянинъ, сообщившій о бѣдѣ, видѣлъ какъ жеребецъ бѣшенымъ карьеромъ несъ сѣдока и, на всемъ скаку, выбросилъ его изъ сѣдла.

Подлѣ рощи у самаго шоссе, навзничь, съ раскинутыми руками, была неподвижно распростерта громадная фигура Андрея де Вернэ. Кириллъ опустился на колѣни и приложилъ ухо къ его груди. Сердце не билось. Кириллъ тотчасъ же вспомнилъ мрачныя предчувствія Андрея о приближеніи къ нему чего то грознаго.

Вокругъ неподвижно лежавшаго Вернэ, собралась вся замковая прислуга и, узнавшіе о несчастіи, крестьяне. Виржиль—старикъ камердинеръ, вѣрный долголѣтній слуга, всхлипывая, громко плакалъ, обнимая и цѣлуя безжизненно запрокинутую голову. Вскорѣ Кириллъ убѣдился, что сердце хоть и слабо, но все же билось. Принесеннымъ изъ замка полотенцемъ онъ обвязалъ ему голову. Около уха была рана, изъ которой медленно сочилась кровь. Осторожно, общими усиліями, Вернэ приподняли, положили на одѣяло и бережно понесли въ замокъ, куда немедленно прибылъ докторъ. Поврежденіе черепа оказалось очень серьезно. Вся тяжесть удара пришлась въ голову о каменный столбъ.

Только къ вечеру Андрей пришелъ въ сознаніе. Онъ открылъ глаза и долго, молча смотрѣлъ на Кирилла,

державшаго его руку, не отходившаго ни на минуту отъ его кровати.

— Я чувствую близость конца,—слабо произнесъ онъ.—Мнѣ надо исповѣдаться и причаститься.

Нѣсколько минутъ онъ молчалъ.

— Дайте знать Сандрѣ и Мари, а то не успѣютъ,— прошепталъ онъ. Кириллъ почувствовалъ слабое пожатіе руки, когда онъ отвѣтилъ, что Сандрѣ телеграмма послана, и что Мари ждутъ каждую минуту въ отправленномъ за ней автомобилѣ.

Поздно вечеромъ къ нему вошла Мари, только что примчавшаяся изъ Парижа. Андрей посмотрѣлъ на нее долгимъ благодарнымъ взглядомъ, закрылъ глаза и до утра оставался въ забытьи. Мари и Кириллъ всю ночь провели подлѣ него. Опираясь плечами о высоко подложенныя подушки, съ забинтованной головой, съ протянутыми руками, онъ лежалъ неподвижно и тихо, протяжно стоналъ. Когда сквозь спущенныя драпировки начало пробиваться утро, Андрей затихъ. Плечи его тяжело вдавились въ подушки, голова была слегка закинута, вѣки опущены, губы сомкнуты въ строгую, почти суровую линію, все лицо обвѣяно грозными тѣнями.

Мари въ ужасѣ указала Кириллу на это новое, преображающееся къ приходу смерти, лицо. Кириллъ горестно наклонилъ голову.

— Я боюсь, что Сандра не успѣетъ, чуть слышно прошептала она. Въ ту же минуту Андрей открылъ глаза, и обернулъ ихъ въ сторону Кирилла; его губы шевельнулись. Кириллъ наклонился къ нему.

— Не успѣетъ.... уже поздно....—тихо произнесъ Андрей, съ видимымъ усиліемъ выговаривая каждое слово.—Я написалъ ей письмо, хотѣлъ отправить... передайте ей... я благословляю ее... благословляю всю жизнь.... пусть проститъ, если не вышло счастья... я глубоко любилъ и носилъ ее въ сердцѣ.... Простите... Позовите священника.

Послѣднія слова донеслись до слуха Кирилла какъ слабое дуновеніе вѣтра. Вѣки опять сомкнулись. Какъ будто ставни закрылись у оконъ жилой комнаты, и она, потемнѣвшая, сразу опустѣла. Такъ же сразу потемнѣло и потеряло всякое дыханіе жизни—строгое, неподвижное лицо. Тяжело и безсильно, глубоко вдавилась въ подушки громадная фигура.

Блѣдные пальцы, осторожно чего то ища, двигались по борту простыни.

Докторъ измѣрилъ пульсъ и безнадежно покачалъ головой. Мари опустилась на колѣни подлѣ кровати. Старикъ камердинеръ, обнявъ ноги любимаго имъ человѣка и припавъ къ нимъ головой, что то безсвязно, горестно шепталъ и плакалъ старческими слезами, тяжкими и неутѣшными. Кириллъ молился, стоя у изголовья.

Среди полнаго покоя, Андрей, прижимая къ груди Распятіе, подошелъ къ порогу вѣчности.

Осторожно открылась дверь. Вошелъ священникъ— худой, высокій старикъ, наканунѣ вечеромъ причастившій его. Онъ раскрылъ молитвенникъ, благословилъ умиравшаго и, дрожавшимъ, отъ сдерживаемыхъ слезъ, голосомъ, сталъ читать отходную молитву.

Пронесся тихій глубокій вздохъ: Андрей перешагнулъ порогъ вѣчности, оставивъ на землѣ ненужное, холодѣющее тѣло еще недавно сильнаго, блестящаго человѣка, оставивъ за собой, какъ упавшая въ ночи звѣзда мимолетный, но яркій свѣтъ чистой, честной жизни, въ которой его сердце всегда и неизмѣнно билось для пользы окружавшаго его человѣчества.

Въ комнатѣ настала торжественная тишина. Неожиданно ворвался яркій лучъ осенняго солнца и, пересѣкая комнату, ударилъ въ застывающій, будто точеный изъ мрамора, профиль, на которомъ ледяная рука смерти уже наложила суровую печать.

Подъ самымъ окномъ суетливо чирикалъ воробей, и виднѣлись, освобожденныя отъ дождевыхъ тучъ, ясныя голубыя небеса.

XXVII

— Знаешь что: сегодня мы больше никуда не пойдемъ. Довольно. Я устала отъ впечатлѣній всѣхъ этихъ дней,—говорила Сандра Арчевскому, входя послѣ далекой экскурсіи въ свою отельную комнату.

— И я усталъ и радъ побыть съ тобой наединѣ.

— Да, да, никого и ничего не хочу, кромѣ тихаго уютнаго разговора съ тобой.

Она сбросила пальто и шляпу и, забравшись на ди-

ванъ съ ногами, указала А рчевскому мѣсто подлѣ себя.

— Нѣтъ, я сяду, какъ любилъ сидѣть въ былое время.

Арчевскій опустился на коверъ, зажалъ между ладоней абѣ руки Сандры и прижалъ ихъ къ губамъ.

— Устала?

— Да, немного. Захотѣлось полнаго покоя не только вокругъ, но и внутри себя.

— Развѣ его нѣтъ у тебя?

— Иногда,—нѣтъ. Сама не знаю почему, мной овладѣваетъ иногда какое то безпокойство, хочется, чтобы какъ можно скорѣе все выяснилось, и чтобы мы больне разставались.

— Да, скорѣе бы,—вздохнулъ Арчевскій. Онъ не хотѣлъ сказать Сандрѣ, что и его сердце безпрестанно наполнено какой то неясной тревогой.

— Ты и представить себѣ не можешь, какъ я жду того часа, когда ты, наконецъ, скажешь мнѣ, что совершенно свободна...

— Ну, хорошо, давай мечтать; не надо поддаваться глупымъ и безпричиннымъ настроеніямъ. Какъ ты думаешь, гдѣ будетъ нашъ постоянный домъ?

— Въ Россіи, милая, конечно, въ Россіи. Хоть въ разоренной и опустошенной, а все-таки на своей родной землѣ будемъ жить.

— Я не говорю про далекое будущее, а про то, которое скоро настанетъ. Зимой ты будешь пѣть, а лѣтомъ мы устроимся такъ.... — Сандра не договорила: кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите, — проговорилъ Арчевскій, быстро поднимаясь съ ковра.

Лакей подалъ на имя Сандры телеграмму.

— Это навѣрное отъ Кирилла. Онъ обѣщалъ сообщить, можно ли мнѣ затянуть возвращеніе. — Она вскрыла телеграмму и сразу измѣнилась въ лицѣ.

— Прочти, — она протянула телеграмму Арчевскому, поднялась съ дивана и, съ испуганными глазами, остановилась, не зная что дѣлать.

Арчевскій прочелъ телеграмму и почувствовалъ какъ бы толчекъ въ грудь.

— Когда же ты поѣдешь? — спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Сейчасъ, то есть вечеромъ. Что тамъ могло слу-

читься? — Она закрыла глаза и опять опустилась на диванъ.

— Можетъ быть, ничего страшнаго... Можетъ быть это предлогъ, чтобы вызвать тебя, — неубѣдительнымъ тономъ проговорилъ Арчевскій.

— Что ты! Ни мужъ, ни Кириллъ на такой пріемъ неспособны. Въ телеграммѣ что то недоговорено. Ты прочти: «Андрей серьезно заболѣлъ, выѣзжай первымъ поѣздомъ». Господи, что тамъ случилось?! Юрій, милый мой, что же это опять происходитъ?! Мнѣ надо ѣхать, ты понимаешь, что я не могу ждать.

— Я понимаю, но опять разстаться, чтобы опять потерять тебя, я уже не въ силахъ. Я ѣду съ тобой.

— Куда же ты поѣдешь? Въ Парижъ? Все равно, разъ онъ серьезно боленъ, я не смогу ѣздить къ тебѣ. Постой, постараемся успокоиться и обсудить толково. Вотъ что я придумала: сейчасъ я соберу вещи и ѣду съ десятичасовымъ поѣздомъ; по пріѣздѣ дамъ тебѣ телеграмму самую обстоятельную, и тогда ты рѣшишь, надо ли тебѣ немедленно ѣхать въ Парижъ или же ты подождешь моего возвращенія, послѣ окончательныхъ переговоровъ съ мужемъ.

— Нѣтъ Сандра, я знаю, что если останусь безъ тебя, то впаду въ полное отчаяніе: слишкомъ жестоки воспоминанія прошлой разлуки.

Сандра положила руки на плечи Арчевскаго, съ горячностью стараясь его успокоить и убѣдить:

— Да вѣдь теперь совсѣмъ другое, теперь сердце мое не борется съ мучительной двойственностью. Теперь насъ ничто не можетъ раздѣлить. Болѣзнь мужа можетъ только немного затянуть разлуку.

Арчевскій молчалъ. Глаза его были полны тоски; лицо, легко подчинявшееся внутреннимъ переживаніямъ, сразу измѣнилось и поблѣднѣло.

— Ахъ, опять начинается какая то мука! — Онъ снялъ со своихъ плечъ ея руки и началъ ходить вдоль комнаты.

— Вотъ и причина неясныхъ тревогъ. О, какъ мое сердце всегда вѣрно предчувствуетъ грядущее страданіе. Но почему ты не хочешь, чтобы я ѣхалъ съ тобой? Почему? — Онъ остановился передъ Сандрой съ такимъ страдающимъ лицомъ, что у нея сжалось сердце.

— Я не не хочу, мой милый, я просто думаю о томъ,

что это оторветъ тебя отъ прохожденія оперныхъ партій. Выступленіе твое уже такъ близко.

— Въ концѣ концовъ, я возненавижу свой голосъ, если онъ будетъ вѣчно становиться на пути къ моему счастью.

— Мой милый, дѣлай какъ хочешь; я не смогу уѣхать, зная, что ты страдаешь.

Лицо Арчевскаго просвѣтлѣло.

Они выѣхали съ десятичасовымъ вечернимъ поѣздомъ. Въ купэ кромѣ нихъ никого не было. Электрическій шаръ ярко освѣщалъ уютный уголокъ съ двумя диванами, съ большимъ букетомъ неизмѣнно алыхъ розъ, бережно уложенныхъ на сѣтку и наполнявшихъ купэ свѣжимъ ароматомъ. Они сидѣли рядомъ. Сандра, опустивъ голову, машинально, задумчиво обертывала и развертывала вокругъ пальца розовую ленточку, которой была перевязана конфетная коробка; Арчевскій сидѣлъ близко подлѣ нея, счастливый этой близостью на тридцать шесть часовъ. Оба молчали. Не хотѣлось нарушать интимную атмосферу кратковременнаго покоя разговоромъ о томъ неясномъ, тревожномъ близкомъ, къ которому на всѣхъ парахъ ихъ мчалъ скорый поѣздъ.

XXVIII

Моросилъ мелкій дождикъ, небо было сѣро, и уныло рѣдѣли лѣсъ и рощи, когда Сандра, простившись съ Арчевскимъ въ Парижѣ на Gare de l'Est, вышла изъ поѣзда на станціи, гдѣ сейчасъ же увидѣла подходившаго къ ней брата. У него было строго сосредоточенное лицо; всегда улыбавшіеся глаза были печальны. Сандра бросилась къ нему.

— Что случилось?

— Андрей очень серьезно боленъ... Докторъ не увѣренъ...

— Не увѣренъ въ чемъ? Ты меня пугаешь... Чѣмъ онъ боленъ?

— Онъ упалъ съ лошади два дня тому назадъ; лошадь понесла, и онъ сильно расшибся, въ особенности пострадала голова.

— Онъ въ сознаніи?

— Н... не совсѣмъ. Я пріѣхалъ въ каретѣ, такъ какъ шофера докторъ послалъ въ Парижъ, — солгалъ Кириллъ. Онъ пріѣхалъ въ каретѣ намѣренно, чтобы имѣть время подготовить сестру къ тому, что ее ожидало въ замкѣ.

На поляхъ и въ рощахъ, мимо которыхъ катилась карета, по сырой черной землѣ стлался бѣлѣсоватымъ пластомъ осенній туманъ. Грустно и непривѣтливо рѣдѣли оголенныя молчаливыя рощи, еще такъ недавно густо яркія и звонкія. Сандра слушала сбивчивые разсказы брата, и ей казалось, что и въ сердцѣ ея начиналъ заползать холодный, мрачный какъ саванъ, туманъ.

— Онъ звалъ меня? Ты ему уже успѣлъ сказать объ Арчевскомъ? — забрасывала она брата вопросами.

— Да, онъ хотѣлъ тебя видѣть, и я сказалъ, что тебѣ послана телеграмма. Объ Арчевскомъ онъ узналъ и далъ тебѣ полную свободу. Я не сомнѣвался въ этомъ.

— Конечно, вѣдь я ему больше не нужна, — вздохнула Сандра.

— Ну, этого ты, положимъ, знать не можешь. Заглянуть въ душу человѣка, да еще въ такую глубокую какъ душа Андрея, я думаю, трудно.

— Онъ сильно страдаетъ? — помолчавъ спросила Сандра.

— Нѣтъ, теперь онъ не страдаетъ, — запнулся съ отвѣтомъ Кириллъ.

У Сандры дрогнуло сердце. Слово—теперь—показалось ей страшнымъ и значительнымъ. Она умолкла, отдаляя минуту узнать то, что тоскливо и смутно начинало закрадываться въ ея сердце. Кириллъ, послѣ долгаго молчанія, взялъ ея руку:

— Что съ тобой?

— Тоска!... — прошептала Сандра.

— Да, тоска. Надо молиться.

Карета остановилась у подъѣзда. Вышелъ лакей, молча поклонился и молча сталъ вытаскивать изъ кареты ручной багажъ. Въ этомъ озабоченномъ молчаніи Сандра заподозрила то, что еще не сказалъ ей братъ.

— Что... какъ мосье Вернэ? — нерѣшительно и робко произнесли ея губы.

Лакей бросилъ мимолетный взглядъ въ сторону Кирилла и неопредѣленно отвѣтилъ:

— Ничего-съ.

Едва Сандра вошла въ вестибюль, какъ увидѣла Мари, съ усталымъ пожелтѣвшимъ лицомъ, ожидавшую ее въ креслѣ, съ протянутой на тубаретѣ больной ногой. При видѣ Сандры, она поднялась и, съ трудомъ, медленно пошла ей навстрѣчу.

— Какъ, и вы здѣсь съ больной ногой? Кириллъ мнѣ не сказалъ.

— Я пріѣхала въ тотъ же день вечеромъ. Бѣдный Андрэ! — У Мари потекли слезы.

— Скорѣй, скорѣй къ нему... Гдѣ онъ: у себя внизу? — лихорадочнымъ жестомъ сбрасывая на руки лакея пальто, проговорила Сандра.

— Успокойтесь немного, и тогда мы пойдемъ вмѣстѣ. Сейчасъ принесутъ изъ оранжереи цвѣты.

У Сандры испуганно расширились глаза. Она схватилась обѣими руками за руку Мари.

— Что вы сказали?... Развѣ онъ!..

Мари, вытирая скатывавшіяся слезы, молча утвердительно покачала головой.

Сандра прислонилась къ колоннѣ. Мысли остановились, холодъ проникъ въ сердце.

— Умеръ... Умеръ... Умеръ... — отстукивало что то страшное въ ея мозгу, и это слово, которое она столько разъ слышала, читала и сама произносила, принимало все болѣе и болѣе новый, жуткій, страшный смыслъ.

— Какъ это случилось? — съ трудомъ произнесла она.

— Вчера въ семь часовъ утра. Онъ ушелъ безъ страданія. Въ послѣдніе минуты былъ въ полномъ сознаніи. Просилъ передать, что благославляетъ васъ и вашу жизнь.

— Не я ушла отъ него... самъ ушелъ, — пронеслось въ мысляхъ Сандры.

Когда въ ея комнату, часъ спустя, вошла Мари, она нашла ее сидѣвшей на диванѣ, съ опущенной головой и сложенными на колѣняхъ руками, въ дорожномъ костюмѣ, со смятой прической, съ неосвѣженнымъ водой лицомъ.

— Вы еще не умывались, Сандра?

Сандра подняла странный взглядъ. Слѣдовъ слезъ не было, но въ выраженіи лица было нѣчто, что испугало Мари.

Она сѣла рядомъ съ ней и обняла ее за плечи.

— Цвѣты уже наверху. Мы сами уберемъ его... Пойдемте къ нему, милая.

Сандра, молча, поднялась.

— Гдѣ онъ?

— Въ своемъ бѣломъ залѣ. Онъ любилъ растенія и цвѣты, и мы залъ превратили въ садъ.

— Пойдемте, я готова.

Въ ту минуту какъ Мари взялась за ручку двери закрытаго зала, Сандра, смертельно блѣдная, отшатнулась.

— Не бойтесь, онъ не измѣнился. Прекрасное лицо.

Сандра взяла изъ рукъ Мари любимые ея мужемъ туберозы и конвульсивно сжала ихъ въ дрожавшей рукѣ. Ей было страшно увидѣть то, что было за закрытой дверью. Она сдѣлала надъ собой усиліе и открыла дверь.

Весь залъ былъ превращенъ въ садъ. Громадныя растенія, перенесенныя изъ оранжерей, и вазоны съ цвѣтами наполняли залъ благоуханіемъ. Среди густого полукруга зелени, Сандра увидѣла орлиный строгій и прекрасный профиль съ закрытыми выпуклыми вѣками, надъ которыми четкая линія бровей была приподнята, какъ бы въ загадочномъ раздумьи. Гробъ былъ замаскированъ и казалось, что Вернэ спитъ въ цвѣточной колыбели. Ничего не было страшнаго, пугающаго воображеніе, наоборотъ: царила торжественная красота, обвѣвавшая глубокимъ покоемъ того, кто, за невѣдомой чертой, уже узрѣлъ вѣчный покой.

Сандра взошла на ступени катафалка и, освобожденная отъ чувства страха, охваченная скорбью, склонилась надъ тѣломъ мужа. Ей казалось, что сейчасъ разомкнутся его уста, и онъ скажетъ ей то, что застыло вопросомъ на его блѣдномъ, необычайно прекрасномъ лицѣ, болѣе прекрасномъ, чѣмъ оно было въ жизни.

— Ушелъ... Ушелъ совсѣмъ... Молчаніе смерти... Страшно это.., — съ мучительной тоской думала Сандра, глядя, не отрываясь, въ мраморно неподвижное лицо, ставшее далекимъ, загадочнымъ какъ запертая на вѣки дверь.

Она положила подлѣ него цвѣты. Первая слеза медленно скатилась по щекѣ и упала на сложенныя на гру-

ди руки. За этой первой покатились, одна за другой, обильныя горькія слезы переполненнаго раскаяніемъ и токой сердца. Припавъ головой къ краю гроба, она долго, беззвучно плакала.

— Тебѣ надо отдохнуть. — Кириллъ подошелъ къ сестрѣ и взялъ ее подъ руку.

Онъ провелъ ее въ спальню, позвонилъ горничную и взялъ съ нея слово, что она немедленно ляжетъ въ кровать и постарается заснуть.

— Когда отдохнешь, то позови меня: мы о многомъ поговоримъ съ тобой.

Кириллъ и Мари завтракали одни въ громадной столовой, казавшейся имъ опустѣлой отъ сознанія, что мѣсто хозяина навсегда останется незанятымъ. Присутствіе смерти чувствовалось въ самыхъ отдаленныхъ углахъ стариннаго замка.

Подъ вечеръ, Кириллъ пошелъ къ сестрѣ. Въ черномъ платьѣ, съ гладко расчесанными на проборъ волосами, она казалась похудѣвшей. Краски сбѣжали съ лица, глаза глядѣли печально и утомленно.

— Какъ хорошо, что ты пришелъ; я только что хотѣла идти за тобой. Разскажи мнѣ подробно все, начиная съ твоего пріѣзда. Какъ мнѣ больно, что я не пріѣхала съ тобою вмѣстѣ.

Кириллъ подробно разсказалъ ей все, что говорилось и что произошло за три дня его пребыванія въ замкѣ.

— Онъ хотѣлъ послать мнѣ письмо?... Гдѣ же оно? — съ волненіемъ спросила Сандра.

— Оно лежало на столѣ запечатанное, готовое къ отправкѣ. Вотъ оно. — Кириллъ вынулъ изъ кармана изъ толстой англійской бумаги конвертъ, адресованный на имя Сандры въ Римъ, передалъ его сестрѣ и, отойдя въ другой конецъ комнаты, опустился въ кресло.

Дрожащими пальцами она развернула большой листъ, исписанный мелко и четко. Кириллъ, слѣдившій за выраженіемъ лица сестры, видѣлъ, какъ оно все больше и больше мѣнялось, блѣднѣло, какъ дрожалъ листъ бумаги и, наконецъ упалъ ей на колѣни. Припавъ головой къ спинкѣ дивана, Сандра истерично зарыдала.

— Прочти, прочти письмо... какое страданіе... какая мука для меня на всю жизнь!.. Милый... дорогой, единственный другъ! Какъ я мало понимала его... — пре-

рывающимся отъ рыданій голосомъ, говорила Сандра.

Кириллъ взялъ письмо. Андрей де Вернэ въ сердечной и благородной формѣ писалъ женѣ о томъ, что вся цѣль его жизни была стремленіемъ давать людямъ счастіе, а тѣмъ болѣе ей, которую онъ неизмѣнно глубоко любилъ. Онъ писалъ ей о томъ, что никогда не ставилъ ей въ вину ея чувства къ Арчевскому и, исполненный благодарностью, былъ счастливъ ея вовращенію въ замокъ послѣ смерти дитяти. Онъ ждалъ отъ нея горячаго порыва, въ которомъ она открыла бы передъ нимъ свое наболѣвшее сердце, какъ передъ своимъ лучшимъ другомъ; ради ея счастья, онъ всегда былъ готовъ забывать себя, ибо сознаніе ея радости давало ему полное удовлетвореніе. Но она замкнулась, и онъ понялъ, что любовь къ Арчевскому вырыла между ними пропасть, что она вернулась въ замокъ, движимая исключительно сознаніемъ долга и что, если бы не объявленная вслѣдъ за этимъ война, несомнѣнно призвавшая Арчевскаго стать въ ряды защитниковъ своей родины, то тогда, конечно, онъ счелъ бы себя въ правѣ нарушить молчаніе, дабы снять съ нея обузу долга и напомнить, что она свободна, и что онъ можетъ быть только счастливъ сознаніемъ ея счастья. Онъ хотѣлъ облегчить ей нести бремя долга и дѣлалъ все, чтобы занимать въ ея жизни возможно меньше мѣста. И вотъ, послѣ десяти трудныхъ лѣтъ, жизнь возвращаетъ ей утерянное. Онъ понимаетъ, что чувства, не увядшія впродолженіи такой долгой и безнадежной разлуки, имѣютъ права, и потому онъ спѣшитъ сказать ей, что она, какъ всегда, свободна въ стремленіи къ своему счастью. «Мой любимый другъ,—заканчивалъ онъ свое письмо,—я понимаю, что я сталъ для тебя старъ и скученъ, всегда окруженный полками книгъ, кипами бумагъ и нотъ, но, можетъ быть, ты хоть изрѣдка и издалека будешь вспоминать одинокаго отшельника, твоего вѣрнаго, неизмѣнно любящаго тебя друга».

Кириллъ молчалъ, понимая неутѣшныя слезы сестры, проливаемыя надъ непоправимой ошибкой въ сознаніи, что она прожила десять лѣтъ, обвиняя мужа въ охлажденіи въ то время, какъ сердце его неизмѣнно принадлежало ей. Какъ могла она не понять, что ея молчаніе накладывало обязательство такого же молчанія? Какъ могъ онъ, за оградой черстваго молчанія, услы-

шать біеніе живого, въ любви къ нему, сердца? Оба они были обмануты, оба страдали. Смерть дала ему покой, завѣщавъ ей муку до конца дней.

XXIX

— Что же будетъ дальше? Чего я долженъ ждать? — спрашивалъ Арчевскій упавшимъ голосомъ. Онъ сидѣлъ весь согнувшись и, облокотясь о колѣни, тупо смотрѣлъ себѣ подъ ноги на яркій рисунокъ ковра, что то мучительно ему напоминавшій и еще больше увеличивавшій сосущую сердце тоску.

Въ черномъ платьѣ, падавшимъ широкими складками, сильно постарѣвшая за истекшія десять лѣтъ, совершенно сѣдая, съ отцвѣтшимъ лицомъ, на которомъ странно моложаво блестѣли черные, продолговатые, мечтательные глаза, Мари полулежала на кушеткѣ, съ протянутыми, покрытыми пледомъ, ногами.

— Что же дѣлать, мой другъ. Надо терпѣливо ждать.

— И опять мучиться и страдать?! — уныло произнесъ Арчевскій.

Мари промолчала. Ей было его глубоко жаль. Второй разъ жизнь дѣлала ее свидѣтельницей его сердечной драмы.

— Когда же я увижу ее?

Она вызоветъ васъ или сама сюда пріѣдетъ, какъ только немного успокоится. Надо выждать. Письмо Андрея нанесло страшный ударъ ея душѣ.

— Я это вполнѣ понимаю, но, согласитесь, что и на мою долю выпадаетъ слишкомъ много страданій.—Онъ тяжело вздохнулъ, всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. — Что же мнѣ теперь дѣлать? Написать ей? Что писать? Развѣ она не понимаетъ, что я долженъ переживать. Казалось, что, наконецъ, я близокъ къ желанной пристани, что наступаетъ окончательный покой для сердца, и вотъ опять сомнѣнія, опять какая то неопредѣленность, опять поколеблена вѣра въ возможность счастья. Я чувствую, что пережитые годы наложили на меня отпечатокъ не только въ видѣ сѣдѣющихъ волосъ, — нѣтъ: я просто весь усталъ. Усталъ чего то ждать, на что то надѣяться и даже усталъ страдать. Вотъ сейчасъ, говоря съ вами, я понялъ, что я пред-

почитаю безнадежную опредѣленность мучительной лихорадкѣ неясныхъ ожиданій. Наша нежданная встрѣча раздула потухшій огонь жизненной энергіи, но, увѣряю васъ, что огонь этотъ легко задуть малѣйшему вѣтру, если любящая ласковая рука не будетъ его поддерживать. Прежде я любилъ мой голосъ; теперь я смотрю на него какъ на средство дать радость жизни любимому существу, или, если опять останусь одинъ, какъ на средство гарантировать себѣ на старость нѣкоторый комфортъ. Одиночество? — Арчевскій безнадежно махнулъ рукой. — Не все ли равно! Если въ немъ нѣтъ счастья, то нѣтъ и страданія.

— Счастья въ жизни нѣтъ. Есть только напряженное къ нему стремленіе. Счастье похоже на миражъ, который виденъ лишь издали. Оглянитесь вокругъ себя, мосье Арчевскій, теперь и въ прошломъ: гдѣ вы видѣли настоящее счастье? Вотъ передъ вами я — образчикъ, какъ будто, блестящей жизни, въ смыслѣ успѣха, а между тѣмъ вся жизнь моя прошла среди разочарованій и горечи. Настоящее счастье было въ моментахъ внутреннихъ, далекихъ отъ земли, переживаній. Но это были лишь моменты. А вотъ и старость съ ея недугами, съ оглядываніемъ на пройденный путь... Передайте въ руки Божьи всю вашу тревогу, все будущее, и вамъ будетъ легче.

— Это легко сказать. Надо имѣть въ душѣ громадный запасъ вѣры, чтобы все предать, какъ вы говорите, въ руки Божьи и на этомъ успокоиться. Такихъ источниковъ вѣры въ моей душѣ нѣтъ.

— Это грустно. Вѣрующему легче страдать.

— Я вѣрую, но далекъ до тѣхъ достиженій, къ которымъ подошелъ Кириллъ. Кстати, о немъ: для меня совершенно непонятна его теперешняя психологія, то есть вѣрнѣе, психологія, толкнувшая его къ католичеству.

— Я думаю, есть вещи о которыхъ нельзя судить, разъ къ нимъ не подходишь близко. Кириллъ натура прямая, честная и глубокая. Я увѣрена, что онъ сдѣлалъ это всей глубиной душевныхъ порывовъ.

— Въ этомъ не сомнѣваюсь и я, но всѣ же мнѣ непонятенъ этотъ поступокъ.

— Если бы подлѣ Сандры сейчасъ не было Кирилла, она гораздо тяжелѣе переживала бы свое горе. Онъ

такъ осторожно, такъ вѣрно дотрагивается до больныхъ струнъ ея души. Вы можете быть вполнѣ спокойны: Кириллъ очень и очень облегчаетъ ей пережить постигшій ее двойной ударъ.

— Нѣтъ, мадемуазель Мари, я совсѣмъ не споко енъ. Скажу больше: я былъ бы гораздо спокойнѣе, ес либы подлѣ нея не было Кирилла.

— Я васъ не понимаю. — Мари подняла на Арчев скаго удивленный взглядъ.

— Люди, съ психологіей подобной Кириллу, все видятъ подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія, все укладываютъ въ опредѣленную форму, вдвигаютъ въ соотвѣтствующія рамки. Я боюсь, что онъ можетъ имѣть на Сандру слишкомъ много вліянія... — Арчевскій не до говорилъ...

— То есть, вы боитесь, что Кириллъ отдалитъ ее отъ васъ. Вы это хотѣли сказать?

— Да, вы угадали.

— Вы ошибаетесь. Кириллъ къ вамъ относится очень душевно.

— Зачѣмъ онъ такъ много говоритъ съ Сандрой о религіи?

— Это прекрасно и, въ данномъ случаѣ, необходимо.

— Вы думаете, что онъ не внушитъ сестрѣ какихъ нибудь мыслей противъ меня?

— Конечно, нѣтъ. Что это вамъ въ голову пришло?

— Мало ли что отъ тоски въ голову войдетъ!

— Займитесь вашимъ дѣломъ, вамъ легче будетъ. Зачѣмъ вы тутъ тратите время, когда вамъ надо гото виться къ выступленіямъ. Послушайтесь меня и поѣзжайте обратно. Сандра успокоится и вернется къ вамъ.

Арчевскій въ раздумьи молчалъ.

— Хотите, я напишу Сандрѣ, чтобы она убѣдила васъ ѣхать обратно.

— И что же дальше? — нерѣшительно произнесъ Арчевскій.

— А дальше увидимъ, — улыбнулась Мари.

Арчевскій, нѣсколько минутъ, молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ: наконецъ, рѣшительно проговорилъ:

— Да, вы правы: мое сидѣніе здѣсь безсмысленно. Если любитъ меня, то пріѣдетъ, если нѣтъ, то... — онъ безнадежно пожалъ плечами. — Повторяю, я усталъ.

— Я очень рада, что вы такъ рѣшили. Поѣзжайте и вѣрьте, что все будетъ хорошо. Насколько будетъ въ моихъ силахъ, я помогу вамъ, мой другъ.

Арчевскій съ благодарностью поцѣловалъ руку Мари, взялъ со стола шляпу и нагнулся, чтобы поднять, упавшую на коверъ, перчатку. Въ ту же минуту онъ вспомнилъ, что такой же узоръ на коврѣ былъ въ спальнѣ Сандры, гдѣ, десять лѣтъ тому назадъ, онъ пережилъ столько счастья.

Мари замѣтила его взглядъ.

— Вы узнаете? это коверъ Сандры. Во время войны, она оставила свою квартиру, и я взяла оттуда часть вещей, въ томъ числѣ и этотъ коверъ.

— Какъ все кажется далекимъ, далекимъ и безвозвратнымъ... — Арчевскій, охваченный воспоминаніями, грустно смотрѣлъ на узоръ ковра. Память воскрешала передъ нимъ чудесные, минувшіе узоры жизни.

Черезъ два дня, Сандра увидѣлась съ Арчевскимъ. Онъ никакъ не предполагалъ, что, за короткій срокъ разлуки, жизнь наложитъ на нее такой сильный отпечатокъ пережитого. Ея лицо утеряло краски молодости. Отъ безсонныхъ ночей и тяжелыхъ раздумій, между бровей образовалась морщинка. Ароматъ молодости выдохся. Передъ Арчевскимъ была та же Сандра, но, какъ и онъ, уже обвѣянная усталостью жизни. Въ движеніяхъ, во взглядѣ что то измѣнилось.

Она убѣждала Арчевскаго быть спокойнымъ и ѣхать къ своимъ занятіямъ, такъ какъ она ни въ какомъ случаѣ, не покинетъ могилы мужа ранѣе полугодового срока, который она проведетъ въ замкѣ вмѣстѣ съ братомъ Кирилломъ.

Арчевскій понялъ, что настаивать безполезно. Жизненный надломъ сказался въ немъ апатіей къ протесту: онъ пересталъ вѣрить въ счастье и уѣхалъ съ тяжелымъ сердцемъ. Къ предстоящему дебюту онъ относился со спокойной увѣренностью, безъ подъема прежнихъ лѣтъ, безъ горѣнія, безъ трепета ожиданія.

XXX

Съ отъѣздомъ Арчевскаго, Сандра заперлась въ замкѣ и предалась воспоминаніямъ о своей прошлой жизни, въ которой такъ много мѣста занималъ ея по-

койный мужъ. Присутствіе брата смягчало горе, и бесѣды съ нимъ направляли ея мысли по новому теченію. У нея всегда было къ нему чувство дружбы и уваженія, которое углубилось еще больше за послѣднее время, такъ какъ все, что онъ говорилъ ей о своихъ переживаніяхъ, въ области новыхъ вѣрованій, вполнѣ подтверждалось его жизнью, его поступками, его отношеніемъ къ людямъ. Онъ усердно молился, былъ преисполненъ благостностью и абсолютнымъ внѣшнимъ и внутреннимъ спокойствіемъ ко всѣмъ проявленіямъ враждебности своихъ бывшихъ друзей за его переходъ въ католичество.

Бывая въ Парижѣ, онъ возвращался иногда грустный и задумчивый. На разспросы Сандры, не разъ высказывавшей сокрушеніе, что съ переходомъ въ католичество онъ утерялъ друзей, онъ грустно улыбался и, по ея настоянію, съ добродушіемъ, подробно передавалъ всѣ колкости и нападки, которыя приходилось ему выслушивать.

— Забавно, что, въ единственномъ, но и самомъ кульминаціонномъ пунктѣ, русскіе люди, считающіе себя настоящими русскими патріотами, яростно работаютъ за одно съ большевиками и масонами,—говорилъ Кириллъ.—Работа эта—ненависть и пропаганда противъ католичества. Есть атеисты-евреи, для которыхъ вопросъ вѣры — мыльный пузырь, но и они тоже поддерживаютъ православіе противъ католичества. Ни большевикамъ, ни масонамъ Россія не нужна. Имъ нужна власть на территоріи Россіи, которая неминуемо выскользнетъ изъ ихъ рукъ, какъ только Россія вольется въ лоно Церкви Вселенской. Странно, что наше православіе не задумывается надъ тѣмъ, что вражескій станъ работаетъ съ нимъ за одно, значитъ работа эта не на спасеніе, а на гибель Родины.

— Что ты говоришь, Кира? Я этого не понимаю.

— Я могу тебѣ пояснить: что массоны противъ папства—это извѣстно каждому, мало мальски знакомому съ работой массоновъ. Въ 1865 г. въ Льежѣ, міровомъ центрѣ массонства, на съѣздѣ студентовъ всей Европы, Лафаргъ восклицалъ: «вотъ уже 400 лѣтъ какъ мы подкапываемъ католицизмъ, эту сильнѣйшую во всемъ мірѣ духовную машину. Увы, она еще крѣпка.»

Массонъ Флери говоритъ: «Надо разбить церкви и

религіи... Человѣкъ... не признавай могущества религій, не преклоняйся передъ авторитетомъ Церкви... Назадъ, Распятый: Ты, который уже 18 вѣковъ держишь міръ сгорбленнымъ подъ Твоимъ ярмомъ. Твое Царство кончено... Не нуженъ Богъ, не нужны Церкви. Не будетъ больше ни священниковъ, ни царей, ни правящихъ...

Эти слова, сказанныя массономъ Флери въ 1881 году, мы видимъ въ точности воспроизведенными въ программѣ большевиковъ, разрушившихъ Россію и продолжающихъ радикально убивать въ ней духъ вѣры. Массоны съ давнихъ поръ озаботились поддерживать и обострять въ Россіи ненависть къ Римскому престолу. Они торжественно объявили себя послѣдователями отявленнаго атеиста Marnix de St-Aldégonde, который утверждалъ, что, для выполненія программы безвѣрія, необходимъ слѣдующій планъ: надо не только опровергать папизмъ, надо его искоренить; не только искоренить, но и обезчестить; не только обезчестить, но и задушить въ грязи.

Когда въ Россіи Католическая Церковь подвергается жестокому гоненію большевиковъ, въ это самое время наше православіе присоединило свои голоса къ массонско-атеистической прессѣ противъ Ватикана. Сколько разъ я самъ слышалъ отъ русскихъ эту фразуь «Папа протягиваетъ руку большевикамъ». Сколько было выпущено на эту тему статей! Даже письма писались въ Ватиканъ. Позоръ, слѣпота, моральное обнищаніе! Клевета была брошена, чтобы раздуть пламя ненависти. Но зло, возвышаетъ въ глазахъ Божьихъ того, противъ кого оно творится, и отягощаетъ великимъ грѣхомъ тѣхъ, кто творитъ его. Скорбно это, другъ мой, очень скорбно! Мой переходъ въ католичество принимается друзьями и знакомыми какъ личная имъ обида, какъ измѣна всему русскому. Вотъ до чего вкоренили націонализмъ русской Церкви, до чего впитали въ себя Византійскую вражду къ Риму! Россія полна сектантовъ, то есть полна ересей, и это не мѣшаетъ духовному единенію, но стоитъ русскому человѣку увѣровать въ правоту Церкви, существовавшей отъ Спасителя, нераздѣльно, почти десять вѣковъ вплоть до момента крещенія Руси, стоитъ ему увѣровать, что преемникъ апостола Петра есть Римскій Первосвященникъ, какъ сейчасъ же въ мозговомъ аппаратѣ другого чело-

вѣка, чисто механически, выскакиваетъ ярлычокъ, который неукоснительно навязывается въ видѣ внѣшней формы тому, что есть глубоко и исключительно духовнаго порядка. И это феноменальное явленіе присуще только русской психологіи. Ничего подобнаго нигдѣ не наблюдается, ни даже въ языческой Японіи.

— Ахъ, Кира, мнѣ такъ надоѣли всѣ эти про тебя разспросы и разговоры, что я со многими избѣгаю встрѣчаться. Лучше бы всего этого не было!—со вздохомъ проговорила Сандра. — Лучше бы оставалось все какъ было, и тогда не говорили бы мнѣ про тебя непріятныхъ вещей, не задавали бы вопросовъ, на которые я не знаю что и отвѣчать. Какъ раньше вѣрилъ и молился, такъ бы и оставался.

— Я теперь больше молюсь и глубже вѣрю, значитъ, для меня это лучше, а если мы будемъ наши поступки, да еще въ такомъ глубокомъ вопросѣ, сообразовать съ тѣмъ, что удобнѣе и пріятнѣе для жизни, то надо забыть и о совѣсти, и объ отвѣтственности передъ самимъ собой и Богомъ.

— Ахъ нѣтъ, Кирюша, ты не понялъ меня. — Сандра ласково потянулась къ брату. — Я говорила въ томъ смыслѣ, что лучше было бы, если бы не происходило въ тебѣ никакой внутренней работы, приведшей къ признанію католической церкви.

— Нѣтъ, другъ мой, ты и тутъ глубоко не права, ибо если во мнѣ эта работа совершилась, значитъ въ душѣ моей есть горѣніе, есть исканіе.

— А если ты Кирюша ошибся? — робко произнесла Сандра; изъ ея рукъ выпала на колѣни работа, и клубокъ шерсти скатился на полъ. Въ глазахъ ея Кириллъ прочелъ испугъ.

— Господь съ тобой, успокойся. — Онъ поднялъ клубокъ и положилъ ей на колѣни. — Ошибаться можетъ легкомысленный человѣкъ, дѣйствующій подъ угаромъ фантазіи. Моя долгая, горячая молитва пусть гарантируетъ твое спокойствіе. Разумъ, изученіе, молитва и вѣра привели меня къ сознанію того, что я сдѣлалъ, и въ чемъ я нашелъ успокоеніе души. Помни, другъ мой, мои слова: познаніе всякой высокой идеи, а тѣмъ болѣе истины, дается страданіемъ души единичныхъ людей, за которыми, на далекомъ разстояніи лѣтъ, слѣдуетъ толпа. Разъединеніе и расколы, сопутствуют-

ся враждой, легко раздувающей отрицательныя страсти толпы. Не можетъ быть мѣста страданіямъ духа для сѣятелей вражды, учиняющихъ расколы, ибо нѣтъ стремленій къ торжеству свѣтлыхъ идей. Для возсоединенія Церкви необходимы чьи то усилія, чья то свѣтлая энергія, противодѣйствующая вкоренившейся привычкѣ смотрѣть на вражду и на расколъ какъ на нѣчто оправдываемое длительностью вѣковъ. Движеніе противъ общаго теченія, въ своихъ убѣжденіяхъ и въ своей вѣрѣ, всегда сопутствуется страданіемъ. Въ страданіи духа борящихся за идею заложено ея торжество.

Кириллъ былъ взволнованъ. Онъ сталъ ходить по комнатѣ, неслышно шагая по ковру. Его худощавая фигура то тонула въ полумракѣ отдаленной части комнаты то, попадая въ яркій кругъ свѣта, падавшаго изъ подъ широкаго абажура, снова вырисовывалась, и Сандра видѣла разгорѣвшіеся глаза и два розоватыхъ пятна на блѣдномъ желтоватомъ лицѣ.

— Ты думаешь я не понимаю, не измѣряю всей глубины содѣяннаго? — съ живостью заговорилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія. — Надо знать русскую душу, чтобы понять, что пережила она, какія муки прошла, чтобы очистить всю шелуху, наносныхъ вѣками, враждебныхъ понятій, чтобы освободить духъ свой отъ представленій «конкретной» формы католичества, чтобы впитать въ себя, очищенную отъ всякихъ наносныхъ формъ, Божественную мистическую идею, претворить ее въ себѣ, слить со всѣмъ своимъ я, оставаясь все же русской душой. Спаситель заповѣдалъ, прежде чѣмъ приносить жертву Богу, примириться съ братомъ своимъ. Я не могу и не хочу участвовать во враждѣ, которой пылаетъ русская церковь противъ церкви католической. Я не могу и не хочу исповѣдываться и причащаться у пастырей, такъ явно ненавидящихъ церковь, отъ которой они отколоты. Я спокоенъ и счастливъ, что принадлежу теперь къ церкви, гдѣ отсутствуетъ духъ ненависти, гдѣ я слышу только слова любви и вижу поступки милосердія по отношенію людей, ненавидящихъ ихъ. Въ концѣ концовъ, ты поймешь, какъ должна быть сильна и глубока моя вѣра въ Истину, которую двадцать вѣковъ хранитъ въ себѣ Церковь католическая, чтобы я — Византіецъ по духу праотцовъ, Византіецъ отъ крещенія самой Руси, впитавшій всѣми

корнями моихъ предковъ недопустимость сліянія съ католиками, чтобы я нашелъ таки пути къ Истинѣ сквозь всѣ наслоенія внѣшней формы. И я счастливъ; повторяю тебѣ, другъ мой, я глубоко счастливъ, одержавъ эту побѣду, ибо я освободился отъ плѣна внѣшней формы для внутреннихъ достиженій. Пусть тебѣ не прійдетъ въ голову, что я хочу тебя въ чемъ либо убѣдить. Въ вопросахъ вѣры убѣждать нельзя. Кому дано, тотъ самъ пойметъ. Иногда достаточно бываетъ одного слова, чтобы совершился переворотъ души. Спаситель сказалъ: имѣющій уши слышать, да слышитъ. Меня никто не убѣждалъ; упали въ душу слова, сказанныя человѣкомъ, широкая вѣра котораго проявлялась въ каждомъ поступкѣ, главное, въ неисчерпаемой любви къ ближнему. Изъ словъ, запавшихъ въ душу, какъ изъ горчичнаго зерна, выросло громадное дерево, и это дерево все еще ростетъ и крѣпнетъ.

О, вѣра, какая это феноменальная сила духа! И какъ объяснить ея первое, падающее въ душу зерно? Какъ и гдѣ искать причинъ роста этого зерна? Все это тайны. Возьми, для примѣра, Андрея. Прожилъ почти всю жизнь безъ вѣры, питался наукой мозга и былъ вполнѣ удовлетворенъ, считая для себя церковь совершенно излишнимъ, какъ онъ выражался, учрежденіемъ. Но какая то точка, какое то слово, какой то фактъ окрасились новой краской; зерно упало въ его душу, и выросло дерево. Въ жизни души столько чудеснаго, но какъ пренебрегается людьми это чудесное, пока оно творится не въ собственной душѣ.

Кириллъ опустился въ кресло напротивъ сестры и принялся нарѣзывать аккуратныя полоски бѣлой бумаги, сгибалъ ихъ въ нѣсколько разъ и опять разрѣзывалъ на маленькіе квадратики, предназначенные для наклейки на корешки книгъ въ библіотеку, которую онъ взялся провѣрить и пронумеровать.

— Какъ люблю я эту тишину, — нарушилъ онъ, нѣсколько минутъ длившееся, молчаніе.

— А для меня въ эти часы тишина тосклива: кажется, что вотъ-вотъ въ нее ударятъ звуки рояля. Андрей въ эти часы всегда садился къ роялю. Если бы ты не остался здѣсь со мной, мнѣ было бы невыносимо тяжко. Какъ все это странно случилось! Точно подтасовано судьбой.

— То есть, что именно?

— Да вотъ, твой пріѣздъ изъ Россіи именно въ то время, когда безъ тебя я бы совсѣмъ голову потеряла.

— Господь помогъ бы и безъ меня.

— Нѣтъ, Кира, ты и представить себѣ не можешь, какъ ты мнѣ помогаешь перенести мое горе и тоску сознанія, что бѣдный Андрей несъ въ одиночествѣ полную чашу любви и скрывалъ ее отъ меня въ увѣренности, что она мнѣ больше не нужна. Ахъ, какъ это больно, больно, и какъ я виню себя. — Сандра отложила работу и, въ тоскѣ, опустила голову на край стола. Непоправимо... безвозвратно! Какія это страшныя слова!

— Безвозвратно и непоправимо для жизни земли, но не для жизни души. Андрей умеръ съ вѣрой и покаяніемъ; молитвой ты приближаешься къ нему.

— Мнѣ кажется, что я уже никогда не смогу быть счастливой.

— Этого ты не знаешь. Можетъ быть, Господь пошлетъ тебѣ счастье тамъ, гдѣ ты не ждешь и гдѣ не ищешь. Счастье... — Улыбнулся Кириллъ. — Счастье — это гармонія внутри насъ, къ ней мы и должны стремиться. Счастье изнутри себя—къ жизни, а не изъ жизни — внутрь себя. Теперь я счастливъ безповоротно, счастливъ въ моей бѣдности, счастливъ въ потерѣ всего, потому что я нашелъ моего Бога. Знаешь, что я тебѣ скажу: я понялъ одну очень сложную вещь. Ты вдумайся въ мои слова и постарайся понять мою мысль.

Кириллъ опять всталъ и, подойдя близко къ сестрѣ, заговорилъ возбужденно, жестикулируя, двигаясь, то уходя, то возвращаясь на мѣсто:

— Ты пойми, что, въ принципѣ, ухожденіе изъ своей религіи есть измѣна, ослушаніе власти, гордыня духа, мнящаго себя выше поставленной надъ нимъ власти церковной. Ухожденіе изъ своей религіи клеймится какъ нѣчто позорное. Еврей, перешедшій въ христіанство, проклинается своей церковью, и отъ него еврейскій народъ отрекается. И эта народная психологія справедлива, потому что всякая невѣрность есть качество отрицательное. И вотъ тутъ начинается нѣчто очень сложное.

Кириллъ возбужденно провелъ обѣими ладонями отъ висковъ вдоль всей головы и, какъ бы ища словъ, на минуту остановился. Сандра опустила вязаніе и, внима-

тельно слѣдя за мыслью брата, смотрѣла на него, облокотясь о край стола. Яркій свѣтъ рѣзко выдѣлялъ ея тонкій профиль съ гладко причесанными на уши волосами, съ начинавшей едва обозначаться линіей жизненной усталости отъ носа внизъ къ угламъ рта.

— Ну, я слушаю тебя, — тихо произнесла она.

— Такъ вотъ видишь ли: долгъ вѣрности своей церкви такъ же глубокъ въ сознаніи массъ, какъ и долгъ подчиненія властямъ своей Церкви. Но второй долгъ глубже вкоренился, ибо онъ снимаетъ съ души вѣрующаго отвѣтственность; подтвержденіе этой мысли мы видимъ въ церковныхъ расколахъ, гдѣ тотъ же фактъ отклоненія отъ своей церкви, руководимый церковной властью, снимаетъ окраску преступности съ совѣсти массъ. Для единичныхъ случаевъ самовольное отчужденіе отъ своей Церкви является вопросомъ двухъ противуположныхъ крайностей: паденія или обновленія, душегубства или душеспасенія. Отвѣтъ на это заложенъ въ самомъ процессѣ отхожденія, въ глубинахъ переживанія, вѣрнѣе, въ мукахъ и страданіяхъ, въ молитвахъ, въ исканіяхъ, въ вѣрѣ. Чтобы человѣкъ вѣрующій, то есть носящій въ своей душѣ законъ Божій, рѣшился пойти противъ власти своей Церкви, противъ пастырскихъ наставленій, противъ всего народнаго вѣрованія, для этого, очевидно, ему надо пройти черезъ нѣчто очень сложное, трудное и мучительное, надо чтобы надъ этимъ насиліемъ надъ самимъ собой сіяло бы нѣчто болѣе яркое, властно притягивающее, дабы возможно было дойти до конца, то есть сознательно переступить порогъ. Нужна ни наука, ни чьи то убѣжденія, ни разумъ, ни воля, нужна вѣра и только вѣра, въ мукахъ, слезахъ и страданіяхъ души, оправдывающая и себя, и то, къ чему она приводитъ, то есть къ познанію свѣта. Все великое требуетъ страданій и мучительныхъ исканій. Если бы Спаситель пришелъ не въ образѣ человѣка, а сошелъ бы съ небесъ Богомъ, то весь міръ тотчасъ же повѣрилъ Ему, и не было бы борьбы, не нужна была бы вѣра, и не было бы заслуги человѣческой въ актѣ увѣрованія. Если бы первосвященники Церкви Вселенской, начиная съ Апостола Петра, были бы божественны и святы въ своей человѣческой жизни, то и тутъ человѣкъ, ищущій соединенія съ Вселенской Церковью, не имѣлъ бы заслуги въ чувствѣ, осно-

ванномъ на слѣпой вѣрѣ въ слова Спасителя: «Ты еси Петръ, и на семъ камнѣ созижду Церковь мою». Если бы ты знала, сколько разъ, подходя къ свѣту, срывалась душа моя въ пропасть и казалось мнѣ, что я безумецъ, что я во власти темныхъ силъ. Случалось это, когда я начиналъ разсуждать, остывая къ молитвѣ. Тогда я снова молился, молился всей силой души и опять находилъ подтвержденіе, что мой трудный путь, есть дѣйствительный путь къ Истинѣ.

— Въ чемъ же ты находилъ подтвержденіе?

— Видишь ли, другъ мой, воля Господа заключается въ томъ, чтобы мы принадлежали къ Истинной Церкви, а не къ какой нибудь, и съ той поры какъ я всѣмъ сердцемъ призналъ Истину Католической Церкви, измѣнилась жизнь моя, и я самъ измѣнился; я не могу не видѣть реальной помощи Господа въ дѣлахъ моихъ; окрѣпла вѣра, увеличилась потребность къ молитвѣ, явился страхъ Божій, неизмѣримо углубилось сознаніе своей грѣховности и отвѣтственности въ ней, усилилась любовь къ Богу и громадная жажда близости къ Нему, а кромѣ того родилась потребность конкретнаго выраженія своей вѣры: — желаніе служить Ему, отдать Ему всѣ силы, всю любовь. Заблужденіе ведетъ къ отрицательнымъ результатамъ, я же чувствую въ себѣ такое, невыразимое словами, духовное обновленіе, чувствую какъ бы новое таинственное крещеніе. Другъ мой, эту радость, это счастье души моей я бы хотѣлъ передать всѣмъ тѣмъ, кто сейчасъ порицаетъ меня, не видя еще того пути, по которому уже прошелъ я. Мистическое Тѣло Христа раздроблено на части разъединеніемъ Церквей; каждый изъ насъ, возвращающійся въ лоно единой Церкви, таинственно участвуетъ въ возсоединеніи его Мистическаго Тѣла.

Я бы хотѣлъ, чтобы ты, единственно оставшаяся изъ моего родного гнѣзда, поняла бы меня и все, что совершилось свѣтлаго въ душѣ моей. Вѣдь ты мнѣ близка по крови, ты сестра моя, а ты, какъ и всѣ, отдалилась отъ меня, не понимая, не видя истины, открывшейся мнѣ.

— Да что ты, Кирюша, развѣ я отдалилась отъ тебя? Я только что сказала тебѣ, что безъ тебя я не справилась бы со своимъ горемъ. Ты долженъ чувствовать,

какъ я люблю тебя, но мой мозгъ не можетъ воспринять, какъ ты могъ перейти въ католичество.

— Ну да, ну да, ты говоришь католичество, и я вижу, какъ въ мозгу твоемъ уже рисуются патеры и латинская месса. Выкинь это, ради Бога. Въ католической Церкви нѣтъ ни грековъ, ни латынянъ, ни англиканъ, ни японцевъ, ни русскихъ: есть одна только Церковь Христова, какъ она была почти десять вѣковъ, однимъ пастыремъ возглавляющая всѣхъ сыновъ своихъ. Какое счастье быть слитымъ всѣмъ въ единой, братской любви ко Христу въ единой Церкви Его!.. — Кириллъ широкимъ жестомъ развелъ руками и затѣмъ прижалъ ихъ къ груди.

— И это будетъ, другъ мой, будетъ навѣрное. Правда идетъ, правда уже на пути своемъ. Только людямъ съ холоднымъ сердцемъ или людямъ темнымъ, не знающимъ, не задумывающимся надъ трагедіей разъединенія Церкви Христовой, только имъ безразличенъ этотъ вопросъ; но для живой души, для души истиннаго христіанина это вопросъ мучительный, и каждому, а тѣмъ болѣе русскому человѣку съ его широкой, мягкой душой, хочется, наконецъ, для Церкви Христа полнаго внутренняго мира, чтобы въ немъ потонули всѣ противорѣчія между Христіанской кротостью, о которой учитъ наша Церковь и упрямой враждой, упрямой гордыней передъ властью единаго надъ всей Церковью.

Сандра, не спуская глаз, внимательно смотрѣла на брата. Первый разъ она видѣла его въ такомъ возбужденіи. Разгорѣвшіеся глаза излучались, все лицо измѣнилось, точно помолодѣло, стало красивымъ внутренней выражавшейся въ немъ красотой.

— Какъ ты сейчасъ похожъ на отца. Просто удивительно!

— Что ты сказала? На отца похожъ? Можетъ быть, но только, къ сожалѣнію, не въ этомъ вопросѣ. Хотя, кто знаетъ? Можетъ быть, если бы отецъ пережилъ все, что пережили и переживаемъ мы сейчасъ, можетъ быть и у него глаза открылись бы. Онъ былъ умница и не побоялся бы, хоть и на старости лѣтъ, отрѣшиться отъ прошлаго и признать истину, если бы она ему открылась. Нѣтъ, ты подумай, другъ мой, — опять вернулся къ своей прежней мысли Кириллъ, — какой громадный взмахъ крыльевъ сдѣлала бы Европа, слившись въ Еди-

ную Церковь, подъ единую власть Христа на землѣ, какъ и на небѣ. Какія широкія перспективы прогресса духовной культуры! Единый Пастырь единаго стада! Если Европа прислушивалась въ эту страшную войну къ голосу Бенедикта XV, призывавшаго къ милосердію по отношенію плѣнныхъ, къ голосу Пія XI, взывавшаго къ справедливости къ угнетеннымъ, къ помощи голодавшей Россіи, то, можешь себѣ представить, какую огромную моральную силу благотворнаго вліянія получили бы всѣ Христіанскія Государства, слившись въ одну Христову Церковь и признавъ за единымъ Пастыремъ Церкви Вселенской право голоса въ рѣшеніяхъ международныхъ распрей. Внѣ всякаго сомнѣнія, подобнымъ возвратамъ къ первобытной жестокости звѣриныхъ инстинктовъ, какъ въ эту войну, тогда не было бы мѣста, ибо власть единой Церкви, власть единаго Пастыря стояла бы на стражѣ человѣчности. Нельзя проповѣдывать соціалистическихъ и коммунистическихъ идей, творя звѣрскія жестокости. Пусть не расчитываютъ государства на международный миръ, пока не будетъ признана теократическая власть, власть единой Церкви, поддерживающая власть монарха или правительства, пока Европа и весь міръ ни пойметъ, что онъ стоитъ передъ диллемой: или свѣтлая власть единой Церкви Вселенской, или темная, разрушающая душу, власть Массонства. «Да будетъ Царствіе Твое»... Оно настанетъ, когда люди поймутъ, гдѣ искать его.

— Да, ты правъ: мы далеко ушли отъ исканія Царствія Божьяго. Когда я вспоминаю войну и всѣ ужасы увѣчій, кровь, стоны, крики, гніенія живыхъ тѣлъ, весь этотъ безсмысленный бредовой кошмаръ стремительнаго звѣрски-жестокаго уничтоженія другъ друга, — мнѣ становится стыдно носить имя человѣка и гордиться имъ. Чѣмъ дальше отходятъ эти картины ужасовъ въ перспективу прошлаго, тѣмъ позорнѣе и отвратительнѣе ихъ воспоминанія.

— Я счастливъ, что ты это понимаешь. А я тебѣ скажу, что мнѣ противно вспоминать сколько важности я придавалъ своей дипломатической службѣ. Сколько пошлаго тщеславія, показного лоска, жажды власти! Господи, какъ это все мелко, безцвѣтно и жалко въ сравненіи съ тѣмъ, что творится теперь въ душѣ моей, въ сравненіи съ тѣми стремленіями, которыми я полонъ

сейчасъ. Необъятныя цѣли, неизмѣримые горизонты, великія достиженія!...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, оставившаго въ мысляхъ Сандры глубокій слѣдъ, она, подъ вечеръ ища брата, заглянула къ нему въ комнату. Были сумерки, и въ полутемной комнатѣ на нее глянулъ тихой лаской неподвижный огонекъ лампады, тепливщійся на ночномъ столѣ. Кирилла въ комнатѣ не было. Лампада озаряла кроткимъ свѣтомъ, въ серебряной ризѣ, Икону Иверской Божьей Матери, серебряное Распятіе на черномъ деревѣ и раскрытое, старенькое, въ кожаномъ истертомъ переплетѣ, толстое Евангеліе, съ пожелтѣвшими листками и славянскимъ шрифтомъ.

Охваченная страннымъ волненіемъ, Сандра остановилась. Она не подозрѣвала, что икона Божьей Матери и Евангеліе, принадлежавшія ихъ нѣжно любимой бабкѣ, уцѣлѣли и были у брата. Между разбухшими дряхлыми, желтыми листками была переложена выцвѣтшая зеленая лента, вышитая бисеромъ, мгновенно воскресившая, потонувшія въ далекомъ прошломъ, картины дѣтства и отрочества, и на фонѣ ихъ — незабвенный образъ сухощавой старушки, ласковой, всегда задумчивой, благоговѣйно перелистывавшей нѣжными худыми пальцами эти самые листки Святого Писанія... Какъ далеко ушли эти годы!... Сандра съ благоговѣніемъ, осторожной рукой, провела по раскрытымъ листкамъ, наклонилась и прижала къ нимъ губы. Пахнуло тонкимъ, едва уловимымъ, знакомымъ давно забытымъ запахомъ... Что то поднялось изъ глубины души... мелькнула, какъ промчавшаяся падучая звѣзда, вся истекшая жизнь. Слезы горечи безвозвратныхъ потерь подступили къ горлу. Она опустилась на колѣни, сплела пальцы у подбородка, и жаркая молитва полилась изъ глубины сердца, орошаемая благодатными слезами.

— ...Научи, научи меня, Господи, творити волю Твою... — шептали дрожащія губы. — Прости меня грѣшную... научи меня, и я сдѣлаю какъ велишь мнѣ...

Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло. Тихая лампада ярче озарила раскрытые пожелтѣвшіе листы, Распятіе и образъ въ серебряной оправѣ, съ кроткимъ ликомъ Богоматери.

XXXI

Въ верхнемъ этажѣ, въ концѣ корридора, недалеко отъ бывшей спальни Андрея Вернэ, медленно умиралъ его камердинеръ старикъ Виржиль. Несмотря на настоятельное желаніе Сандры перевезти его въ лечебницу, онъ упросилъ оставить его въ замкѣ, гдѣ все было полно живыми воспоминаніями о томъ, кого горячо любилъ старикъ. Болѣе двухъ десятковъ лѣтъ онъ ни на день не разставался съ Вернэ. Виржиль понималъ душу своего хозяина лучше всѣхъ, зналъ всѣ его, скрытыя отъ жены, страданія и молча раздѣлялъ ихъ, зная, что Вернэ цѣнилъ нѣмое сочувствіе своего стараго вѣрнаго слуги. Одинъ Виржиль былъ свидѣтелемъ возврата къ Богу его души.

Послѣ его смерти Виржиль началъ хворать отъ тоски; у него разлилась желчь, онъ сталъ съ каждымъ днемъ слабѣть, старое сердце работало плохо. Цѣлыми днями онъ или лежалъ у себя въ комнатѣ, или, взявъ метелку изъ перьевъ, еле передвигая ноги, по нѣсколько разъ въ день плелся въ спальню и кабинетъ Андрея Вернэ. Онъ бережно, какъ въ былые дни, сметалъ повсюду пыль, бормоча подъ носъ ласковыя рѣчи, ласковыя названія по адресу усопшаго. Сознавая ненужность своей работы, онъ садился въ уголокъ на стулъ, опускалъ голову и сидѣлъ такъ часами, тоскуя, иногда тихо плача. Его тѣнью былъ старый, какъ и онъ, тоскующій Сен-Бернаръ Пенсіеро. Онъ лежалъ неподвижно подлѣ кровати больного слуги, какъ прежде лежалъ у ногъ своего хозяина. Какъ только Виржиль направлялся въ комнаты Андрея Вернэ, Пенсіеро медленно поднимался и, устало ступая на старыя ноги, опустивъ морду, плелся за Виржилемъ, ни на шагъ не отступая отъ него, какъ будто боясь потерять эту послѣднюю оставшуюся связь съ умершимъ хозяиномъ. Когда Виржиль съ метелкой въ рукѣ опускался на стулъ, старый песъ тяжело укладывался у его ногъ, клалъ морду на протянутыя лапы, и, полузакрывъ слѣпящіеся глаза, о чемъ то думая и тоскуя, вздыхалъ, глядя передъ собой печальными, добрыми глазами, какъ будто искалъ утѣшенія или самъ хотѣлъ утѣшить. Иногда онъ приподы-

мался, садился на заднія лапы и, положивъ морду на исхудавшее колѣно старика, смотрѣлъ ему въ глаза тоскующими, умными глазами.

Кириллъ все чаще и чаще сталъ подыматься въ комнату стараго слуги. Придвинувъ стулъ къ кровати, онъ внимательно слушалъ его безконечные разсказы объ Андреѣ. Одинъ Виржиль, завѣдывавшій почтовой отправкой и получкой, зналъ о громадномъ количествѣ матеріальной помощи, разсылаемой Вернэ. Только ему поручалъ Вернэ разносить бѣднѣйшимъ семьямъ окрестныхъ крестьянъ помощь въ видѣ вещей и денегъ. Послѣ войны, онъ содержалъ нѣсколько осиротѣлыхъ семей и никто, кромѣ стараго слуги, не зналъ этого, какъ не зналъ никто о его безсонныхъ ночахъ и молчаливыхъ страданіяхъ съ тѣхъ поръ, какъ изъ замка далеко понеслись по парку и рощамъ страстныя, призывныя къ радостямъ любви, пѣсни сѣвернаго пѣвца. Виржиль, молча, остро переживалъ страданія своего господина. Вернэ чувствовалъ это и сильнѣе привязывался къ своему старому другу.

Слушая длинныя повѣствованія старика, Кириллъ видѣлъ, все шире и шире развертывавшуюся, картину удивительной цѣльности и глубины натуры, преждевременно погибшаго Вернэ. Рядомъ съ этой сложной, сильной и глубокой натурой ученаго, художника и эстета, вся жизнь котораго была образцомъ жизни настоящаго христіанина, личность Арчевскаго, въ глазахъ Кирилла, блѣднѣла, теряла всѣ краски. Это была только страстная натура, одаренная необычайнымъ, изъ ряда выходящимъ феноменомъ, заложеннымъ въ какихъ то тканяхъ горловыхъ связокъ.

— Если бы мадамъ де Вернэ знала душу своего мужа такъ, какъ я ее зналъ, если бы она знала, какъ онъ ее любилъ и какъ умѣлъ скрывать свою любовь, чтобы не мѣшать ея чувствамъ къ другому, — она никогда не измѣнила бы его памяти, — сказалъ однажды Кириллу старый слуга.

— Теперь она знаетъ многое, — отвѣтилъ Кириллъ.

— Мосье Кириллъ, самъ Господь послалъ васъ сюда. Теперь я спокойно умру, такъ какъ знаю, что мадамъ де-Вернэ, будучи подъ вашимъ вліяніемъ, многое пойметъ, чего не успѣла понять при жизни мужа.

Кириллъ привязался душой къ старику. Его смерть,

тихая и безъ страданій, отозвалась въ сердцѣ Кирилла искренней печалью.

Умный Пенсіеро все понялъ, и, когда опустѣла комната старика, онъ, уныло понуря голову, ушелъ изъ нея, постоялъ передъ выходной дверью, изъ которой вынесли гробъ и затѣмъ, пробравшись въ комнату Кирилла, легъ на коверъ у его кровати, чтобы больше не уходить.

Настали короткіе дни и длинные, темные зимніе вечера. Кириллъ проводилъ время за книгами богословія. Сандра взяла въ свои руки управленіе всѣмъ хозяйствомъ. Послѣ всѣхъ дѣлъ, она уходила въ часовню, гдѣ долго молилась. Вечера они проводили вмѣстѣ, иногда далеко за полночь.

Кириллъ наблюдалъ, что во внутренней жизни сестры происходила перемѣна. О мужѣ она говорила безпрестанно, вспоминая мельчайшія подробности ихъ прежней жизни. О планахъ своей будущей жизни съ Арчевскимъ она не говорила.

— Ты видишь свое будущее? — спросила она однажды брата.

— Вижу отчетливо.

— Можешь сказать мнѣ?

— Конечно. Какъ только ты сможешь наладить свою жизнь безъ меня, я сейчасъ же поступаю въ семинарію, такъ какъ рѣшилъ быть священникомъ. Я не сомнѣваюсь, что переходъ русскихъ въ католичество будетъ увеличиваться, и нужны свои русскіе священники восточной обрядности, католическаго вѣроисповѣданія. Чтобы перемѣнить Церковь, надо много пережить и продумать далекаго отъ земли. Итогъ этихъ переживаній глубоко видоизмѣняетъ нашу психологію, и является естественное тяготѣніе не къ землѣ, а отъ земли.

— Если бы тебя услышалъ сейчасъ одинъ священникъ, который недавно сказалъ мнѣ, что ты, перейдя въ католичество, отрекся отъ Христа, — чтобы онъ сказалъ сейчасъ?

Кириллъ пожалъ плечами:

— Вѣроятно, повторилъ бы тоже самое, разъ рѣшился это сказать.

— Какія ужасныя слова! Ты не знаешь, до чего это меня разстроило. Я все думаю, думаю и не могу понять ихъ.

— Я тебѣ помогу. Онъ сказалъ такъ потому, что не знаетъ, что я перешелъ не по собственному почину, а по волѣ Его; что, перестрадавъ муки сомнѣній, моей душѣ Господь открылъ свѣтъ, обновившій ее, укрѣпившій въ ней силу вѣры и любви къ Богу, жажду служенія Ему въ смиреніи и трудахъ. Развѣ у того, кто отрекается отъ Христа, можетъ усилиться вѣра въ Него, любовь и жажда служенія Ему?!

— Послѣ нашихъ съ тобой долгихъ разговоровъ, послѣ того, какъ я чувствую какъ глубока твоя вѣра, — меня больше не волнуютъ пренебрежительные отзывы о твоемъ переходѣ и, вообще, о католичествѣ.

— Это хорошо; вѣдь все темное прокладываетъ себѣ очень легко дорогу, все же свѣтлое пдвергается нападкамъ.

— Въ разговорѣ со мной, батюшка недавно высказался, что очень боится твоего на меня вліянія,—помолчавъ, сказала Сандра.

— А почему же онъ думаетъ, что мое кратковременное пребываніе съ тобой можетъ оказать на твою душу больше вліянія, чѣмъ его постоянныя съ тобой бесѣды? Вѣдь онъ твой духовникъ. Если я несу тьму, ему бояться нечего, такъ какъ онъ знаетъ, что душа у тебя чистая и свѣтлая; если же я несу свѣтъ, то все во власти Господа. Захочетъ Онъ открыть его душѣ твоей, и ты пойдешь по моему пути, какъ бы ни былъ онъ тяжелъ, и чтобы ни говорилъ тебѣ батюшка.

— Ахъ, Кира, Кира, — тяжело вздохнула Сандра, — въ душѣ моей происходитъ столько страннаго! Пишу письма Арчевскому, успокаиваю его, но чувствую, что тутъ нѣтъ моего будущаго. Я на перепутьи и чего то жду. Лучше всего, когда я ухожу въ часовенку къ Андрею и тамъ молюсь. Тогда душѣ моей становится легко, и мнѣ чудится, что Андрей охраняетъ меня.

— Андрей былъ высокой души человѣкъ и глубока къ концу жизни была его вѣра; навѣрное, онъ поможетъ тебѣ найти путь къ твоему будущему. Молись, молись не уставая, и ты увидишь сколько чудеснаго начнетъ открываться душѣ твоей.

— Да, Кира, я молюсь отъ всего сердца... Молись за меня и ты, — робко добавила Сандра. У Кирилла забилось сердце въ смутной радостной тревогѣ.

— Ты не можешь дать мнѣ бабкино Евангеліе,—по-

слѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, робко спросила Сандра.

— Конечно, могу. Ради Бога, возьми и читай его. Я буду счастливъ. И еще я дамъ тебѣ Распятіе, которое лежитъ у меня на ночномъ столѣ подлѣ Евангелія. Съ этимъ Распятіемъ въ рукахъ умеръ твой чудесный мужъ.

Сандра измѣнилась въ лицѣ:

— Какъ, и ты до сихъ поръ мнѣ этого не сказалъ! До сихъ поръ не отдалъ его мнѣ!

— Я не отдалъ, потому что ждалъ сегодняшняго дня. Теперь пришло время, и я вручаю тебѣ то, во что такъ свято увѣровалъ Андрей: въ своего Спасителя и въ Свою «единую» Церковь...

Въ глубокой тишинѣ этой ночи, Сандра, прижимая къ груди серебряное Распятіе, долго и пламенно молилась, чтобы Господь успокоилъ ея мысли, разсѣялъ ея сомнѣнія и указалъ бы ей путь жизни.

Само собой вышло такъ, что, начиная со слѣдующаго дня, Сандра стала ходить вмѣстѣ съ Кирилломъ, ранними утрами, къ обѣднѣ въ скромную приходскую церковь недалеко отъ замка, которую, послѣднее время, часто посѣщалъ Андрей де Вернэ. Кириллъ понималъ, что въ душѣ Сандры начался тотъ мучительный душевный процессъ, черезъ который прошелъ онъ самъ, который открылъ ему двери къ Свѣту.

Однажды утромъ неожиданно открылась дверь въ комнату Кирилла, и вошла Сандра. Лицо ея было грустно и строго. Она сѣла подлѣ стола, гдѣ занимался Кириллъ и заговорила рѣшительно, стараясь скрыть волненіе:

— Кира, я не могу такъ жить. Въ душѣ моей ужасная тревога, меня мучатъ сомнѣнья, мнѣ страшно самой себя; я теряю почву подъ ногами, я молюсь, но страдаю все больше и больше. Я не нахожу выхода изъ окутавшихъ мой мозгъ сомнѣній. Кира, я должна что нибудь предпринять. Такъ продолжать нельзя. Вчера, будучи въ Парижѣ, я заѣзжала къ батюшкѣ и подѣлилась съ нимъ моими мыслями. Онъ очень былъ взволнованъ и много говорилъ со мной.

— И что же: теперь тебѣ легче?

— Нѣтъ... — Сандра уныло покачала головой. — Онъ убѣжденъ, что, быть можетъ, совершенно непроизвольно, но ты оказываешь на меня вліяніе и потому про-

ситъ меня переѣхать на нѣкоторое время въ Пирижъ, чтобы чаще бывать въ Церкви и бесѣдовать съ нимъ.

— Ну, конечно, поѣзжай. Надо все сдѣлать, чтобы найти для души покой.

— А какъ же ты тутъ останешься одинъ?

— Обо мнѣ не безпокойся. Я уѣду въ Римъ, такъ какъ безъ тебя мнѣ тутъ дѣлать нечего.

— Какъ это все грустно! — вздохнула Сандра. — Скажи, Кира, ты понимаешь меня, ты не обидѣлся?

— Наоборотъ, другъ мой, — горячо возразилъ Кириллъ. — Ты обязана сдѣлать все, чтобы успокоить свои сомнѣнія. Я пережилъ въ свое время то, что переживаешь сейчасъ ты, и тоже отдалился отъ человѣка, который указалъ мнѣ путь къ Свѣту, чтобы остаться одному въ борьбѣ съ собой. Ничьи увѣщанія тутъ ни при чемъ, такъ какъ вѣра выше доказательствъ, и ея истина открывается намъ благодатью Господней. Но только молись не уставая.

— Я такъ сжилась съ тобой, мой милый, и мнѣ грустно разставаться съ тобой, но батюшка настойчиво этого требуетъ.

— Слушайся его: можетъ быть, онъ, дѣйствительно, поможетъ тебѣ разобраться. Что же касается моего вліянія, то врядъ ли онъ правъ.

— Кира, пожалуйста, ничего не говори объ этомъ Юрію.

Вскорѣ послѣ этого разговора, Сандра переѣхала въ Парижъ, а Кириллъ вернулся въ Римъ, чтобы выполнить свое рѣшеніе приготовить себя къ принятію священства и посвятить остальную часть жизни служенію Богу и моральной помощи людямъ.

XXXII

Съ переѣздомъ въ Парижъ, для Сандры настали трудные и печальные дни. Она старалась заполнить ихъ заботами о нуждахъ, прибывавшихъ въ Парижъ, бѣдныхъ русскихъ эмигрантовъ, продолжая расширять налаженный братомъ, комитетъ помощи. Она аккуратно посѣщала Церковь и безпрестанно ѣздила на бесѣды къ доброжелательному, глубоко вѣрующему въ правоту своей Церкви, священнику, искрен-

но стремившемуся помочь Сандрѣ, просвѣтить, какъ онъ считалъ, ея, затемненный злой силой, разсудокъ и разсѣять зловредное влiянiе ея брата. Сандра, съ покорностью и полной готовностью, проникнутая увѣщанiями добраго пастыря, ѣздила въ его скромное жилище и, въ маленькой комнаткѣ съ низкимъ потолкомъ и незатѣйливой обстановкой, проводила въ бесѣдѣ по нѣсколько часовъ.

Сидя подлѣ овальнаго стола, покрытаго вязанной скатертью, скрестивъ на немъ руки, въ темной рясѣ съ широкополыми, отвернутыми по краю, рукавами, священникъ мягко и внушительно доказывалъ Сандрѣ ту зiяющую пропасть, у края которой она стояла.

— Вашъ братъ обуянъ гордыней. Понахватался верховъ, ослѣпился мнимымъ величiемъ Папы, играющаго сейчасъ сомнительную роль, записался въ проповѣдники...

Сандра слушала священника, всей силой души хотѣла воспринять его увѣщанiя, но тоска ея не уменьшалась, а росла, такъ какъ ни его слова, ни то что она, по его указанiю, читала, не разубѣждало ее, не разсѣивало ея, все болѣе и болѣе, укрѣплявшейся вѣры въ то, что благодать Духа Истины почiетъ на Вселенской Католической Церкви. Она наталкивалась въ этихъ бесѣдахъ на вкоренившуюся, насаженную враждой, путанницу понятiй между католичествомъ и латинствомъ, то есть между религiей и нацiональностью. Она хорошо знала, что у брата ея было полное отсутствiе гордыни, и что онъ былъ скроменъ душой; что перешолъ онъ въ «невидимую» Церковь, основанную Христомъ и призналъ власть единаго Пастыря, совершенно не руководствуясь никакими «видимыми» ея окрасками или земными достоинствами. Она знала, что братъ ея много читалъ и, несмотря на это, все таки повторялъ, что научными доказательствами нельзя ни внушить, ни умалить истинной вѣры, такъ какъ вѣра, идя параллельно съ разумомъ, дается свыше; и чѣмъ человѣкъ скромнѣе, чѣмъ честнѣе и прямѣе, тѣмъ глубже вѣра его. Она видѣла, какое глубокое перерожденiе произошло во внутренней и внѣшней жизни брата, какъ онъ выросъ духовно и не сомнѣвалась, что процессъ его перерожденiя заложенъ въ началахъ духовнаго совершенствованiя, дарованнаго ему вмѣстѣ съ откровенiемъ Свѣта Истиннаго.

Сандра знала, что католическое духовенство, всецѣло отдающее себя своей миссіи, тѣсно слитое съ духовной жизнью своихъ прихожанъ, далеко не было схоже съ тѣмъ образомъ, который рисовалъ ей ея духовникъ; она знала о католическомъ духовенствѣ не только изъ разсказовъ брата, но, вращаясь въ католическихъ кругахъ, многое знала изъ собственной практики, изъ того, что наблюдала въ жизни своего друга Мари и, за много лѣтъ, въ помѣстьи своего замка. Она понимала, что русская церковь въ своей національной узкости, бывшая замкнутой отъ Европы какъ въ крѣпости, не имѣвшая никакихъ точекъ соприкосновенія съ церковью Римской, лишенная возможности пользоваться Европейской богословской литературой, видѣвшая только отрицательное отношеніе къ себѣ польскаго духовенства, притѣсняемаго русскимъ правительствомъ и стремившагося латинизировать православныхъ, — замкнулась въ рамкѣ, строго очерченной ей властью правительствующаго синода и, такимъ образомъ, совсѣмъ отмежевалась отъ остальнаго Христіанскаго міра.

Нѣсколько недѣль, проведенныхъ въ Парижѣ у Мари, не произвели на душу Сандры того успокоительнаго дѣйствія, на которое расчитывалъ священникъ. Живя подлѣ Мари, съ запавшими въ душу сомнѣніями, Сандра не могла оставаться чуждой вліянію окружавшей ее атмосферы, гдѣ наглядно подтверждалось то многое, о чемъ говорилъ ей братъ Кириллъ, и что въ прежніе годы проскальзывало мимо, незамѣтнымъ. Теперь Сандрѣ бросалось въ глаза, что весь укладъ жизни вѣрующаго католика во многомъ былъ глубже пропитанъ сознаніемъ своей отвѣтственности передъ Богомъ, чѣмъ въ жизни, окружавшихъ ее, русскихъ эмиграціонныхъ круговъ. «Вѣра безъ дѣлъ мертва есть» — часто приходило ей въ голову. Всѣ доводы мозга оставались мертвой буквой передъ непреодолимымъ тяготѣніемъ души къ той Церкви, которая до тѣхъ поръ была чужда ей. Поѣхавъ на двое сутокъ въ замокъ, она, на нѣкоторое время, испытала полное успокоеніе послѣ того, какъ долго и горячо молилась въ часовнѣ, призывая на помощь для своего смятеннаго духа Того, Кто оживилъ горячей вѣрой душу ея усопшаго мужа.

Между тѣмъ, отъ Арчевскаго аккуратно приходили письма, между строкъ которыхъ сквозила усталая по-

корность судьбѣ, Онъ пѣлъ въ Миланѣ въ «Скала». Объ его успѣхахъ писали въ газетахъ, онъ же въ своихъ письмахъ говорилъ о нихъ мало, жаловался на душевную пустоту и ждалъ свиданія. Сандра не отдавала себѣ отчета, что, умалчивая отъ Арчевскаго то самое главное, что составляло ея душевное страданіе, чѣмъ въ данное время были полны всѣ ея мысли, она рвала съ нимъ живую связь: начинала образовываться пустота, которую она наполняла описаніемъ ни ей, ни ему неинтересныхъ подробностей своей внѣшней жизни въ Парижѣ.

— Вы знаете, Сандра, что Арчевскій очень удрученъ долгимъ отсутствіемъ вашихъ писемъ, — обратилась къ нній Мари. — Сегодня утромъ я отъ него получила очень грустное письмо. Онъ пишетъ что сезонъ въ «Скала» оконченъ, что всѣ его успѣхи въ Миланѣ, не принося ему никакой радости, сильно утомили его, и что онъ спѣшитъ въ Римъ въ надеждѣ, что вы туда пріѣдете. Онъ очень огорченъ затянувшейся разлукой съ вами.

Сандра молчала.

— Вы его разлюбили, Сандра?

— Нѣтъ, не разлюбила, но за это время я, какъ будто, отошла отъ жизни. Смерть Андрея мнѣ на многое открыла иныя точки зрѣнія.

— Онъ проситъ меня поговорить съ вами, убѣдить васъ пріѣхать въ Римъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь это невозможно. Надо выждать, когда въ душѣ моей многое уляжется.

— Напишите ему, Сандра, и успокойте его. Онъ хорошій человѣкъ и, дѣйствительно, глубоко привязанъ къ вамъ.

— Между мной и Арчевскимъ стоитъ смерть. Вы не думали объ этомъ?

Мари съ удивленіемъ посмотрѣла на Сандру, сидѣвшую съ апатично опущенными руками, съ блѣднымъ увядшимъ лицомъ, съ напряженнымъ строгимъ взглядомъ неизмѣнно красивыхъ сѣро-голубыхъ глазъ.

— Тогда умеръ малютка, а теперь, когда, казалось, сама жизнь соединила насъ, — умеръ Андрей, и, съ его смертью, я узнала, какъ несправедлива была къ нему, какъ мало понимала его. Да, между нами стоятъ двѣ смерти самыхъ дорогихъ для меня существъ.

Мари смотрѣла на ея опущенную, съ печальнымъ про-

филемъ, голову, и ей было безконечно ее жаль, хотѣлось чѣмъ нибудь помочь и утѣшить.

— Я скажу вамъ, Мари, нѣчто очень серьезное. Я не могу ѣхать въ Римъ, такъ какъ хочу убѣдиться, что влеченіе къ Католической Церкви растетъ въ душѣ моей совершенно независимо отъ вліянія брата. Во мнѣ происходитъ такая борьба, что иногда мнѣ кажется, будто я теряю разсудокъ.

— Бѣдная, бѣдная, милая моя, Сандра. Теперь я все понимаю. Самъ Господь ведетъ васъ. Послѣ всѣхъ вашихъ страданій настанетъ великая радость. Вы правы, что хотите быть одна. Господь вамъ поможетъ больше и лучше самыхъ близкихъ вамъ людей.

— О, вы не знаете сколько муки! — Сандра закрыла лицо руками.

— Не знаю, но могу понять, чувствую душой.

— Я всегда любила свою Церковь и все, что съ ней связано; и вдругъ запало какое то слово, начало расти, заполнять мысли. Я видѣла глубокую перемѣну, совершившуюся съ Кирой, начала вслушиваться въ то, что онъ иногда говорилъ мнѣ, зная, что каждое его слово вытекаетъ изъ глубины его сердца. Кира умница, и душа у него чистая. Я начала читать книги, которыя нашла въ кабинетѣ Андрея, съ его помѣтками. Очевидно это были книги, укрѣпившія и его вѣру. Передо мной ярко засіяла единая вселенская Церковь. Невѣдомая мнѣ, таинственная сила стала манить меня къ ней, но, чтобы слиться съ ней, — надо перешагнуть пропасть, надо что то съ болью оторвать отъ сердца. Было бы счастьемъ не думать, забыть, но это невозможно: мысли стоятъ неотступно и, чѣмъ больше я молюсь, тѣмъ онѣ становятся настойчивѣе.

— Когда это у васъ началось?

— Не знаю, не могу сказать. Еще въ Римѣ мнѣ казалось совершенно непонятнымъ, какъ могъ Кира перейти въ Католичество. Теперь я это начинаю понимать, потому что въ нашей Церкви я чувствую омертвѣлость. Братъ вѣрно сказалъ какъ то, что Царствіе Божье не въ словахъ, а въ поступкахъ. Я слышу слова, слышу упреки, раздраженіе, вижу незаслуженную враждебность къ католическому духовенству, пересуды, презрительную критику; между тѣмъ, эмиграція утеряла духъ братской любви даже по отношенію другъ друга: сплетни, клеве-

та, зависть, эгоизмъ, страхъ болѣе богатаго, чтобы у него не попросилъ помощи болѣе бѣдный; мало уважительное отношеніе къ Церкви, увеличивающаяся аморальность, все слова и слова, а гдѣ же поступки? Въ чемъ же выливается вѣра православія именно сейчасъ, когда насталъ строгій моментъ для каждаго изъ насъ. Я не могу не видѣть отношенія вѣрующихъ католиковъ къ своей Церкви, въ которой ярко чувствуется духовная дисциплина и стремленіе самой паствы къ достиженію ее, и вижу пассивную вялость въ нашей православной Церкви. За словами Католической Церкви я чувствую стройную гармонію активнаго созидательнаго стремленія ввысь, Христомъ заложеннаго, Храма, стѣны котораго все болѣе и болѣе раздвигаются, вмѣщая въ себя все новыя, постепенно вливающіеся ото всѣхъ народностей, массы, чтобы вмѣстить вѣрующихъ всего міра. Вотъ что я вижу. Батюшка говоритъ, что всѣ мысли мои отъ лукаваго, но чѣмъ болѣе я молюсь, тѣмъ отчетливѣе вижу эту манящую меня, именемъ Христа, Церковь. Въ Римъ я не поѣду, какъ бы меня туда ни тянуло. Я увѣрена, что въ Римѣ, подлѣ Киры, въ этомъ святомъ городѣ, гдѣ все дышетъ первыми вѣками христіанства, разрѣшились бы мои сомнѣнія, но я дала себѣ слово не ѣхать, чтобы въ одинокой борьбѣ дойти до конца. Если Господу угодно, то Онъ самъ позоветъ меня, самъ соединитъ меня съ Кирой. Теперь же я вернусь въ замокъ, потому что только въ молитвахъ надъ могилой Андрея я нахожу успокоеніе. Какъ при жизни, такъ и послѣ смерти онъ остался моимъ неизмѣннымъ другомъ.

XXXIII

Стояли, какъ хрусталь, ясные дни первой весенней сказки, когда небеса такъ благоговѣйно прозрачны въ своей голубой ризѣ, когда согрѣвающаяся земля такъ полна нѣжныхъ ароматовъ, когда утреннія зори похожи на ясную улыбку дитяти, и когда кроткая вечерняя звѣзда зоветъ душу къ благодарной молитвѣ Творцу за эту вѣчно-новую возрождающуюся жизнь земли.

Деревья парка еще рѣдѣли, и сквозь сѣть вѣтвей сквозило голубое небо. Отдаленныя рощи были покрыты сѣро-зеленоватымъ налетомъ разбухавшихъ почекъ.

Окна замка, только что вымытыя и раскрытыя, оповѣщали о томъ, что въ немъ опять забилась жизнь. На большую террасу была вынесена плетеная мебель, въ аллеяхъ разставлялись скамейки, снимались деревянные чехлы со статуй, взрывалась земля для посадки цвѣтовъ.

Прошло болѣе недѣли, какъ Сандра пріѣхала въ замокъ. Съ первыхъ же шаговъ, какъ она вошла въ любимое гнѣздо, ее окутала теплая и грустная волна дорогихъ воспоминаній. Все было неизмѣнно какъ при жизни Андрея де Вернэ, и ей казалось, что въ верхнемъ этажѣ, по прежнему, находится блестящій владѣлецъ замка, ея другъ и мужъ, любящій, оберегающій ея душу.

Старый Пенсіеро, вернувшійся съ Сандрой изъ Парижа, подымался въ верхній этажъ, обходилъ комнаты, грустно стоялъ среди спальни Вернэ, сохранившей свой прежній нетронутый видъ, осторожно ступая на старыя ноги, спускался обратно, искалъ Сандру, и, настойчиво глядя ей въ глаза, какъ бы дѣлясь воспоминаніями, укладывался подлѣ нея, о чемъ то думалъ и вздыхалъ, щурясь слѣдилъ за пылинками, рѣющими въ тепломъ солнечномъ лучѣ и тихо дремалъ.

Съ первыхъ же дней пріѣзда въ замокъ, Сандра почувствовала успокоеніе. Молитвы въ часовнѣ приносили ей миръ. Она взывала къ душѣ своего мужа и друга, прося помочь ей молиться, помочь ей найти путь къ истинѣ. Каждый разъ, выходя изъ часовни, изъ груди ея вырывался вздохъ облегченія. Ей казалось, что невидимо Андрей де Вернэ подлѣ нея, и рукой, которой, отлетая отъ земли, сжималъ на груди Распятіе, этой же рукой онъ благославлялъ ее теперь и направлялъ на вѣрный путь.

На всѣ ея письма, въ которыхъ надежда на примиреніе съ собой смѣнялась неожиданными взрывами отчаянія, новыми сомнѣніями и муками, Кириллъ отвѣчалъ кратко, неизмѣнно повторяя одно и тоже:

— Молись, молись не уставая, и Господь осѣнитъ тебя Свѣтомъ Истины. Молись и вѣрь. Я неустанно молюсь о тебѣ.

Раннимъ утромъ, прежде чѣмъ идти въ часовню, Сандра поднялась наверхъ въ спальню покойнаго мужа, гдѣ каждое утро она зажигала лампаду передъ большимъ Распятіемъ, висѣвшимъ за послѣдніе годы надъ

его изголовьемъ. Она зажгла лампаду, прочла «Отче Нашъ», прошла въ сосѣднюю комнату-кабинетъ, распахнула стекляныя двери, вышла на небольшую террасу, и, облокотясь о перила, вдыхая, насыщенный ароматами расцвѣтающей земли, чистый весенній воздухъ, окинула взглядомъ привычную любимую панораму луговъ и рощъ. Шоссе, длинной бѣловатой лентой, вилось по склону возвышенности къ лѣсу и, огибая его, терялось къ линіи горизонта. Сандра опустилась на стулъ. Вдругъ, острая какъ игла, мысль пронизала ея мозгъ:

— ...Ренегаткой хочешь быть?! отрекаешься отъ своей Церкви... отъ Христа... — Сердце ея мучительно всколыхнулось.

Никогда съ такой отчетливой ясностью, какъ въ эту минуту, не звучали слова, сказанныя ей однажды увѣщевавшимъ ее священникомъ.

— ...Проклятіе души... вѣчныя муки... безсмертіе въ неистощимыхъ мукахъ раскаянія... смертный грѣхъ... Отреченіе отъ Христа...

Слова эти, страшной угрозой, неожиданно оглушили Сандру. Какъ будто кто то невидимый подошелъ, встряхнулъ ее за плечи и началъ кричать ей въ самое ухо эти мучительныя слова. Она долго сидѣла въ полной неподвижности, съ опущенными на колѣни руками, съ поникшей головой. Опять изъ глубины души поднялась страшная, темная, тягучая тоска. Поблекли лучи весенняго утра, опять все заволоклось давящимъ душу и мозгъ туманомъ, въ которомъ тонули всѣ краски прошлаго, за которымъ, казалось, не было просвѣта будущему, потому что не было исхода для душевной драмы. Свѣтъ Церкви, въ которой она родилась, не сіялъ больше успокоительной, умиротворяющей благодатью для ея смятенной души. Не могла она болѣе, какъ раскаянное дитя, какъ блудный сынъ, броситься въ ея объятія и, слезами раскаянія омывъ свою душу, вернуть былой покой. Печальная, потемнѣвшая, безъ яркаго согрѣвающаго и оживляющаго пламени, уходящая въ землю, а не возносящаяся къ небесамъ, стояла передъ ея глазами ея родная Церковь. Не чувствовала она въ ней той силы, которая, въ годину скорбей, выростаетъ, сильнѣе притягиваетъ вѣрующихъ, которая внушаетъ пастырямъ огненныя слова и даетъ величіе духа, мудрую кротость въ борьбѣ съ врагами и высокія дѣла какъ примѣръ,

безъ которыхъ ничтожны и мертвы всѣ слова... Она чувствовала, какъ между ея душой и этой затуманившейся Церковью уже образовалась пропасть; пропасть отдѣляла ее и отъ той другой Церкви, сіяющей лучезарнымъ свѣтомъ Истины.

Если она перешагнетъ создавшуюся пропасть, чтобы вернуть свою душу Церкви Православной, душа ея останется мертвой въ сознаніи, что не нашла она въ себѣ живой и мощной силы пойти на муку во Имя Его, Того, — Кто создалъ Церковь Свою единую, чтобы въ Ней слились всѣ; что побоялась она изранить душу свою, отрывая ея живое тѣло отъ Церкви, въ которой родилась, что не нашла она мужества побороть страхъ во Имя Его, что никогда не найдетъ она больше покоя и былой радости, потому что душа, которой мелькнулъ свѣтъ Истины, и которая побоялась страданій для достиженія ея, — эта душа обречена на вѣчную тоску...

Надо идти впередъ, надо перешагнуть другую пропасть, за которой сіялъ Свѣтъ Церкви Вселенской.

— Ренегатство... Смертный тяжкій Грѣхъ... Отреченіе отъ своей родной страдающей Матери-Церкви... Отреченіе отъ Христа... — опять раздались страшныя громовыя слова.

— Отъ Христа отреченіе? Но вѣдь переживаются эти душевныя муки во Имя Его, во Имя Его Церкви, отъ которой откололи насъ враги ея.

Опять начались страданія противорѣчивыхъ мыслей и доводовъ. Сандра, съ тоской, подняла глаза на Распятіе. Тяжело повисшее, вывихнутое въ суставахъ, тѣло Божественнаго учителя, пронизанное робкимъ лучемъ ранняго весенняго солнца, казалось живымъ. Свѣсившаяся голова въ терновомъ вѣнкѣ, въ скорбныхъ мукахъ, осунувшееся кроткое лицо съ впалыми глазами, въ которыхъ сіялъ землѣ Свѣтъ Небесный, уста, запекшіяся со скорбной складкой неземной тоски, вѣщавшія слова любви и кротости.

Раздвигались глубже и глубже вѣка. Оживала слоновая кость, фигура Распятія преображалась въ живое тѣло, въ которомъ каждый мускулъ, каждая жилка были подвергнуты жестокой пыткѣ. Сандра впилась взглядомъ въ это ожившее тѣло, и ея сердце содрогнулось отъ ужаса передъ содѣланной жестокостью надъ Тѣмъ, Кто былъ кроткомъ, Кто шелъ по землѣ, окруженный

сіяньемъ любви и всепрощенія, Кто звалъ людей слиться въ добрѣ, чтобы создать Царствіе Божье...

Выплылъ образъ Кроткой Тихой Матери Кроткаго Божественнаго Сына. Сандра, утерявшая своего ребенка, до глубины души почувствовала неслыханную нечеловѣческую муку дѣвственной Богоматери, обнимавшей на Крестѣ истерзанныя гвоздями драгоцѣнныя ноги Сына, Который для счастья людей пришелъ на землю, но, кроткій и благостный, былъ оплеванъ и убитъ. Истину распяли на Крестѣ!... Великая божественная истина въ мукахъ умирала на Крестѣ! Въ безмолвной скорби рыдала Мать, покорная волѣ своего Божественнаго Сына.

Сандра упала на колѣни. Какъ ничтожны показались ей муки ея сердца въ сравненіи съ тѣмъ, что открылось ея душѣ, что увидѣла она передъ собой! Слезы потекли изъ глазъ, и молитва горячая и страстная вырвалась изъ души къ подножью Креста. О, если бы она могла омочить слезами эти бѣдныя истерзанныя ноги, которыя безъ устали, безъ отдыха по всякимъ путямъ кротко шагали по землѣ. Что ея слезы въ сравненіи со слезами несчастной Матери, обожавшей своего единственнаго чудеснаго Сына?!

— Чтобы приблизиться къ Тебѣ, чтобы склониться подлѣ Тебя, я пойду на муку... Дай мнѣ силы... укрѣпи вѣру мою... укажи путь мой... — въ пламенной молитвѣ шептали уста, и слезы — чистый источникъ чистой молитвы,—свѣтлыми каплями падали и падали на сплетенныя пальцы.

— Я слуга Твоя... хочу творить волю Твою... Хочу идти по пути Твоему...

Весенній лучъ, пронизавшій Распятіе, осѣнилъ ея склоненную, въ покорной мольбѣ, голову...

Сандра проводила дни въ размышленіяхъ и молитвѣ, ожидая отъ брата отвѣтное письмо. Онъ не замедлилъ отвѣтомъ.

— «Какъ сама видишь, я все это время молчалъ, оставляя тебя одну выстрадать величайшее счастье приближенія ко Христу, — писалъ ей Кириллъ. — Мнѣ кажется, судя по письму твоему, что ты уже близко подошла къ порогу Истины, и потому я радостно отвѣчу на твои вопросы:

«Тотъ, кто вѣруетъ въ божественность Спасителя,

тотъ долженъ исповѣдовать религію, основанную Имъ такъ, какъ Онъ ее основалъ, признавать нерушимо и точно Его волю, какъ признавали ее всѣ отцы Церкви; то есть признавать Главой всей Церкви преемника Св. Апостола Петра, черезъ котораго дарується ей Истина.

«Въ непризнаніи этой власти кроется гордыня и отсутствіе послушанія волѣ Спасителя.

Апостолъ Петръ былъ равенъ другимъ одиннадцати Апостоламъ въ своемъ достоинствѣ Апостольскомъ, — равномъ для всѣхъ, но онъ получилъ отъ Христа еще иное достоинство, иное званіе, исключительно ему дарованное, отличающее его отъ другихъ Апостоловъ; онъ получилъ первенство слѣдующими, обращенными къ нему словами Христа:

«Ты еси Петръ (камень) и на семъ Камнѣ созижду Церковь Мою». Имя только одного Симона онъ передѣлалъ въ имя Петра. Одному Петру Онъ далъ ключи Царствія Небеснаго, по тогдашнему времени символъ наивысшей власти; потому онъ и называется ключеносцемъ Царствія Небеснаго и изображается, держащимъ въ рукѣ этотъ символъ высшей власти.

«Только Петру Онъ настойчиво повторилъ въ присутствіи остальныхъ апостоловъ: «Паси овцы моя».

«Если девять вѣковъ Отцы Церкви, которыхъ мы чтимъ, признавали власть преемниковъ Апостола Петра, какъ можемъ мы отрицать ее?

«Такъ какъ существенной разницы въ основныхъ догматахъ Православной и Католической Церкви не имѣется, что подтверждается тѣмъ, что для перехода въ Церковь Католическую не требуется ни перекрещенія, ни мѵропомазанія, то камнемъ преткновенія остается все тотъ же вопросъ послушанія въ признаніи Папы преемникомъ Св. Апостола Петра и единымъ Главой Церкви Вселенской. Истину не могутъ найти всѣ, ее находитъ одинъ. Оттого Спаситель одному и вручилъ право стать Главою Церкви.

«Все это я написалъ тебѣ, другъ мой, для «разума». Все это въ большемъ масштабѣ ты можешь почерпнуть изъ книгъ Церкви, изъ Писанія Св. Отцовъ; но разумъ это одно, а вѣра — другое. Разумъ только облегчаетъ въ дѣлахъ вѣры, которую мы можемъ получить, прося ее у Господа. Истинной вѣрѣ разумъ, данный намъ Господомъ же, помѣшать не можетъ. Повторяю еще:

молись, молись, и Господь укрѣпитъ вѣру твою, откроетъ тебѣ Свѣтъ Истины»...

Опять Сандра взялась за книги, раскрывающіе въ полнотѣ Исторію Церкви и за книги о Католичествѣ, которыя были въ рукахъ ея мужа и ея брата. Она горячо и неустанно молилась, чтобы Господь помогъ ей, чтобы Онъ далъ ей вѣру, покой, силу и радость въ рѣшеніи пріобщиться къ единой Вселенской Церкви.

Прошло еще недѣли три, послѣ полученнаго ею письма отъ брата Кирилла. Однажды, Сандра, въ сопровожденіи вѣрнаго Пенсіеро, шла вдоль шоссе, направляясь къ рощѣ. Былъ тихій, теплый весенній день. Солнце клонилось къ западу, заливая всю природу косыми лучами. Ярко изумрудной нѣжной зеленью уже были одѣты рощи, луга и лѣсъ. Въ природѣ царилъ торжественный, какъ въ храмѣ, покой.

Она вошла въ рощу, сѣла на землю и, прислонясь спиной къ стволу березы, по которому скользилъ розовый теплый лучъ, раскрыла книгу. Пенсіеро устало опустился подлѣ нея и сейчасъ же принялся дремать. Раскрытая книга, не перелистываясь, лежала на колѣняхъ; глаза были устремлены впередъ, мимо опоясанныхъ золотомъ, торжественныхъ, прямыхъ стволовъ зеленаго Храма, къ раскинутымъ подъ голубыми небесами, пестрѣющимъ ранними цвѣтами, лугамъ. Въ небѣ вились ласточки, осторожная бѣлочка шмыгнула вверхъ по стволу, пробѣжала торопливая ящерица мимо самыхъ ногъ. Отъ земли шелъ пьяно-влажный запахъ плодотворнаго произростанія. Сандра наклонилась къ землѣ и стала жадно вбирать въ себя этотъ благотворный ароматъ природы. Первый разъ она почувствовала любовь, чисто физическую нѣжность къ землѣ, изъ которой создалъ Творецъ перваго человѣка и въ которую надлежитъ уйти каждому, чтобы раствориться и слиться съ ней.

Изъ земли созданъ человѣкъ, въ ея объятіяхъ происходило зачатіе первобытныхъ людей и ихъ рожденіе и умиралъ человѣкъ, распростертый на землѣ, чтобы затѣмъ уйти въ нее. Главнѣйшіе таинственные акты жизни человѣка тѣсно связывались съ землей: тайна зачатія, тайна рожденія и тайна смерти... Какъ я люблю тебя, вѣчно возрождающаяся въ своей молодости, моя нѣжная, моя молчаливая, полная чудесъ — мать-земля!..

Сандра, въ охватившемъ ее благоговѣйно-благодарномъ порывѣ, легла ничкомъ и прижалась всей грудью къ теплой ароматной землѣ, гдѣ весеннія травы, полныя живыхъ соковъ, вбирали въ себя, какъ и она сама, силу жизни изъ нѣдръ этого таинственнаго прекраснаго Божьяго лона.

— Господи, какъ хорошо... Какъ чудно! — Сандра восторженно подняла глаза къ Небу. Теплая волна медленно, медленно начала заполнять ея сердце. Душа расширилась, рванулась къ полету, благодатно затрепетала, и вдругъ яркій, радостно-торжественный свѣтъ залилъ сердце и душу, залилъ всю рощу и луга, залилъ весь міръ, всю жизнь и все, что было пройдено ею мукъ, страданій и слезъ.

— Господи! Господи!... — повторяла она, прижимая къ груди руки и уносясь душой все выше и выше туда, къ сіянію голубыхъ весеннихъ небесъ, туда, откуда лился ей яркій, преисполненный новой жизни, свѣтъ.

— Иду, иду къ Тебѣ, Господи, иду съ вѣрой и радостью... иду къ Тебѣ —послушная слуга Твоя...

Сандра опустилась на колѣни, охватила руками теплый стволъ березы и, прижавшись къ нему, уносясь въ безсловесной молитвѣ къ Творцу, раскрывшему передъ ней лучезарный путь, безтрепетно перешагнула пропасть и, со всей радостью неземного счастья, всей силой души, влилась въ лоно единой Вселенской Церкви.

XXXIV

— Дорогой милый другъ мой, какъ я ждалъ этой встрѣчи съ тобой, какъ вѣрилъ въ нее...

Кириллъ, въ длинной черной рясѣ, съ отпущенными волосами, въ очкахъ вмѣсто пенснэ, держалъ сестру за обѣ руки.

Сандра, съ дрожащими губами, готовая расплакаться, смотрѣла на брата, пораженная происшедшей въ немъ перемѣной.

— Кира, ты другой, совсѣмъ другой сталъ... — наконецъ, пересиливъ себя, произнесла она.

— Ну, конечно другой, и ты другая. Надо радоваться. — У Кирилла вспыхнули глаза, и въ голосѣ прозвучали радостныя бодрыя нотки.

— Священничекъ мой милый!... какой ты сталъ... простенькій, — улыбнулась Сандра.

— Да, тихъ и простъ, но горячъ душой. Я счастливъ, милая, счастливъ и благодаренъ Господу за себя и за тебя. Когда я получилъ отъ тебя письмо съ описаніемъ этихъ чудесныхъ минутъ твоего просвѣтленія, я цѣлую ночь не могъ глазъ закрыть. Теперь, рука объ руку, мы сдѣлаемъ съ тобой много полезнаго для людей, если Господу это будетъ угодно.

— Что же мы стоимъ? Садись. Я такъ ждала тебя.

— Я вѣдь не надолго. Меня отпустили не по правилу.

— Какъ не надолго? Мнѣ надо столько тебѣ разсказать. Ахъ, Кира, все такъ странно, такъ чудесно! Съ той минуты какъ наступило мое просвѣтленіе, передо мной раскрылись новые горизонты, жизнь получила иной, болѣе глубокій смыслъ, и на душѣ такъ свѣтло и спокойно.

— Все это я зналъ и ждалъ для тебя.

— Ну вотъ, опять я въ Римѣ, но все совсѣмъ иное. У меня такое чувство, Кира, что начинается для меня совсѣмъ иная жизнь.

— А какъ же будетъ съ Арчевскимъ?

— Я не могу быть его женой: въ смерти Андрея я вижу указаніе Божье для себя; было бы ужасной измѣной его памяти выйти вторично замужъ послѣ того, какъ я узнала сколько чувства любви таилось въ его многолѣтнемъ молчаніи. Бѣдный, милый Андрей! Мои мысли полны молитвы о немъ и о томъ, чтобы Господь простилъ мнѣ мои грѣхи по отншенію его. Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше чувствую свою вину. И кромѣ того... — Сандра, не договоривъ, умолкла.

Когда Кириллъ поднялся, чтобы уходить, она съ упрекомъ протянула къ нему руки:

— Что же ты такъ скоро уходишь? И поговорить обо всемъ не успѣли.

— Мой другъ, я долженъ идти.

Только на слѣдующій день Сандра дала знать Арчевскому о своемъ пріѣздѣ. Она ждала его прихода почти спокойно. Всѣ рѣшенія осѣли въ мозгу опредѣленно и стойко. Она чувствовала въ себѣ твердую увѣренность, достигнутую страданіями мыслей, сомнѣній и внутренней борьбой.

Арчевскій сильно волновался, подымаясь по лѣстницѣ отеля. За послѣднее время, нервы его пошатнулись.

Отвыкшій за долгій періодъ времени отъ закулисныхъ интригъ, онъ съ трудомъ переносилъ ихъ теперь, когда усталая душа требовала полнаго покоя. Для оперныхъ восходящихъ звѣздъ появленіе Арчевскаго было неожиданно и непріятно. Надежды на его провалъ и на охлажденіе публики оказались тщетными. Когда, съ перваго же спектакля, стало несомнѣннымъ, что онъ опять завоевалъ первое мѣсто, что время пощадило великолѣпный инструментъ, дарованный ему природой, и что голосъ звучитъ такъ же какъ и въ первые дни его блестящей карьеры, — онъ почувствовалъ вокругъ себя враждебно настроенныхъ товарищей по сценѣ, не могущихъ простить ему его неувядшей, вновь разгорѣвшейся славы.

Темпераментъ большого артиста бралъ свое и, пока онъ пѣлъ, онъ забывалъ все, кромѣ наслажденія давать волю дивной звуковой волнѣ, точно передававшей малѣйшее колебаніе его душевныхъ эмоцій; но едва онъ уходилъ со сцены, вокругъ него мгновенно замыкался кругъ скучной реальности, и онъ, несмотря на бури аплодисментовъ, на цвѣты, на оваціи, возвращался домой усталый и грустный. Отъ Сандры письма приходили не часто. Онъ не могъ обманывать себя, что со смертью ея мужа что-то оборвалось въ ея чувствахъ къ нему. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ ея отелю, тѣмъ сильнѣе волновался.

— Ничего хорошаго не будетъ, — повторялъ онъ себѣ, стараясь подготовить себя къ чему то, что давно было заложено въ подсознаніи.

Въ томъ же черномъ платьѣ, въ которомъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ Парижѣ, съ той же гладкой прической на проборъ, дѣлавшей лицо строже и худѣе, Сандра, стоя на колѣняхъ, что то искала въ раскрытомъ чемоданѣ. Не подымаясь съ колѣнъ, она протянула ему руку.

Все еще волнуясь, онъ посмотрѣлъ ей въ глаза вопрошающимъ взглядомъ. Она улыбалась спокойной ласковой улыбкой.

— Милая, что ты такъ долго не ѣхала?

— Раньше было невозможно. — Она перестала улыбаться; взяла подъ руку Арчевскаго, пришла съ нимъ на балконъ, выходившій на внутренній полисадникъ и сѣла спиной къ периламъ. Онъ остался стоять и, при-

стально вглядываясь въ ея лицо, находилъ что то новое въ его выраженіи.

— Я ужасно рада, милый Юрій, что всѣ ваши выступленія такъ блестящи. Въ Парижѣ о васъ много говорятъ.

Онъ, съ видомъ безразличія, пожалъ плечами.

— Сядьте. Мнѣ надо многое сказать вамъ, но вы какъ то неуютно стоите, и я не знаю съ чего начать.

Арчевскій сѣлъ въ кресло, стоявшее напротивъ нее. Онъ уже не волновался; ему захотѣлось, чтобы скорѣе все было выяснено.

— Начни съ того, что для меня самое важное: съ какимъ чувствомъ ко мнѣ ты пріѣхала сюда?

— Юрій, прежде всего ты долженъ узнать, что я перехожу въ католичество.

— Въ католичество?! Ну, этого я никакъ не ожидалъ. Вижу въ этомъ дѣлѣ руку Кирилла.

Сандра сдвинула брови:

— Оставь, Кириллъ тутъ не при чемъ.

— Какъ не при чемъ? Не само же это сдѣлалось?

— Нѣтъ, само.

— Для чего это надо?... Не понимаю, рѣшительно не понимаю.

— Послушай, Юрій, нельзя въ такомъ тонѣ говорить о такихъ глубокихъ вещахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю тебя, я безъ всякаго тона, я только не могу понять, для чего это.

— Развѣ можно къ вѣрѣ прилагать мѣрку «для чего».

— Ну, изволь: первое, значитъ, католичество. А потомъ?

— Я не могу выйти второй разъ замужъ... Смерть Андрея... Я не могу, пойми меня.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло!...

Арчевскій измѣнился въ лицѣ.

— Я былъ почти готовъ къ этому.

Онъ поднялся съ кресла.

— Погоди, Юрій. Другъ мой, пойми меня.

— Нѣтъ, я не понимаю. Какъ тотъ разъ я не понялъ тебя, такъ и теперь не понимаю. Тотъ разъ ты разбила мнѣ сердце, теперь ты разбила надежду на возможность быть еще хоть не надалго счастливымъ. Я не долженъ былъ ждать этого счастья. Помнишь, въ день нашей

встрѣчи я вернулся къ магазину, гдѣ ты осталась ожидать меня, испуганный мыслью, что ты уйдешь. А потомъ, мое тягостное предчувствіе подъ портиками монастыря. Развѣ это предчувствіе обмануло меня?

— Боже мой, да вѣдь душой и сердцемъ я не ухожу. Это совсѣмъ не то, — тоскливо произнесла Сандра.

— Дли меня это буквально то, чего я боялся.

— Юрій, я люблю тебя, люблю гораздо болѣе глубокой и прочной любовью, чѣмъ ты думаешь.

— Полно, милая, золотить пилюлю. — Арчевскій махнулъ рукой. Если бы любила по настоящему, то ничего иного не имѣла бы въ сердцѣ кромѣ любви ко мнѣ. Я тебя любилъ и люблю поверхъ всѣхъ и всего, что меня окружаетъ. У меня всѣ мысли сосредоточены только на тебѣ.

— Юрій, у тебя достаточно горячая душа, чтобы понять, что есть чувства выше земли. — Сандра встала и съ балкона перешла въ комнату.

Арчевскій сидѣлъ, опустивъ голову. Она подошла къ нему и положила руку на его голову.

— Какъ только мы дѣлаемъ первый шагъ на пути къ Богу, уже мы себѣ не принадлежимъ, потому что передъ нами раскрываются наши заблужденія и наши обязательства по отношенію Бога, людей и себя. Мой первый шагъ по этому пути былъ безсознательно направленъ рукой моего мужа. Ты не знаешь, Юра, что братъ передалъ мнѣ письмо, написанное имъ за нѣсколько часовъ до смерти. Теперь, я могу все подробно разсказать тебѣ: я увѣрена, что въ глубинѣ души ты поймешь, что самъ Господь направляетъ волю мою.

Когда Сандра окончила свой разсказъ, по щекамъ ея струились слезы. Арчевскій подошелъ къ ней, взялъ въ руки ея голову и нѣжно поцѣловалъ ея глаза:

— Не плачь. Я ни въ чемъ тебя не упрекаю, ничего отъ тебя не требую. Иди, куда зоветъ тебя твое сердце и душа.

— Милый Юрій, въ звукахъ, уносясь отъ земли, твое сердце горитъ чистымъ, яркимъ пламенемъ; этимъ горѣніемъ, я знаю навѣрное, ты поймешь мою душу. Волей Бога, Андрей своей смертью указалъ мнѣ путь.

— Скажи мнѣ, моя милая, что мы остаемся близкими душой, что тебѣ нужна моя любящая тебя душа. Един-

ственное близкое для меня во всемъ мірѣ существо — осталась только ты. Моя слава, и блескъ успѣховъ, и восторги толпы!... Никто не знаетъ, какъ ненужны мнѣ эти восторги толпы, какъ скучно и пусто у меня въ душѣ.

— Юрій, мое сердце тоже давно опустѣло отъ этихъ призраковъ счастья. Если я начинаю подходить къ порогу истинныхъ неизмѣнныхъ цѣнностей, то только потому, что жизнь и Господь указали мнѣ, что счастье земли есть вѣчно колеблющіяся, убѣгающія отъ нашего приближенія, тѣни. Дѣйствительное счастье — это дыханіе, это горѣніе души. Я много поняла за это время. Я вижу людей въ вѣчной погонѣ за тщетнымъ счастьемъ, вижу эту вѣчную борьбу за обладаніе неуловимыхъ, вѣчно убѣгающихъ тѣней. Только послѣ долгихъ и сложныхъ страданій мы понимаемъ, что тѣни эти неуловимы, что первоисточники счастья заложены внутри насъ самихъ. Неисчерпаема глубина въ словахъ Библіи: «Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ — все суета и томленіе духа».

— Зачѣмъ мнѣ теперь пѣть? Тоже томленіе духа...— уныло проговорилъ Арчевскій.

— Пой для другихъ. Господь далъ тебѣ талантъ, чтобы ты давалъ радость людямъ, а деньги... давай лишнія деньги пока мнѣ.

— Тебѣ нужны деньги? — встрепенулся Арчевскій.

— Мнѣ нужно будетъ много денегъ для одного большого, чистаго и свѣтлаго дѣла, въ которое я вложу весь свой капиталъ. Для меня будетъ большимъ счастьемъ знать, что деньги отъ твоего таланта будутъ слиты съ моими трудами.

— Ты хочешь мнѣ дать цѣль жизни? — грустно улыбнулся Арчевскій.

— Юрій, дорогой, милый другъ мой, я вижу ясно, вижу отчетливо, что оба мы стоимъ на поргѣ новаго пути. Мнѣ онъ уже ясенъ. Тебѣ онъ откроется, когда, моими молитвами, ты подойдешь ближе къ Богу. Мы должны очень много молиться, чтобы удержать паденіе въ бездну безконечнаго количества душъ, охваченныхъ стихійнымъ зломъ. Когда ты отойдешь отъ міра звуковъ, то я позову тебя, и ты пойдешь за мной.

— Куда? Куда ты позовешь меня, моя Сандра?

— Ты увидишь... — загадочно отвѣтила она, кладя голову ему на грудь.

— Пойду, пойду всюду, куда захочешь, куда укажешь, моя единственная, моя любимая...

— Спасибо тебѣ за эти дорогія слова. Я унесу ихъ въ своемъ сердцѣ.

Сдерживая слезы, Арчевскій приникъ къ ея рукѣ.

XXXV

Сандра провела мѣсяцъ въ атмосферѣ полнаго покоя и мира души: Кириллъ устроилъ ее въ монастырѣ, расположенномъ въ живописнѣйшей мѣстности Рима на холмѣ Джіаниколо. Монастырь этотъ, въ которомъ жила много лѣтъ до своей смерти основательница его — мать Барра, — преисполненъ совершенно особенной, непередаваемой атмосферой тихой прелести, начиная съ готической, съ колоннами желтаго мрамора, базилики и кончая каждой аллеей сада, подымающагося уступами къ вершинѣ холма. Съ верхней тропинки монастырскаго сада виденъ весь, далеко раскинувшійся, священный городъ, неописуемо прекрасный въ опалово-багрянныхъ колоритахъ при закатѣ солнца. Далеко за его стѣнами, видна голая долина съ картинно разрушенными арками древнихъ акведуковъ, а еще дальше къ горизонту, въ сиреневой голубоватой дымкѣ,—Албанскія горы.

Въ лунныя ночи, подъ сіяніемъ ночного свѣтила, вмѣстѣ съ остроконечной колокольней, тянутся къ небу высокія, съ мохнатыми стволами, пальмы, вознося Богу непрестанно рѣющую, неумолкающую молитву тихихъ монахинь, окутанныхъ въ черное, со свѣтлыми мыслями и со свѣтлой душой.

Была поздняя ночь. Вокругъ монастыря царила полная тишина. Сандра стояла у раскрытаго окна своей скромной монастырской комнатки, выходившей окнами въ садъ. Прямо противъ нее, подлѣ усыпанной желтымъ пескомъ дорожки, раскинулось апельсиновое дерево съ крѣпкими темно-зелеными листами, казавшимися совсѣмъ черными въ мутномъ свѣтѣ молодого мѣсяца. Группа стройныхъ березокъ склонила передъ нимъ до земли тонкія, гибкія вѣтви. За клумбой незатѣйливыхъ цвѣтовъ свѣтлѣла дорожка, подымавшаяся извилистой лентой все выше и выше къ самой верхушкѣ холма Джіаниколо.

Сандрѣ не спалось. Она, вслушиваясь въ тишину, нарушаемую немолчнымъ журчаніемъ холодной свѣтлой струи, сбѣгающей, изъ невѣдомыхъ темныхъ нѣдръ земли, въ каменный водоемъ скалистой стѣны сада. Узкій рогъ молодого мѣсяца свѣтлыми таинственными тѣнями проникалъ въ гущину сада. Четко и молитвенно строго тянулась къ звѣздному куполу острая, отливающая сталью верхушка колокольни; высокая пальма тянулась вслѣдъ за колокольней и тоже, казалось, слушала немолчный однообразный ропотъ горной струи, нарушавшей ночной покой монастырскаго сада.

Тихая, нѣжная, сладкая грусть тѣснила сердце. Мысли проплывали какъ неясныя таящія облака, рисуя, одну за другой, картины прошлаго и отгадываемаго будущаго. Надъ садомъ, надъ всѣмъ монастыремъ, надъ мыслями и, стѣсненнымъ сладкой тоской, сердцемъ мерцали далекія звѣзды — пылинки далекихъ міровъ,— недосягаемыя лампады небесъ, неугасаемыя свѣчечки, къ мерцанію которыхъ льнутъ молитвы грѣшной земли.

Таинственная рука медленно, медленно, одна за другой, перелистывала передъ глазами Сандры страницы всей ея жизни. Сердце ея тихо скорбѣло въ сознаніи безвозвратности заблужденій минувшаго. Въ этой обители покоя и молитвы казались непостижимыми уродливыми гримасами, дешевыми страстями, пустыми звуками, дикими прыжками, — стремительныя погони изо дня въ день, изъ пустоты въ пустоту, за неуловимыми, всегда убѣгающими тѣнями, въ которыхъ люди, эти галюцинирующіе безумцы, ищутъ счастія для мимолетной, какъ эти тѣни, — жизни.

Переболѣли, перестрадались, слезами оросились тропинки, приведшія душу къ созерцанію и оцѣнкѣ минувшихъ годовъ жизни. Душа раскрылась, охватила, раньше невѣдомые, горизонты, распознала въ ихъ даляхъ свѣтлую пристань и плыла къ ней освобожденная, умиротворенная, безстрашная къ страдніямъ земли, умудренная въ своей вѣрѣ.

Изъ сада теплое дыханіе лѣтней ночи обдавало ее ароматами, остывающей отъ знойнаго дня, земли, а съ неба мерцающія звѣзды посылали миръ душѣ, покорной волѣ Творца, ищущей свѣта и правды.

Сандра перекрестилась, задернула занавѣсъ, легла и быстро заснула крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

На слѣдующее утро, съ тѣмъ же покоемъ въ душѣ, она тихо вошла въ Церковь, къ ранней обѣднѣ, когда всѣ монахини и послушницы были уже на своихъ мѣстахъ. Опускаясь на колѣни, она почувствовала за своей спиной, на обычномъ мѣстѣ, колѣнопреклоненную фигуру настоятельницы монастыря, съ синими, какъ полевые васильки, кроткими глазами.

Сандра молилась безъ словъ, порывомъ души, сливаясь съ молитвой монахинь. Когда раздался первый ударъ колокола, она, ни на кого не глядя, вышла изъ церкви.

Въ окно бѣлой, свѣтлой комнатки вливались потоки свѣта и яркія краски сада, опоеннаго тепломъ жаркаго солнца.

Осторожно постучались въ дверь. Вошла невысокая тонкая монахиня. Несмотря на черные покровы, вся свѣтлая, съ лучистыми умными глазами. Овалъ лица, окаймленный бѣлымъ гофрированнымъ рюшомъ, былъ чистъ и свѣжъ, какъ у юной дѣвушки. Нетронутый годами, совсѣмъ юный цвѣтъ кожи, врожденное изящество тихихъ движенiй, пылкая всеобъемлющей любовью душа и ясный здравый умъ создавали неотразимую прелесть всей личности англичанки монахини, перешедшей въ католичество и надѣвшей монашескую рясу.

Какъ вы себя чувствуете? — спросила мать Этти. Въ улыбкѣ глазъ была неисчерпаемая влекущая ласка.

Сандра взяла обѣ ея хрупкія блѣдныя руки и прижала къ своей груди. Къ настоятельницѣ монастыря и матери Этти у Сандры было совершенно особенное глубокое чувство, знакомое лишь тѣмъ, которые знаютъ встрѣчи, гдѣ родство душъ выливается внезапнымъ, цѣльнымъ и неизмѣннымъ чувствомъ на всю жизнь.

— Мать настоятельница просила вамъ передать, что она за вами сама придетъ. Мы будемъ сегодня о васъ много молиться. — Она улыбнулась и неслышно вышла, прикрывъ за собою дверь.

Сандра раскрыла Евангеліе, старое, любимое, съ пожелтѣвшими разбухшими листами, въ порыжѣломъ кожаномъ переплетѣ,—бабкино Евангеліе. Открылась нагорная проповѣдь. Она начала читать медленно, проникаясь, вдумываясь въ каждое слово:

«Блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть Царство

Небесное... блаженни кроткіе, яко тіи наслѣдуютъ землю»...

Она читала, и ей казалось, что впервые она постигаетъ тонкую, глубокую, лилейно-чистую красоту кроткой мысли. Каждое слово звѣздилось и сіяло; Сандра воспринимала ихъ глубокимъ дыханіемъ своей расцвѣтшей, раскрывшейся души.

«Блаженни миротворцы, яко тіи сынами Божіими нарекутся». Миротворцы? Кто же они? Гдѣ они? Она вспомнила брата Кирилла, и его слова о томъ, что вражда Восточной Церкви къ Церкви Католической есть величайшее горе для Христіанскаго міра, ибо Церкви эти расколоты изъ за духа гордыни и неповиновенія, что каждый возсоединяясь съ Церковью вселенской, совершаетъ единичный актъ «миротворчества», актъ кротости и послушанія власти, поставленной надъ Церковью Самимъ Христомъ.

«Яко тіи Сынами Божьими нарекутся... Сынами Божьими! Горячая волна залила счастьемъ сердце Сандры. Въ ея памяти промелькнули лица, и прозвучали пренебрежительныя слова о дорогомъ для ея души братѣ Кириллѣ: «экзальтированный фантазеръ... латинизація русскаго духа... отсутствіе патріоризма... заискиваніе передъ Ватиканомъ»... Какъ далеко отъ истины, какъ пусто и ничтожно звучали эти слова здѣсь въ этой тихой и святой обители. «Яко тіи Сынами Божьими нарекутся»... еще разъ повторила она съ тихимъ восторгомъ въ душѣ.

— Господи, помоги и имъ понять, отойти отъ себя, отрѣшиться отъ, вѣками воспитанной, гордой вражды,— прошептала Сандра, склоняя голову надъ раскрытымъ на колѣняхъ Евангеліемъ.

Отъ рѣшительной и торжественной минуты ее отдѣляли всего нѣсколько минутъ и, вмѣсто хаоса мыслей и чувствъ, которыя такимъ безпокойно-волнующимся мучительнымъ кольцомъ окружали ее еще такъ недавно,— она испытывали полное спокойствіе, полное примиреніе съ собой, со всѣми враждебными противорѣчіями.

Дверь тихо открылась.

— Пойдемте. Отецъ Владиміръ въ Церкви. — На порогѣ стояла монахиня настоятельница монастыря. Лицо ея поражало выраженіемъ глубокой кротости. Тѣ же что у матери Этти голубые глаза, но взглядъ болѣе

ушедшій въ себя, взглядъ не знавшій жизни міра, тихій, въ самой себѣ сосредоточенный, взглядъ — близкій для души, далекій для жизни.

Сандра положила на столъ Евангеліе. Настоятельница взяла ее за руку. Молча, они прошли длинными корридорами и вошли подъ своды галлереи, выходившей большими полукруглыми просвѣтами въ садъ. Яркое, горячее солнце, солнце юга заливало золотыми бликами каменный полъ.

Въ черномъ одѣяніи, съ длиннымъ, спускавшимся съ головы, вуалемъ, легкими складками окутывавшимъ всю ея фигуру, неслышно ступала рядомъ съ Сандрой мать настоятельница.

Пройдя слѣдующій широкій полутемный корридоръ, онѣ остановились передъ входомъ въ Церковь, и обѣ опустились на колѣни.

Сандра почувствовала легкое сердцебіеніе. Еще нѣсколько минутъ, еще нѣсколько шаговъ и совершится великая мистическая тайна.

— Господи, отнынѣ отдаю Тебѣ всѣ мои силы, всѣ помыслы, всю жизнь мою... Иду къ Тебѣ, мой Спаситаль... Хочу нести иго Твое, — въ жаркой молитвѣ обратилась Сандра къ Господу.

Мать игуменья поднялась съ колѣнъ, ласково сжала пальцы Сандры и медленнымъ шагомъ, наклонивъ голову, провела ее черезъ всю церковь къ поставленному передъ Престольной рѣшеткой — налою.

Идя рядомъ съ монахиней, Сандра отчетливо сознавала каждое протекающее мгновеніе, приближавшее ее къ налою, передъ которымъ ей надлежитъ переступить то, что раньше казалось глубокой пропастью. Края пропасти сблизились; осталась только черта, едва уловимая, которую она переступитъ безъ страха и колебаній.

На своихъ обычныхъ мѣстахъ, Сандра скорѣе угадала, чѣмъ увидѣла склоненные въ молитвенной неподвижности черныя фигуры. Она знала, что въ эти священныя мгновенья новаго крещенія души ея, всѣ, кто окружаетъ ее въ этой церкви, сливались вмѣстѣ съ нею въ одной горячей молитвѣ.

На налоѣ лежало большое, тяжелое Евангеліе. Сквозь расписной многоцвѣтными окрасками витражъ готическихъ оконъ, проникалъ голубоватыми тонами смягченный свѣтъ солнечнаго яркаго утра, въ которомъ, подоб-

но желто-алому цвѣтку нарциса, неподвижно струилось пламя паникадила. Въ черной рясѣ, въ золотистой, съ алыми разводами, эпитрахили, стоялъ отецъ Владиміръ, благочестивый, строгій въ своей жизни, священникъ восточной обрядности Католическаго вѣроисповѣданія. Лицо его, обрамленное каштановыми волосами, было сосредоточенно-строго. Сандра съ душевной теплотой почувствовала рядомъ съ собой біенье русскаго сердца, сливающагося въ одной и той же религіозной идеѣ, постигнутой когда то, съ тѣми же какъ и у нея, страданіями духа.

— Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Отецъ Владиміръ благословилъ ее и началъ читать молитвы, держа передъ собой молитвенникъ.

Когда онъ окончилъ, хорошо знакомыя ей съ дѣтства, молитвы, она, положивъ руку на Евангеліе, начала читать, переведенный съ латыни, актъ присоединенія къ Церкви Католической. Пугавшій ранѣе «актъ отреченія» былъ не болѣе какъ точный перечень вѣрованій Церкви Католической, не разнящійся, кромѣ признанія примата папы, въ основныхъ догматахъ, съ ея прежними вѣрованіями. Ея голосъ звучалъ все ярче и отчетливѣе по мѣрѣ чтенія акта и Символа вѣры. Съ особой силой она произнесла клятву своей вѣрности Церкви Вселенской.

Она опустилась на колѣни. Отецъ Владиміръ прочелъ заключительныя молитвы.

— ...Во всемъ, во всемъ да будетъ Воля Твоя, Господи... — творя земной поклонъ, произнесла Сандра и поднялась съ колѣнъ.

— Отъ всей души поздравляю васъ, — проговорилъ отецъ Владиміръ и еще разъ благословилъ ее. Подошла мать игуменья. Въ ея синихъ глазахъ стояли радостныя слезы.

Монахини и юныя послушницы въ длинныхъ бѣлыхъ вуаляхъ, неслышно покинули храмъ. Они ожидали Сандру въ корридорѣ, чтобы пожелать ей свѣтлаго, новаго счастья, идущаго съ небесъ.

Къ ней подошла мать Этти:

— Пройдите въ пріемную: васъ ждетъ братъ.

Съ сердцемъ, полнымъ крылатой радости, Сандра открыла тяжелую дверь пріемной. У окна стоялъ Кириллъ, какъ казалось Сандрѣ, такъ мало похожій на себя, такой тихій и простенькій въ длинномъ черномъ одѣяніи.

Онъ обернулся и, улыбаясь, пошелъ ей навстрѣчу.

— Кира, Кира... Какъ легко мнѣ, какъ радостно! — Она бросилась къ нему.

— Блаженни миротворцы!.. Благодарю Господа за сегодняшній счастливѣйшій для меня день,—обнимая сестру, произнесъ Кириллъ.—Наконецъ, ты нашла настоящее необманное счастье въ своемъ приближеніи къ Нему. Все, что не Онъ — обманъ жизни.

— Да, Кира. Вся моя прошлая жизнь кажется мнѣ сейчасъ сномъ. Ничего не осталось ни въ душѣ, ни въ сердцѣ отъ этихъ мимолетныхъ сновъ земли. Было столько желаній, стремленій, борьбы за ихъ обладаніе, и ничего, ничего!...

— Сестра моя, безконечно счастливъ тотъ, кому въ снахъ земли приснится хоть разъ путь къ нетлѣннымъ цѣнностямъ, къ необманнымъ радостямъ. Много предстоитъ намъ съ тобой обидъ и борьбы, но путь нашъ свѣтелъ. Послѣ насъ пройдутъ по немъ толпы людей, сейчасъ считающихъ насъ и подобныхъ намъ — экзальтированными безумцами, ренегатами, но они забыли что сливаясь съ Церковью Вселенской, мы творимъ волю Его. «Кто любитъ Меня, тотъ соблюдаетъ слово Мое... по тому узнаютъ всѣ, что Вы ученики мои, если будете имѣть любовь между собой». И еще Онъ сказалъ: «Да будетъ всѣ едино: Какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино».

— Да, Кира, и я предвижу впереди много горечи, но и много свѣта. Въ туманныхъ даляхъ будущаго я вижу себя въ черномъ одѣяніи за стѣнами,, такой же какъ эта. тихой обители, въ непрестанной молитвѣ о близкихъ и далекихъ, въ молитвѣ о нашей страдающей Родинѣ. — Сандра опустила голову, глотая подступавшія слезы.

Наступило минутное молчаніе.

— Пусть будетъ такъ... — значительно произнесъ Кириллъ.

Вѣтеръ распахнулъ рѣшетчатыя ставни окна, и въ комнату ворвались изъ ароматнаго сада лучи горячаго солнца, лучи яркаго свѣта.

КОНЕЦЪ.

Н. А. Лаппо-Данилевская.

2-го апрѣля 1924.
Парижъ.

Типографія
Якубовича и Романо
9, rue St.-Gilles, Paris (3).